

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

ВЫПУСК

6

Москва 2004

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год
Тираж 750 экз.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Бюро по образованию и культуре
Государственного департамента США

Главный редактор:

Борис Ананьич

Редакционная коллегия:

Юрий Батурин
Эмиль Паин
Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали:

Павел Королев, Галина Левина

Верстка:

Любовь Алексенко

На обложке: Храм всех религий под Казанью.
Фото Валерия Бушухина (ИТАР-ТАСС)

Адрес редакции:
Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
ОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана
с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (095) 232-34-96

Электронный адрес:
kennan@kennan.ru

Мнения, высказанные в опубликованных материалах,
могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов
ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
Социокультурные тенденции в российском обществе	
<i>Эмиль Паин</i> Маятник политических идей: некоторые сдвиги в социально-культурной динамике современной России	6
<i>Ютта Шеррер</i> Культурология и учебники по культурологии в России глазами западного историка	20
Реформизм в российском исламе	
<i>Леонид Сюкияйнен</i> Перспективы современной исламской мысли в России	32
Корни радикализма не в исламе	37
<i>Рафаэль Хакимов</i> Двести лет исламской реформации	39
<i>Сергей Градировский</i> Российский исламский реформизм: намечаемые идейные конфликты	47
<i>Дмитрий Арапов, Татьяна Котюкова</i> Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века	57
Россия и Америка: социокультурные связи и влияния	
<i>Денис Драгунский</i> Идентичность после конфронтации: поиски Другого в униполярном мире	72
<i>Никита Покровский</i> Трансформация университетов в условиях глобального рынка	77
<i>Борис Шпотов</i> Помощь в строительстве социализма пришла из-за океана	86

Содержание

<i>Борис Ланин</i> Советско-американские шахматы: к истории межгосударственного интеллектуального противостояния	93
В продолжение темы	
<i>Анатолий Найман</i> Единица	105
Хроника	
Календарь событий весны – лета 2004 года	109
Российско-американские отношения в условиях глобализации	110
Совет Товарищества	112
Вести с Woodrow Wilson Plaza	
<i>Михаил Федотов</i> Лето – горячая пора	113
Книги	
<i>Владимир Носков</i> История России в европейском контексте	117
Вышли из печати	124
<i>Приглашаем авторов к сотрудничеству</i>	128

К читателю

Когда готовился этот номер, произошёл самый ужасный террористический акт в истории России, уже названный «российским 11 сентября». Его причины и последствия ещё долгое время будут горячей темой для обсуждения, предметом анализа и споров многих специалистов в самых разных областях. Несомненно лишь одно – бесланская трагедия стала личной трагедией каждого из нас. Это были наши дети. Потому что чужих детей не бывает.

Настоящий, шестой выпуск «Вестника» посвящён социокультурным процессам в российском обществе. Эмиль Паин, руководитель Центра по изучению ксенофобии и экстремизма Института социологии РАН, рассматривает волновые, или маятникообразные, изменения общественного сознания россиян, особо выделяя те сдвиги, которые влияют на рост ксенофобии и этнополитического экстремизма, проявившегося впоследствии (уже после написания этой статьи) во многих эксцессах, в том числе – в своей наиболее страшной форме – и в бесланской трагедии. Ютта Шеррер, автор известного исследования по культурологии, приглашает читателей к обсуждению сложных вопросов развития этой научной дисциплины в России.

В журнале публикуется ряд статей по итогам конференции «Реформизм в рос-

сийском исламе: история и современность», проведенной в феврале 2004 года Институтом Кеннана и Институтом востоковедения РАН. Авторы предлагают свое видение проблем и перспектив развития ислама в России, обращают внимание на возможности использования для консолидации общества тех ценностей, которые заложены в исламской культуре.

Из обширных материалов другой конференции Института Кеннана – «Российско-американские отношения в условиях глобализации», – прошедшей в июле 2004 года в Подмосковье, для «Вестника» были выбраны несколько статей о различных аспектах социокультурных связей России и США в прошлом и настоящем.

Продолжая разговор на тему самоидентификации личности, затронутую в пятом выпуске журнала, мы публикуем эссе прекрасного поэта и прозаика Анатолия Наймана.

И, наконец, читатель, как всегда, сможет узнать о наиболее ярких событиях, которые состоялись весной и летом этого года в Центре Вудро Вильсона и Институте Кеннана, а также о новых книгах, изданных в России и США и представляющих, по нашему мнению, научный интерес.

Редколлегия

Социокультурные тенденции в российском обществе

Эмиль Абрамович Паин,
 доктор политических наук,
 руководитель Центра по изучению
 ксенофобии и экстремизма,
 Институт социологии РАН,
 Former Woodrow Wilson Center Guest
 Scholar, Former Kennan Institute
 Galina Starovoitova Fellow

Маятник политических идей: некоторые сдвиги в социально-культурной динамике современной России

Постсоветскую историю России можно разделить на два периода, во-первых, по времени правления двух лидеров, во-вторых, обращая внимание на качественные различия в характере развития общества. Наиболее бурные трансформационные процессы пришлось на период правления Б. Ельцина (назовем его условно «эпохой революции»). Затем происходит определенное затухание коллизий так называемой «травматической трансформации» и наступает иной период, который мы также условно назовем «эпохой стабилизации». Он начался в 1999 году и совпал по времени с фактическим приходом к власти В. Путина.

Смена эпох ознаменовалась инверсией многих существенных политических представлений: идеи, пользовавшиеся популярностью в эпоху революций, лишились поддержки элитарных слоев в эпоху стабилизации, а идеи маргинальные вдруг стали модными и престижными. Так, произошел переход от идеи осуждения советского строя к его идеализации; от ориентации на западную модель развития – к обоснованию особого пути России; от идеи «повинимся перед меньшинствами за имперское прошлое» – к идее защиты этнического большинства от агрессивных меньшинств, или защиты «хозяев» от «гостей».

По мнению Л. Гудкова, наиболее популярную в нынешнюю эпоху идеологию можно определить как «неотрадиционализм», который включает в себя

следующие элементы: 1) «мечтания о прежней роли супердержавы в мире», 2) «антизападничество и изоляционизм», 3) «упрощение и консервацию сниженных представлений о человеке и социальной действительности»¹.

Принимая в целом эту концепцию, все же считаю нужным уточнить как признаки понятия «неотрадиционализм» (акцентируя внимание не столько на внешнеполитических его проявлениях, сколько на внутренних российских), так и предложенную Гудковым картину последовательности событий в процессе разрастания традиционных стереотипов в элитарном и массовом сознании. Гудков исходит из того, что российская элита всего лишь воспроизвела уже сложившиеся «самые расхожие массовые мнения и взгляды», я же полагаю, что неотрадиционалистские «мнения и взгляды» вначале были вовсе не расхожими и не массовыми, сформировались именно в элитарных слоях и уже затем были искусственно оживлены в обществе. И лишь после того как реконструированные элитой советские имперские стереотипы получили массовое распространение и приобрели значимость в качестве электорального фактора, их стали эксплуатировать влиятельные силы, при этом не только в политических целях. Растущая в массовом сознании идеализация советской эпохи привлекла внимание бизнеса, который начал активно использовать ее в коммерческих интересах. Например, корпорация «Балтика» решила возродить советский брэнд – пиво «Ленинградское» с этикеткой, которая была в советское время; диски с записями советских песен расходятся миллионными тиражами; плакатами «Наша Родина – СССР» (реклама одной из радиостанций) заклеены вагоны московского метрополитена. Политическая и ком-

мерческая эксплуатация советской ностальгии еще больше ее усилили.

Постараюсь обосновать свой тезис о «навязанном возрождении советских стереотипов», опираясь на материалы тех же исследований ВЦИОМ, которые использует Л. Гудков.

НАВЯЗАННЫЕ ТРАДИЦИИ

Элиты не только «производят идеи», но и распространяют их. Так было и в конце 80-х – начале 90-х годов, когда главным выразителем идей «перестройки», модернизации России являлся весьма узкий слой российского общества. В основном это были жители крупнейших городов бывшего СССР, преимущественно из среды гуманитарной интеллигенции. Этот слой в советское время испытывал растущую неудовлетворенность и дискомфорт от бюрократического характера организации всей социальной и повседневной жизни, поэтому, когда представилась возможность, он и сформировал идеи «перестройки» как одной из форм модернизации России. Суть этих идей, в конечном счете, сводилась к двум лозунгам: «так жить нельзя» и «пора вернуть Россию на путь цивилизованного развития, с которого она была сброшена коммунистическим переворотом». Крайне негативные оценки советского общества, экономики, политических институтов быстро утвердились в наиболее популярных массмедиа в конце 80-х годов.

Массовое сознание какое-то время сопротивлялось этим новым веяниям, и потребовалось около двух лет, для того чтобы интеллигенция смогла довести до масс требование «разорвать с прошлым» и изменить настроения россиян. Так, доля опрошенных, согласных с тем, что в результате коммунистической революции страна оказалась на обочине истории и принесла людям лишь нищету, страдания и массовые репрессии, в 1989 году не превышала 7%, а уже в 1991 году выросла

¹ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 129.

Э. Паин

более чем в восемь раз (до 57%)². Эта идея удерживалась в качестве доминирующей до 1992 года, переломного во многих отношениях, хотя и в то время негативные оценки советского периода все еще поддерживало почти 50% опрошенных, несмотря на спад эйфории, связанной с надеждами на быстрые успехи либеральных реформ.

Демократическая мобилизация, направленная против союзной номенклатуры, также помогла российскому обществу адаптироваться к распаду СССР и обусловила сравнительно спокойное восприятие этого события, несмотря на то, что всего лишь за несколько месяцев до роспуска союзных органов власти большинство россиян на Референдуме в марте 1991 года проголосовало за сохранение Союза. Однако подобная мобилизация продолжалась недолго, и непрочный союз разрозненных политических группировок, именовавших себя «демократами» (от прозападных либеральных до популистских и даже националистических сил) быстро распался. Солидная по численности демократическая фракция российского парламента буквально рассыпалась.

Первыми из демократической коалиции выделились так называемые «белые державники». Уже через год после образования новой суверенной России, этот слой ощутил, что у них больше сходного, чем различного с «красными державниками». Поначалу их объединяли в основном ностальгия по Советскому Союзу и сожаления о том, что Россию перестали бояться в мире (одновременное повышение уважения к ней и рост готовности к сотрудничеству в расчет не принимались). Затем к этому добавилось общее негативное отношение к федерализации, которая, с точки зрения «державников»

(т.е. традиционалистов, стоящих на имперских позициях), однозначно оценивалась как начало «развала России».

В октябре 1992 года была создана первая коалиция сил, оппозиционных Ельцину и правительству Гайдара, – Фронт национального спасения (ФНС), идейной основой которого был этатизм («державничество»). Лидирующую роль в ФНС первоначально играли не коммунисты, а те самые «белые державники», многие из которых в свое время поддерживали А. Сахарова³. Между тем и левые силы стали больше выпячивать именно свои национал-державные антизападнические идеи, а вовсе не принципы социального равенства. Так, Г. Зюганов вошел в ФНС не как лидер российских коммунистов, а как председатель Координационного совета народно-патриотических сил, вместе с ним пришли сторонники воссоединения Союза, например В. Алкснис («Союз»), и русские националисты, например А. Стерлигов («Русский национальный собор»)⁴.

Вероятно, уже в это время наметилось смещение центра тяжести политической борьбы в России. Ее главным содержанием все больше становилось не противостояние «демократов» и «коммунистов», а противостояние «западников» и «националистов», точнее идеологий: «универсальной модернизации», с одной стороны, и «особого русского пути», основанного на идеях имперского традиционализма, – с другой.

В 1991–1992 годах российская оппозиция в основном сосредоточилась на критике внешнеполитического курса администрации Ельцина. Особенно доставалось проамериканской ориентации А. Козырева, руководившего в то время внешнеполитическим ведомством России. Выдвигались лозунги «объединения

² Там же. С. 130.

³ В их числе были: В. Исаков – партия «Российское единство»; М. Астафьев – Конституционно-демократическая партия – Партия народной свободы (КДП-ПНС); С. Бабурин и Н. Павлов – Российский общенациональный союз (РОС); И. Константинов – Российское христианско-демократическое движение (РХДД). См.: *Коргунок Ю.* Современная российская многопартийность // Полит.Ру [<http://www.polit.ru>].

⁴ Там же.

разделенного русского народа» и «защиты брошенных на произвол судьбы русских соотечественников» в новых независимых государствах. Русские в СНГ рассматривались державниками как основа ирредентистских движений, как инструмент восстановления СССР. «Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен»⁵. В это время и часть

представителей правящих политических кругов исходила из целесообразности тактики «перехвата лозунгов» державности, которые, как многим казалось, должны были пользоваться популярностью у народа⁶. Между тем подобные идеи носили тогда сугубо элитарный характер и почти не отражались в массовом сознании. Об этом свидетельствуют опросы ВЦИОМ 1993 года (см. табл. 1).

Таблица 1

«Связана ли лично Ваша сегодняшняя жизнь с другими республиками бывшего Союза?» (в % к количеству опрошенных по строке)⁷

Национальность \ Варианты ответов	да, в значительной степени	да, в незначительной степени	практически нет	затрудняюсь ответить
русские	15,6	16,6	61,4	6,4
другие	23,9	25,1	61,4	5,5

Всего около 16% россиян в то время заявляли, что их жизнь в значительной мере связана с другими республиками бывшего СССР, при этом у этнического большинства актуальные связи с другими республиками были ниже, чем у респондентов других национальностей, многие из которых, возможно, были выходцами из других республик бывшего Союза. Свыше 2/3 русских респондентов отмечали, что их повседневная жизнь практически не связана с другими республиками бывшего СССР, тогда как среди представителей других национальностей таких было меньше половины. Лишь 9,3% русских и 12,9% представителей других национальностей заявляли, что они ощущают «свою общ-

ность с людьми и историей этих республик»⁸. Только 21% русских испытывал интерес к тому, что происходит даже в родственной Украине, которая в то время воспринималась как неразрывная часть единого ареала их расселения⁹.

В отношении к вопросу о репатриации русских в России на протяжении 90-х годов в массовом сознании также преобладали настроения безразличия и безучастности, сменявшиеся в периоды кризисов ростом откровенного негативизма к русским из других республик. К ним старожилы относились как к непрошеным нахлебникам и конкурентам в экономической и социальной сферах¹⁰. Так, в Тверской области до середины 90-х годов преобладало равнодушное отноше-

⁵ Зюганов Г. Драма власти. М.: Палей, 1994. С. 22.

⁶ См.: Станкевич С. Явление державы // Российская газета. 1992. 23 июня.

⁷ Опрос ВЦИОМ: ОМНИБУС 93-1.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее см.: Паин Э. Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. 1995. Т. IV. № 1. С. 65.

¹⁰ Филитова Е.И. Проблемы адаптации русских беженцев в российском селе (взаимоотношения с местным населением) // Миграционные процессы после распада СССР. Под. ред. Дж. Азраэла и Ж. Зайончковской. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994; Грищенко В.В. Русские среди русских: проблема адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999.

Э. Паин

ние к притоку в область русских вынужденных переселенцев. Негативное отношение к ним высказывали тогда не более четверти опрошенных, однако после августовского кризиса 1998 года их доля возросла до 44% при безразличном отношении к русским мигрантам со стороны большей части респондентов¹¹.

Можно с уверенностью утверждать, что политическая оппозиция того времени не опиралась на реальный анализ настроений народа и ссылалась на его «волю» без малейшего на то основания.

К концу 1993 года сложились практически все разновидности лозунгов возрожденной «русской идеи» в ее имперской, традиционалистской трактовке. Коммунисты пугали народ ужасами распада СССР: «...нынешняя Российская Федерация – это еще не вполне Россия, а обрубок с кровоточащими разорванными связями»¹². Сторонники Жириновского завлекали народ перспективами воссоединения великой державы: «Россия – это страна в границах как минимум СССР либо Российской империи»¹³. Радикалы из РНЕ призывали к насилию: «...представитель Русской Нации обязан восстанавливать справедливость в отношении Русских людей своей властью и своим оружием, не обращаясь в судебные и иные инстанции»¹⁴. В период обострения борьбы президента и Верховного Совета (1993) лагерь оппозиции еще больше расширился. К критике внешней политики и гайдаровских реформ добавились упреки в адрес федеральной власти в «развале России», в поддержке сепаратизма республиканских элит. Тем не менее, несмотря на шумную пропаганду, подобные идеи в пер-

вой половине 90-х годов еще не пользовались массовым спросом.

Как уже отмечалось, в электоральных предпочтениях населения доля сторонников «независимого развития России» превосходила долю сторонников «воссоединения СССР». Да и «образ врага», один из ключевых в неотрационалистском варианте «русской идеи», тоже не сразу овладел массами. В 1989 году большинство опрошенных (49%) полагало: «зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих», и лишь 12% были уверены, что источником проблем русских являются их враги. Через шесть лет (1994) уже 41% опрошенных видел во врагах главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы образ «врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году уже подавляющее большинство опрошенных (65%) стало объяснять свои проблемы происками врагов¹⁵.

Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что привычная, стереотипная и удобная идея переноса ответственности за проблемы русского народа на «врагов» приобретала все новых сторонников по мере роста негативного восприятия жизни в России. Понятно, что возвращение к старому всегда требует меньших усилий, чем освоение новых ценностей. Поражает другое – сравнительно прочная устойчивость новой для посттоталитарного мышления идеи – «корень наших бед в нас самих».

Позволю себе выдвинуть гипотезу о том, что за девять-десять лет с начала «перестройки» (1985–1994) в российском обществе начала формироваться новая традиция, основанная на идеях

¹¹ Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 152.

¹² Зюганов Г. Указ. соч. С. 202.

¹³ Жириновский В. Что мы предлагаем. Предвыборная программа ЛДПР // Юридическая газета. 1993. № 40–41. С. 4.

¹⁴ Из «Кодекса чести» партии «Русское национальное единство» // Русский порядок. 1993. 19 декабря. С. 28.

¹⁵ Гудков Л. Русский неотрационализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25–33; *он же*. Комплекс «жертвы»: особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Там же. 1999. № 3. С. 47–60.

индивидуальной свободы и персональной ответственности. Эта традиция на какое-то время оказалась способной сопротивляться возвращению советских стереотипов, навязываемых массовому сознанию коммунистическими, радикально-националистическими пропагандистами, а также либералами-перебежчиками. И еще смелее могут утверждать, что социологические материалы доказывают сравнительно высокую пластичность массового сознания россиян и его готовность к восприятию новых социальных и политических парадигм. При этом речь идет не только о быстро меняющихся политических представлениях, но и о глубинных ценностных ориентациях. Так, двенадцатилетние исследования Н. Лапина свидетельствуют о последовательном нарастании либеральных ценностей (свободы, независимости, инициативности) в той части структуры ценностных ориентаций россиян, которая обусловлена «утвердившимся социокультурным типом общества»¹⁶.

Социологические исследования, проведенные разными специалистами, отличающимися по своим идеологическим убеждениям и по методологическим приемам, показывают, что сегодня около 40% населения России – это люди, исповедующие ценности, во многом напоминающие так называемые «протестантские», в веберовском смысле этого понятия, т.е. глубоко индивидуализированные, ориентирующиеся на индивидуальный, рациональный выбор, на минимальное обращение за поддержкой к окружающей среде, за исключением семьи¹⁷. Не только социологические исследования, но и сам факт многочисленности представителей протестантской религии (второй по численности верующих в России) свидетельствуют, что ценности протестантской этики не чужды русским людям. Все это ставит под со-

мнение (по крайней мере) справедливость популярных ныне представлений о том, что русский народ был не готов к освоению модернизационных ценностей или даже, что они якобы принципиально не соответствуют природе «русской души и ментальности».

Модернистская идеология в постсоветской России оказывала влияние на массовое сознание до тех пор, пока у россиян сохранялась надежда, что либеральные реформы приведут к позитивным переменам, жизнь улучшится. Влияние же традиционализма стало прогрессировать по мере ослабления этих надежд. Массовые разочарования, усталость, фрустрации как раз и обусловили большую, чем раньше, восприимчивость людей к элитарным идеям неотрадиционализма, в изобилии выплескиваемым известными «экспертами» на массовую аудиторию в популярных телепередачах, газетах и журналах. Традиционалистские же объяснения происходящих перемен, в свою очередь, обусловили еще больший рост массовой дезориентации населения и ностальгии по прежним временам идеализированной стабильности и благополучия. Это можно проследить на примере освоения массовым сознанием основных идеологем новой эпохи.

ОППОЗИЦИЯ ПЕРИОДУ РЕФОРМ – ИДЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

В попытках изжить травмирующие оценки настоящего массовое сознание повернулось к прошлому. К середине 90-х годов в общественном мнении россиян позитивное отношение к советской эпохе стало преобладающим. Вместе с тем психологическая реабилитация советской системы наступила не сразу и прошла несколько этапов. К 1995 году более половины россиян полагало, что сама по себе советская система была не так уж плоха,

¹⁶ Лапин Н. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад. М., 2002. С. 39, 41, 43.

¹⁷ См., например, материалы обсуждения «Модернистский проект: спрос и предложение» 01.10.2002 [<http://www.liberal.ru/issue.asp>].

Э. Паин

однако негодными были ее правители. Еще через два года частичную реабилитацию получили и советские лидеры. По данным ВЦИОМ (1997), советская власть к этому времени характеризовалась сравнительно наибольшей частью опрошенных (36%) как «близкая народу, своя», а нынешняя власть – как «далекая от народа, чужая» (41%)¹⁸.

В качестве психологического механизма, компенсирующего ущербность «чужой» власти, в обществе усилились традиционалистские настроения, выражающиеся, например, в представлениях о том, что «настоящий русский характер» среди правителей не найти, что он воплощен в простых людях, что он редко проявляется в столицах, а скрывается в тихой глубинке. При этом «свои» – это, прежде всего, люди этнически близкие. Социологи фиксируют и усиление корреляции между ростом приверженности к традиционализму и увеличением поддержки идеи «Россия – для русских»¹⁹.

Для усиления образа «чужая власть» русские националисты в своей пропагандистской деятельности приписывали видным представителям команды Ельцина несвойственные им этнические характеристики. Польский дипломат в своей книге вспоминает, что во время известных событий осени 1993 года возле Дома Советов было множество листовок с карикатурным изображением известных политиков из окружения Ельцина. На них грек по национальности Гавриил Попов изображался евреем, и ему почему-то приписывали фамилию Нейман; русского Андрея Козырева называли Козыревичем и рисовали со звездой Давида на лбу, а самого прези-

дента неизменно называли Борухом Натановичем Эльцыным и рисовали с усиками Гитлера²⁰. Сочетание Гитлера с еврейством, с рациональной точки зрения, представляется абсурдным, но политико-технологический смысл этой символики понятен – она должна означать, что изображенный на карикатуре человек «дважды чужой». Националисты в угоду политической целесообразности могут пренебречь реальностями этнического происхождения и записать евреем самого русского по облику и поведенческому колориту правителя России за всю ее историю и одновременно признать своим грузина Сталина, который до конца своей жизни говорил по-русски с характерным грузинским акцентом. Однако эти детали могут быть упущены, заретушированы политическими технологами при инструментальном использовании образа «вождя».

Образ Сталина действительно был нужен националистам всех разновидностей. Для националистов ярко выраженного имперского направления он «был новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому прощалося народом многое»²¹. Для русских почвенников Сталин ассоциируется с порядком в государстве, и его ценят за то, что он якобы «опирался на русские культурные ценности»²². Михаил Леонтьев ценит Сталина за то, что он был автором проекта «мобилизационного общества»²³. Виталий Третьяков, бывший главный редактор некогда одной из самых либеральных в России «Независимой газеты», без объяснения причин, возможно чтобы шагнуть в ногу со временем, так характеризует вождя народов: «Ста-

¹⁸ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 132–133.

¹⁹ Там же. С. 133.

²⁰ Marciniak W. Rozgrabione Imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej. Wydawnictwo Arcana. Krakow, 2001. S. 510.

²¹ Бондаренко В. Народ вседержитель // Завтра. 2000. 4 января. № 1 (318).

²² Чесюкова В. (в диалоге с И. Клямкиным). Экспериментальный диалог на заданную тему // Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 53, 62.

²³ Леонтьев М. Наша страна – самостоятельный проект // Россия. 2003. 31 марта.

лин – наше все. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры...»²⁴

Новое увлечение российской элиты Сталиным оказало влияние и на массовое сознание. Вместе с тем антисталинские настроения удерживались в нем сравнительно долго: с периода «перестройки» до начала эпохи Ельцина. Лишь к середине 90-х годов антисталинизм приелся, и фигура Сталина стала подыматься в массовом сознании, приобретая признаки величия. В социологических опросах 1995 года при ответе на вопрос «Назовите наиболее значительных деятелей и ученых в истории России» Сталин занял третье место среди самых важных и авторитетных фигур²⁵. Тем не менее еще в 2002 году не многие россияне хотели бы жить во времена правления Сталина. Наибольшая часть опрошенных (39%) предпочла бы жить во времена Л.И. Брежнева, и лишь 3% выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, а именно годы первых пятилеток²⁶. Выбор брежневского времени во многом продиктован восприятием его как стабильного и не жестокого. Стабильность всегда привлекательна, но она становится особенно желанной для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций.

Такие настроения подготавливали этническое большинство к восприятию идей националистической пропаганды, постоянно твердившей о том, что весь период реформ был временем национального позора. Массовому сознанию навязывались представления, что власть (администрация Ельцина) не просто «чужая», но и антинациональная, умышленно вела Россию к катастрофе, а распад СССР, массовая мигра-

ция русских и даже демографический кризис стали следствием злого умысла и некоего заговора против русских, организованного «антинациональной властью, которая, прикрываясь маской “реформ”, развязала ширококомасштабный геноцид против собственного народа»²⁷.

Оппозиция Западу – ИДЕАЛИЗАЦИЯ ОСОБОГО ПУТИ РОССИИ

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрело на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 году 60% из 6585 опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый²⁸. В середине 90-х начался демонтаж этого эталона, а к 2000 году оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67% опрошенных указали, что западный вариант общественного устройства не вполне или совершенно не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни русского народа²⁹. Отказ от иллюзий «перестройки» с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой собственный путь». Доля людей, поддерживающих это представление, за 90-е годы выросла вдвое и составила в конце десятилетия 60–70%. В массовом сознании образ «особого пути России» чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционных норм поведения: «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него», – с этим суждением в конце 1990-х годов были согласны 65% опрошенных, против –

²⁴ Цит по: Бондаренко В. Указ. соч.

²⁵ Лудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 132.

²⁶ Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 20.

²⁷ Чикин В., Проханов А. От патриотического информбюро // Завтра. 1997. 11 февраля [http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/167/1_INFB.html].

²⁸ Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137.

²⁹ Там же. С. 150.

Э. Паин

только 20%³⁰. В элитарных проектах «особого пути» роль традиций тоже чрезвычайно велика, однако в них все же преобладают современные антизападные или даже только антиамериканские внешнеполитические мотивы. Державническая элита не может полностью опереться на традиционализм, испытывая трудность создания убедительного образа «золотого века» на материалах конкретной истории России – не понятно, какой этап истории можно признать эталонным. Как справедливо отмечает О. Малинова, «главной проблемой современного антизападничества является поиск подходящей утопии: прошлое слишком разнородно, чтобы на его основе можно было синтезировать единую органичную традицию»³¹. Поэтому и в элитарном традиционалистском сознании ясного образа «особого пути развития России» тоже нет, его определенность состоит только в том, что он должен быть каким-то традиционным и каким-то не западным. При этом массовое «антизападничество» является исключительно продуктом информационного конструирования, поскольку сопровождается сохранением у россиян предпочтений в отношении большинства элементов западного образа жизни, западных товаров и услуг, а уж доверие к западной валюте, по меткому выражению одного из политологов, «заведомо превосходит доверие к любым другим институтам, включая доверие к президенту Российской Федерации»³².

Тем не менее внушаемые общественному мнению представления об «угрозах Запада», игра на струнах уязвленного национального самолюбия и попытки использования русского национализма в политических целях усиливают общее

настроение массовой тревожности и ксенофобии, которые и без того высоки. Антизападничество связывается в массовом сознании с мнимыми угрозами для внутренней ситуации в России – ее «разграбления, колонизации», «тайного сговора с внутренними врагами с целью закабалить страну». Подобные представления об «угрозах Запада» зачастую воспринимаются как злой умысел, имеющий этническую подоплеку. Даже Анатолий Чубайс не удержался от таких оценок. По его мнению, «... произошел очень витиеватый и неожиданный для нас альянс левых и правых – скажу жестче, антироссийский альянс левых и правых на Западе... Империя зла не потому – что коммунисты, а потому – что русские»³³. Уже упоминавшийся публицист национал-патриотического направления В. Бондаренко не без злорадства так комментирует это высказывание одного из лидеров российских либералов-западников: «...похлеще академика Игоря Шафаревича, с его знаменитой уже классической “Русофобией”»³⁴.

ОППОЗИЦИЯ ЭТНИЧЕСКИМ МЕНЬШИНСТВАМ В РОССИИ – ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕИ «СТАРШЕГО БРАТА»

Национальное самоутверждение в форме оппозиции «свой – чужие» неизбежно приводит к этнофобии, объектом которой становятся местные российские этнические общности. При этом массовые этнофобии подвержены колебаниям (они то возрастают в периоды кризисов, то затухают), тогда как их элитарные проявления характеризуются высокой устойчивостью. Единственной группой, демонстрирующей не просто сохране-

³⁰ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 133.

³¹ Малинова О. Европа как «конституирующий Другой» России // Россия и Европейский союз. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук, 2004. С. 13.

³² Дискин И. Что такое традиционное общество // Россия. 2003. 31 марта.

³³ Цит по: Бондаренко В. Указ. соч.

³⁴ Там же.

ние, но и постоянный рост негативизма в отношении нерусских народов, явилась группа респондентов с высшим образованием. За семь лет наблюдений ВЦИОМ (1990–1997) доля негативных оценок этнических меньшинств в этой группе увеличилась почти вдвое – с 39 до 69%³⁵. Именно в этой среде полагают, что государственные органы должны следить за тем, чтобы «инородцы, нерусские не могли занимать ключевые посты в правительстве, в средствах массовой информации, армии и милиции»³⁶.

Если в революционный период защита прав этнических меньшинств считалась одним из опознавательных знаков либералов, то сегодня, в эпоху стабилизации, они зачастую переполнены мистическим ужасом перед этничностью, придумывают небылицы о несовместимости асимметричной этнической федерации с развитием гражданского общества, и пример таких федераций, как, скажем, Швейцария и Испания, им не указ. У них сохраняются иллюзии, что достаточно объявить о равных правах и убрать графу «национальность» из паспорта, как тут же исчезнут этнические проблемы, и это несмотря на то, что скинхеды избивают инородцев, не заглядывая в паспорта и не взирая на закон о противодействии экстремизму. Более того, многие отечественные «либералы» искренне верят, что сооружение «вертикали власти» содействует установлению порядка в стране и гармонизации межнациональных отношений, хотя последние по самой своей природе не выносят «вертикалей» и нуждаются в «горизонтальных».

Этнополитическая ситуация в период стабилизации радикально изменилась по сравнению с предыдущим периодом. Основной зоной межэтнических конфликтов сегодня являются вовсе не республики, а русские края и области, особенно на юге федерации, однако по-

литические рецепты в сфере национальной политики остались прежними и сводятся к тем или иным формам ограничения прав республик. Такие требования раздаются как со стороны русских национальных движений, так и от организаций, действующих по заказу официальных российских структур. Разница лишь в том, что последние стараются упрятать слишком вызывающую идею губернизации республик в более респектабельную упаковку. Например, в Центре стратегических исследований Поволжского округа, которым руководит демократ и либерал С. Кириенко, разрабатывается концепция укрупнения субъектов федерации, с тем чтобы упрятать республики в более широкие образования. Однако эта идея скрытой губернизации встречает сопротивление со стороны национально ориентированных слоев этнических меньшинств. Для них безразлично, в какой форме будет происходить удушение республик. Язык, историческая территория и самоуправление – важнейшие символы этничности. Любые попытки посягательства на них немедленно актуализируют негативную этническую консолидацию.

Как показывают исследования, и в воспроизводстве мифов об этнических меньшинствах, особенно о пришлых, о так называемых «гостях с юга», бывшая «демократическая», а ныне коммерческая пресса преуспела даже больше, чем откровенно расистские издания русских националистов, прежде всего потому, что коммерческие СМИ рассчитаны на массовую аудиторию. Социолог О. Карпенко сознательно сосредоточила свое внимание на анализе не националистической печати, а изданий, имевших еще недавно репутацию «демократических». Такой анализ позволил ей выявить именно в этом секторе СМИ несколько основных клише,

³⁵ Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. С. 141.

³⁶ Там же.

Э. Паин

с помощью которых придается этнический смысл реальным и мнимым угрозам русскому народу. Речь идет об этнизации и преувеличении следующих явлений: изменение соотношения русских и нерусских в России, которое подается в терминах катастрофы («демографическая катастрофа»); увеличение роли в экономике этнических меньшинств, презрительно именуемых «торгашами» и «перекупщиками»; слабая культурная адаптация мигрантов, трактуемая как «угроза русской национальной культуре, создаваемая нравами и обычаями пришельцев»; приток иноэтнических мигрантов, изображаемый как неизбежная «угроза криминализации России и роста терроризма»³⁷.

О. Карпенко отмечает и некоторые механизмы технологии навязывания читателю так называемой «охранительной» модели взаимоотношений между «хозяевами» страны и ее «гостями». Понятно, что «хозяевами» признаются прежде всего представители этнического большинства, а «гостями» называют либо представителей конкретных этнических общностей, например чеченцев или таджиков, либо некие обобщенные квазиэтнические категории типа «южан», «кавказцев» или «горцев». К этим трем квазиэтническим группам относят почти всех людей «неславянской наружности». В рамках охранительной модели «хозяева» обладают правом порицать и наказывать «гостей» за уклонение от соблюдения обычаев, установленных «нами» в «нашем доме», на «своей» территории. Привилегированное право на наказание имеют силовые структуры. Сила признается самым действенным методом воздействия на «гостей»³⁸. Если вдуматься, то описанная здесь модель отношений «хозяев» и «гостей» характерна вовсе не для тра-

диционного жилища (там гостю отводится лучшее место), а для тюрем или российской казармы, в которой старожилы имеют право силой навязывать свои порядки новобранцам.

Такое извращенное, перевернутое, нарушающее традиции понимание отношений «гость» и «хозяин» отражает весьма типичные для постимперских условий психологические комплексы, связанные с болезненностью привыкания этнического большинства к своему новому пространственному телу, как бы сжавшемуся после распада Союза. В этой логике «великодержавный изоляционизм» является всего лишь компенсаторным механизмом психологической самозащиты от переживаний, связанных с утратой империи. К тому же произвольное, этноцентристское деление населения России на «хозяев» и «гостей» зачастую выступает в качестве этической основы в аргументах, обосновывающих формулу «Россия – для русских».

Быстрое распространение националистических стереотипов в массовом сознании стало поводом для постепенной трансформации политической стратегии в национальной сфере. Все более отчетливо проявляется курс нынешнего политического истеблишмента России на сочетание ограничительно-запретительной политики по отношению к национальной элите нерусских народов с усилением охранительной политики по отношению к этническому большинству.

Так, наряду с законом, запрещающим этническим меньшинствам использовать иную графику, кроме кириллической, Государственной думой принят Закон «О русском языке как государственном языке России», который трактуется политиками типа В. Жири-

³⁷ Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 190.

³⁸ Там же.

новского как политический символ главенства русского языка и русского народа³⁹.

В Думе подготовлен проект закона «О русском народе». При его обсуждении выдвигались два основных тезиса: признание русских «единственным государствообразующим народом» и «признание России мононациональной, а не многонациональной страной» (при этом речь идет об этнической трактовке понятия «нация»). В таком же направлении обсуждается идея пересмотра Концепции государственной национальной политики, принятой во времена Ельцина, и прежде всего замены формулы «все коренные народы России являются государствообразующими» на идею исключительности – «русские являются государствообразующим народом России»⁴⁰.

Включилась в это творчество по переосмыслению национальной политики и Русская православная церковь (РПЦ). Митрополит Кирилл, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ведающий также и связями с органами федеральной власти, заявляет: «Мы должны вообще забыть этот расхожий термин – многоконфессиональная страна: Россия – это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами»⁴¹. Действительно, РПЦ все настойчивее проводит в жизнь идею иерархии конфессиональных и этнических общностей. На вершине – православие и «государствообразующий православный народ», второй уровень – так называемые «традиционные религии» (ислам, буддизм и иудаизм) и исповеду-

ющие их этнические общности, третий – «нетрадиционные религии» (католицизм и протестантизм), и, наконец, четвертый уровень – так называемые «тоталитарные секты» и связанные с ними этнические общности.

Митрополит Кирилл – влиятельная политическая фигура, но все же он не государственный служащий, поэтому, когда его идеи озвучивает Георгий Полтавченко, полпред президента РФ в Центральном федеральном округе, они приобретают иной, куда более весомый политический смысл.

Генерал тоже ратует за усиление роли традиционных конфессий в жизни России. В интервью, данном 26 февраля 2003 года, полпред отметил, что традиционными религиями в России считаются православие, ислам, буддизм и иудаизм. При этом Полтавченко подчеркнул, что именно православие на протяжении многих веков являлось государствообразующей религией⁴². В этом же интервью полпред сформулировал свое отношение к нетрадиционным религиям: «Почему мы должны создавать искусственные благоприятные условия для того, чтобы к нам пришли протестанты, католики, муниты и т.д.»⁴³. Эти рассуждения официального лица, который просто обязан содействовать обеспечению равных условий для граждан всех конфессий (за исключением приверженцев нелегальных сект), могут показаться, мягко говоря, некорректными. Чиновнику такого ранга следовало бы осознавать, что в России, в том числе и на территории вверенного ему федерального округа, уже несколько веков проживают многотысячные этнические

³⁹ Такая мысль была высказана в теледебатах между В. Жириновским и Б. Надеждиным «О Законе о русском языке как государственном».

⁴⁰ См.: Информационно-аналитический бюллетень Института стран СНГ. 2001. № 30.

⁴¹ Митрополит Кирилл. Россия – православная, а не «многоконфессиональная» страна // Радонеж. 2002. № 8. См. также: Верховский А. Беспокойное соседство: Русская православная церковь и путинское государство // Россия Путина: Пристрастный взгляд. М., 2003. С. 79–134.

⁴² Георгий Полтавченко высказался за усиление роли традиционных конфессий в жизни России // http://www.newsru.com/religy/26feb2003/poltavchenko_print.html.

⁴³ Там же.

Э. Паин

общности, в которых большинство верующих исповедует католицизм (например, поляки) или протестантизм (например, большинство верующих немцев). Протестантизм же вообще одна из самых массовых конфессий России, к которой традиционно, еще со времен Российской империи и уж, во всяком случае, с советских времен, тяготеют миллионы русских людей, исповедующих баптизм, евангелизм, различные формы адвентизма и др.

Для Г. Полтавченко религия и межэтнические отношения – это объект так называемой «духовной безопасности», которую он рассматривает как часть национальной государственной безопасности, поскольку даже «сокращение рождаемости и численности населения, – по его мнению, – является следствием бездуховности»⁴⁴. Если придерживаться логики генерала, то можно сделать вывод о том, что русские уступают в уровне «духовности» многим народам России, особенно чеченцам, проживающим в Чеченской Республике, поскольку последняя перепись выявила у них беспрецедентно высокий уровень рождаемости. Однако полпред вряд ли задумывался о таких «мелочах». Его умозаключения, скорее всего, имеют цель обосновать с позиций обеспечения государственной безопасности целесообразность совмещения идей «вертикали власти» с идеей вертикали, иерархии в системе этноконфессиональных общностей России. Вырисовывается картина, до боли знакомая по советским временам, когда действовала модель «братских народов», разделенных на «старших» и «младших». Однако страна с тех пор изменилась, и легко себе представить, как на «вертикаль» в центре ответят подобными же «вертикалями» республики. На вершине одной из них

может оказаться татарско-мусульманский «старший брат», на другой – буддистско-калмыцкий и т.д. Вместо интеграции России мы получим множество очагов напряженности, и понятно, что укреплению федерации это способствовать не будет.

Пока концепция «вертикали этноконфессиональных общностей» не является официальной государственной политикой и, более того, противоречит российской Конституции, провозглашающей равноправие всех этнических и конфессиональных общностей «многонационального народа России». Противоречит эта идеология и высказываниям президента Путина, который, судя по его публичным выступлениям, не поддерживает тезис о России как «моноконфессиональной и моноэтнической стране с меньшинствами» и определяет ее как «страну, соединившую на огромном пространстве множество народов, территорий, культур»⁴⁵. В этой связи можно рассматривать идеологию «этноконфессиональной вертикали» как целевой проект, осуществления которого добивается влиятельная часть политической элиты страны.

Спрос на охранительные идеи хорошо ощущают и некоторые ученые. Даже директор Института этнологии РАН В. Тишков, которого никак нельзя отнести к сторонникам традиционализма и тем более национализма, в какой-то мере поддержал «охранительную» доктрину. Он пишет, что «наступает другое время – время не только защиты притесняемых меньшинств, но и защиты большинства от радикализма и агрессивности меньшинства»⁴⁶. Трудно не согласиться с известным этнологом в том, что радикализм меньшинств – это реальная и серьезная проблема, но она несколько не уменьшится в слу-

⁴⁴ Кеворкова Н. Церковные иерархи за преподавание теологии // Газета. 2002. 11 октября [http://www.gzt.ru/rubricator.gzt?rubric=novosti&id=1905000000003188].

⁴⁵ Путин В. Россия встречает свой праздник сплоченной страной // РИА «Новости». 2003. 12 июня [http://www.strana.ru/stories/02/02/07/2464/183598.html].

⁴⁶ Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. С. 131.

Маятник политических идей

чае, если государство возьмет на себя функцию защиты этнического большинства. Как справедливо отмечает Ю. Александров, особая «социальная защита большинства – это нонсенс, кто его может защитить, если оно не защищает само себя?»⁴⁷.

Охранительная идеология несколько не повышает защищенности ни большинства, ни меньшинств. Сама эта идея способна лишь взвинтить взаимные страхи и усилить уровень взаимного недоверия, что и без того наблюдается. Если в начале 90-х годов было заметно снижение страхов перед угрозой кровопролития на этнической почве, то сейчас эти страхи вновь возросли. По данным ВЦИОМ, доля лиц, которые считают возможным в настоящее время в России кровопролитные столкновения на национальной почве, составила летом 2002 года 47,3% (ответы: «определенно да» и «скорее да») против 27% в 1993 году. Среди русских доля таких ответов в последнем по времени опросе ВЦИОМ (службы Ю. Левады) составила 48,8%, среди представителей других национальностей – 40,6%⁴⁸.

В целом уровень тревог среди представителей этнического большинства

выше, чем у представителей меньшинств. Начиная с 1998 года, у русских наблюдается уменьшение позитивных и нейтральных оценок по отношению к этническим меньшинствам и рост негативных. Важно и то, что уровень этнических страхов, фобий у русской молодежи выше, чем у лиц старшего возраста. Если все это приведет к активизации русского национализма как идеи политического доминирования, то можно не сомневаться, что в ответ будет расти национализм этнических меньшинств. В этом случае этнополитический маятник совершит полный цикл колебаний и нас будет ждать новый взрыв межэтнических конфликтов. При этом в худшем варианте, чем тот, который проявился в конце 80-х – начале 90-х годов. Тогда национальные движения меньшинств развивались под демократическими лозунгами, ныне же более вероятно сочетание этнического национализма с религиозным фундаментализмом. Вместе с тем угроза нового цикла этнических конфликтов хоть и существует, но пока является лишь потенциальной, и, на мой взгляд, у российского общества есть возможности ее избежать.

⁴⁷ Александров Ю. Дикое поле // Новое время. 2003. 16 марта. № 11. С. 16.

⁴⁸ Опрос ВЦИОМ: ЭКСПРЕСС-7. 2002. 26–29 июля.

Ютта Шеппер,
 профессор российской истории
 Высшей школы по общественным
 наукам (Париж, Франция),
 Former Kennan Institute Short Term
 Scholar, Former Woodrow Wilson
 Center Fellow

Культурология и учебники по культурологии в России глазами западного историка

Что побудило меня, западного историка, заняться российской культурологией? Мои российские друзья, среди которых уважаемые историки и философы, считали, что этот предмет не достоин внимания и не стоит попусту тратить на него время. Мое исследование культурологических учебников, которое я представила на зимней встрече культурологов в Крыму в начале этого года¹, не привело к диалогу с присутствовавшими российскими представителями этой новой дисциплины; создавалось впечатление, что они как будто вынуждены защищать ее от непонимающего Россию «западного человека». Напротив, приехавших на культурологическую зимнюю школу в Европейском гуманитарном университете в Минске² молодых исследователей из Беларуси, России и других бывших советских республик скорее развеселило то, что на Западе кто-то старается принять всерьез смешные, на их взгляд, учебники. Во всех разговорах с российскими учеными, которые занимаются темами, связанными с культурологией, чувствуется «порог неловкости» (Норберт Элиас).

Я глубоко убеждена в том, что ввиду перемен в Восточной Европе, которые в определенном смысле представляют собой исторический цивилизационный разрыв, в задачи историка современности входит и изучение эфемерных феноменов и периферийных явлений,

¹ Kulturwissenschaften in Europa. Erkenntnispotentiale und Grenzen. Mellas (Krim, Der Ukraine). 15–16 Februar, 2004.

² Visual and Cultural Studies: Concepts and Methodologies. Minsk, February 4–13, 2004.

Культурология и учебники по культурологии

проистекающих из этих трансформаций. Одно из таких явлений – синхронность деконструкции старых и конструкции новых парадигм или мифов, которые, в свою очередь, содействуют возникновению идеологических конструкций, проявляющих себя в процессе становления новой идентичности. Культурология – по крайней мере, если исходить из учебников по этому предмету, – вне всякого сомнения, старается «преодолеть» последствия постсоциалистических трансформаций при помощи своих интерпретационных схем и соответствующих им способов ориентироваться в мире.

Когда в 1980 году я стала профессором Высшей школы по общественным наукам в Париже, моя кафедра по предложению тогдашнего президента школы Франсуа Фюре получила название «Социальная история современных идеологий». Эта формулировка до сих пор отражает мою общую точку зрения как исследователя царской России, СССР, постсоветской России и отчасти «германского мира» (как говорят во Франции). Критика идеологий и анализ дискурса, берущие начало в социологии знания Карла Мангейма, были среди основных методологических инструментов, при помощи которых я изучала историю культуры и идей в России. В годы, когда западным историкам не разрешали работать в советских архивах, такой подход был единственным способом методологически корректно заниматься этими непопулярными или табуированными в тогдашней России темами.

Мои исследования по истории русской интеллигенции и ее отношения к религии (которые я начала еще во время учебы в Гарвардском университете у Георгия Васильевича Флоровского), по русской эмиграции и советским

диссидентам, по русскому марксизму в сравнении с западным и вообще по политической истории России и той роли, которую играли в ней идеи и идеологии, а также по социальной базе последних неизбежно подвели меня к вопросу о том, как в сегодняшней России обращаются не только с этими традициями, но и с советским «наследием». О том, как после всех перемен относятся к давнему и недавнему прошлому, как «реконструируется» история и, быть может, как она «используется» (по выражению Хобсбаума). В этой связи напрашивается и вопрос о том, как в России обращаются с имевшей до недавнего времени статус официальной идеологией марксизма-ленинизма.

Со времен «перестройки» я очень внимательно слежу за изменениями в функции и роли истории в России, за новой историографией, новыми учебниками по истории в школах и университетах и, наконец, за тем, как в обществе обращаются с историей. Используя модную на Западе терминологию, меня интересует, какая историческая «культура памяти» и какая «политика прошлого» возникают в постсоветской, посткоммунистической России и кто ее заказчики и носители. Со всем этим теснейшим образом связан вопрос о том, какую идентичность пытается найти для себя сегодняшняя Россия.

Можно сколько угодно издеваться над непрерывно задаваемыми философами, политологами и писателями вопросами вроде «Кто мы?» и «Куда идет Россия?». Однако они выражают легитимное стремление общества преодолеть кризис идентичности – а именно так оно воспринимает переживаемое им переломное состояние³. Они отражают «жизненную потребность» человека в том, чтобы «сконструировать себе идентичность, которая во многом

³ Так, С.Я. Матвеева от цивилизационной парадигмы ожидает ответ на вопросы о том, «кто мы есть, что с нами происходит, куда мы идем и что с нами может стать, если мы не переменимся и будем следовать накатанному пути нашей истории» (Матвеева С.Я. Расколото общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 3.)

Ю. Шерпер

зависит от социального признания», – потребность, которая, по мнению французского философа Жан-Марка Ферри, характерна для любого общества⁴. Какие бы ответы ни давались на эти в полном смысле слова эссенциалистские вопросы и несмотря на их идеологическую окраску, они достойны внимания историка современности, который не должен упускать из виду духовное (идеологическое) самоощущение людей и изменения в их габитусе и ментальности, а также поиск идентичности страны или народа.

Помимо преподавания истории и учебников по этой дисциплине, анализом которых я в последние годы занимаюсь в рамках моего семинара для аспирантов в Высшей школе по общественным наукам, крайне интересными мне представляются также введенные в начале 90-х годов курсы культурологии. Не в последнюю очередь потому, что здесь более или менее открыто делается попытка внести вклад в «формирование мировоззрения поколений XXI века», как определяет задачу автора издатель одного из учебников⁵. Культурология особенно четко отражает смену парадигмы, начатую «перестройкой», а первые учебники по этой дисциплине читаются прямо-таки как собрания перевернутых с ног на голову парадигм идеологии марксизма-ленинизма. Поэтому ввиду того, что мои более ранние исследования ориентировались на критику идеологий, у меня естественно возник интерес к постулатам нового предмета «культурология». При этом я стремилась понять, не служат ли образуемые культурологией в ответ на современные проблемы России новые смыслы и практические жизненные ориентиры конструированию новой идентичности

или восполнению возникшего после 1991 года идеологического вакуума. Говоря резче, я задавалась вопросом, не функционирует ли пропагандируемая во многочисленных учебниках по культурологии «русская идея» как «идеология рессантимента»⁶ и/или не готовит ли она новую национальную идеологию.

Не в последнюю очередь меня как западного историка интересовал вопрос, касается ли бум культурологии только России, или же он в каком-то смысле сравним с тем «cultural turn», который в последние два десятилетия произошел в западных гуманитарных и социальных науках (англо-американских «cultural studies», французской «histoire culturelle», немецких «Kulturwissenschaften»). Иначе говоря, отражает ли русская культурология общий, если не сказать – всемирный феномен культурализма, который можно воспринимать как выражение эпохи глобального? Или же она являет собой поиск идентичности в собственной культуре – поиск, ставший особенно актуальным после краха универсальных постулатов марксистско-ленинской идеологии? Чтобы ответить на вопрос о сравнимости культурологии с «cultural turn», мне показалось необходимым провести инвентаризацию того, что в России понимается под культурологией.

Из впечатляющего числа (или лучше – бездны?) учебников, антологий, хрестоматий и монографий по культурологии, вышедших за минувшее десятилетие в России (также как и на Украине, в Белоруссии и даже в Казахстане), я проанализировала в первую очередь ряд учебников, которые мне удалось приобрести во время моих поездок в Россию в течение последних лет. Мои размышления по этому поводу отраже-

⁴ *Ferry J.-M.* Les puissances de l'expérience. Essai sur l'identité contemporaine. Paris: Cerf, 1991.

⁵ *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. М., 1997. С. 2 (цитируется по издательской аннотации учебника).

⁶ *Angenot M.* Les idéologies du ressentiment. Montréal: XYZ, 1997.

Культурология и учебники по культурологии

ны в книге, которая вышла в Германии в прошлом году⁷. Эта книга, конечно, написана для западного читателя, которого я хотела проинформировать о феномене, до сих пор в наших научных дискуссиях не принимавшемся к сведению. Здесь я хотела бы перечислить российскому читателю некоторые пункты и критерии, которые меня как западного историка при чтении учебников по культурологии поразили или даже сбили с толку. Тем самым я сознательно стремлюсь к диалогу с российскими коллегами и прошу не воспринимать мое критическое прочтение этих учебников как оценочное суждение или тем более как осуждение формирующегося предмета и новой научной дисциплины.

Необходимо также подчеркнуть, что моя оценка культурологии основана исключительно на ее изложении в учебниках, а не на практике ее преподавания в университетах (или школах). Кроме того, в этой статье я не принимаю во внимание культурологические науки, которые преподаются на специально созданных с середины 90-х годов кафедрах и включают в себя историю культуры, теорию литературы, музееведение, но в первую очередь – обсуждение методологических проблем. То есть меня в данном случае интересуют не академическая дисциплина «культурология» и проходящая в ее рамках дискуссия о методах изучения культуры, а то, что предлагается российским студентам (или школьникам старших классов) авторами учебников по культурологии, как в этих учебниках она представляется и обосновывается.

При этом я не могу разбирать каждый прочитанный мной учебник (отдаю себе отчет в том, что с момента публикации моей книги на российском книжном рынке появилось огромное количество новых учебников). Моя задача не в том, чтобы осудить тот или иной учебник

или его автора. Цель данного эссе – передать то общее впечатление, которое производят на историка «с другого берега» учебники по культурологии.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРОЛОГИИ

В связи с бумом культурологических публикаций, среди которых – необозримое множество учебников, возникает вопрос, как можно объяснить столь высокую конъюнктуру культурологии, ее очевидную популярность. Кто, кроме студентов и школьников, читает эти изложения? Кому они нужны, кто ими пользуется, какие слои являются «носителями» культурологии? Иными словами, от кого исходит социальный заказ на культурологию? Мне пока не известно ни одного эмпирического социологического описания феномена культурологии и социальной группы культурологов. Такое описание должно быть основано на анализе социальных слоев и *milieux* (условий), в которых действуют производители (авторы и издатели) и «потребители», или читатели, и в которых складывается рынок культурологической продукции. Отсюда и такой тривиальный вопрос: не объясняется ли многочисленность появляющихся учебников по культурологии тем, что в связи с благоприятной рыночной обстановкой их производство попросту представляет для авторов финансовый интерес?

Главный вопрос, разумеется, в том, какова интенция учебников по культурологии, в чем их *teaching purpose*. Бросается в глаза, что на титульном листе большинства учебников – при том, что они сильно различаются по качеству, – напечатана рекомендация Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации или других государственных образовательных организаций, адресованная всем высшим учебным заведениям. Однако из этих учебников не явствует, предназ-

⁷ Scherrer J. Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003.

Ю. Шерпер

начаются ли они для общеобразовательных курсов по культурологии (являвшейся до недавнего времени обязательным предметом) или же являются введением в академическую дисциплину «культурология» (аналогичную наукам о культуре в немецком понимании), изучающий которую может получить диплом преподавателя либо защитить кандидатскую или докторскую диссертацию. Представители культурологической дисциплины, с которыми я говорила о качестве учебников, в один голос уверяли меня, что сами они никогда не использовали ни один из «этих» учебников. Один влиятельный культуролог, сыгравший ведущую роль в учреждении культурологии как академической дисциплины (возможно, раздраженный моими критическими вопросами), дошел даже до утверждения, что эти учебники пишутся скорее для коллег, чем для студентов.

Лишь в весьма немногих учебниках дается однозначное определение предмета культурологии. Главное же – ее методы, концептуальные и интерпретационные инструменты – нигде четко не описывается. Для историка, подобно мне ориентированного на историю понятий, сразу встает вопрос об определении «культуры» и «цивилизации». Следует признать, что существует громадное количество толкований и интерпретаций этих понятий, а потому нет и единого объяснения обозначаемых ими явлений. Но в учебниках эти понятия очень часто вообще никак не определяются и потому выступают как взаимозаменяемые. Однако в той мере, в какой культурология видит свою задачу в преподавании ценностных и смысловых ориентиров, культура, как правило, определяется как «внутренний», а цивилизация – как «внешний» мир человека⁸.

Культура, в этом представлении, носит идейный, духовный характер, в отличие от материального характера цивилизации. Подобное различие знакомо мне по немецкой традиции XIX и первой половины XX века; в англо-американской и французской науке, однако, оно не имело практически никакого значения, поскольку в ней культура и цивилизация не различались так однозначно, как в немецкоязычном пространстве. Проводя такое различие, авторы учебников по культурологии любят ссылаться на Освальда Шпенглера (который в западных науках о культуре до сих пор практически не играл никакой роли⁹). Иногда я даже спрашиваю себя, не следует ли понимать различие между «внутренними» ценностями культуры и «внешними» факторами цивилизации, которое культурологи в России часто выдают за нечто новое, как отмежевание от норм или, по выражению Андрея Синявского, от «метафизики советской цивилизации», «советского быта»¹⁰. Это, однако, не объясняется пользователю учебников по культурологии, поскольку в этих пособиях нет открытого и дифференцированного рассмотрения советского (культурного) «наследия» – все ограничивается огульным отказом от советской идеологии.

Подобное понимание «высокой» культуры (в единственном числе) в отрыве от цивилизации, в свое время ставшее стилем мышления в особенности в Германии, давно вышло из употребления в связи с достижениями антропологии, этнологии и социологии XX века, которые изучают «культуры» во множественном числе, а также, не в последнюю очередь, в связи с доминированием английского и, в меньшей степени, французского как научных языков. Бросается в глаза, что на шпенглеровском

⁸ Бобахо В.А., Левикова С.И. Культурология. Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов. М., 2000. С. 16. Эта программа получила премию Фонда Сороса.

⁹ Только в самое последнее время его имя вновь возникает в связи с проявляющимся и на Западе интересом к историографии всемирной истории.

¹⁰ Синявский А. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001. С. 6, 220. (Первое издание: Париж, 1988.)

Культурология и учебники по культурологии

различия между культурой и цивилизацией основаны даже те учебники в России, которые возводят использование термина «культурология» к американскому антрологу Лесли Элвину Уайту. Последний в конце 30-х годов XX века впервые применил термин «culturology» в неозолоционистском смысле. Некоторые его эмпирически ориентированные и потому считавшиеся близкими к марксизму работы были переведены еще в советское время. Сегодня русские культурологи, такие, как А. Белик, ссылаются на определение Уайтом «culturology» как «целостной науки» и на его тезис о том, что «культура, а не общество является специфической особенностью человеческого вида»¹¹.

Западного историка здесь (как и во многих других случаях) поражает эклектизм и синкретизм, с которым культурологи связывают, чтобы не сказать – путают, зачастую противоречивые методы и способы мышления и концептуально и интерпретационно неоднородные инструменты. Та произвольность, с которой российских и западных мыслителей XIX и XX веков выстраивают в единый ряд как праотцов культурологии, прямо-таки пугающее многообразие методов и авторов, случайность инструментариев культурологии несколько легкомысленно обозначаются ее защитниками как «плюрализм» мнений и методов. Необходимость наверстать упущенное, «дефицит» зарубежной специальной литературы и незнание методов зарубежной науки слишком очевидны. Это, несомненно, объясняет дилетантизм в нагромождении цитат (чаще всего вырванных из исходного контекста) и попытки вписать «новое» знание в собственный (либеральный, демократический, консервативный, националистический) нарратив. Но можно ли «простить» этот дилетантизм ввиду трудов тех советских историков, философов, этнологов,

лингвистов и литературоведов, которые, невзирая на все идеологические ограничения советского научного процесса, работали на высоком методологическом уровне и давали научные импульсы и западным исследователям? Сошлюсь лишь на русскую семиотику культуры и лингвистику, достижения которых до сих пор оказывают влияние на западные науки о культуре (и которые в русских учебниках по культурологии не играют существенной роли).

В этой связи вновь встает вопрос об авторах учебников по культурологии. Каков их научный бэкграунд, как их готовили к деятельности вузовских преподавателей, кто и что побуждает их писать учебники? Помимо этого, мне представляется интересным, кто в сегодняшнем российском научном процессе называет себя культурологом, а кто отказывается от такого обозначения. В большинстве учебников по культурологии, изданных в 90-е годы, чувствуется почти что механический поворот от экономического к культурно-цивилизационному детерминизму. Экономическая закономерность как будто в одночасье сменилась культурной закономерностью, и вместо социоэкономических структур, или формаций, «основой» («базисом») стала культура, или цивилизация. В случае многих учебников 90-х годов возникает даже вопрос, не является ли культурология просто зеркалом советского марксизма, переворачивающим терминологию последнего с ног на голову. Только так, пожалуй, можно объяснить то, что общественные структуры и социальные формы, а иногда и сам термин «общество», вообще уже не встречаются. На смену им пришел термин «культура». Явления культуры в значительной степени подводятся под точку зрения «культурных ценностей» (как это делал неокантианец Рикерт – правда, на гораздо более высоком уровне рефлексии).

¹¹ Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1999. С. 79.

Ю. Шерпер

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ НАУКОЙ?

Предпосылки марксистско-ленинской догмы напоминают и претензия культурологии на статус науки и даже метанауки, направленной на «целостную организацию познания» применительно к фундаментальным знаниям о теории и истории культуры (как устанавливаются стандарты Министерства образования). Наука культурология, стремящаяся к целостности и синтезу, интегрирующая познания других дисциплин и постулирующая некую «теоретическую целостность» и единое знание (не формулируя, однако, меж- или трансдисциплинарных методов), противопоставляется тенденциям к специализации и дифференциации, присущим западному представлению о науке.

Культурология решительно хочет быть большим, чем (западная) «частная наука о культуре», пишет И. Кондаков, автор ряда работ по истории русской культуры¹². По его словам, культурология стремится «синтезировать» достижения и методы многочисленных частных гуманитарных дисциплин через универсальность своего предмета – «культуры как целого»¹³. На «круглом столе»¹⁴, организованном в 2000 году в ИНИОН сторонниками культурологии и очевидно направленном против тех (в основном философов), кто хотел отменить этот предмет как самостоятельную научную дисциплину и «метанауку», культурологию даже хвалили за ее «целостность» и «стремление к целостному знанию» как «русскую науку».

«Русским», похоже, было сочтено и включение в культурологическую науку эмоционального начала, или «эмоциональных механизмов» (Ахиезер), и пафоса. Такая позитивная оценка аффективного, эмоционального характера культурологии, которая находит свое выражение и в многочисленных учебниках¹⁵, для меня столь же странна, как и ссылка на «мировоззренческую междисциплинарную методологию»¹⁶, за которую выступают их авторы. Но прежде всего меня смущает возведение культурологии в ранг «русской» науки. Если в отношении «русской философии» я, с некоторыми оговорками, еще готова принять такую атрибуцию, понимая это словосочетание просто как «философию России» или «философию в России» (хотя это не то, что имеют в виду поборники «русской философии»), то идея науки, относящейся к определенной стране или нации, остается для меня непонятной. На уже упомянутом «круглом столе», как и во многих учебниках по культурологии¹⁷, было подчеркнуто, что культурология восполняет возникший после отказа от коммунизма духовный и идеологический вакуум. Но и это не должно быть задачей науки, если только речь здесь не идет об «ориентирующей науке».

Культурология как бы институционализировала дебаты о «русской идее», пишет французский историк Марлен Ларюэль¹⁸. И действительно, лейтмотивом многих учебников по культурологии становятся «русская идея» и «русскость». По крайней мере иностранного читателя это наталкивает на мысль

¹² Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 6.

¹³ Выступление И.В. Кондакова на «круглом столе»: Проблемы культурологии. Обсуждение в ИНИОН РАН // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 83.

¹⁴ Проблемы культурологии. Обсуждение в ИНИОН РАН // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 58–85.

¹⁵ Так, в изданной под редакцией А.А. Оганесяна книге «Культурология. Конспект лекций» (М.: ПРИОР, 2001) на с. 4 говорится: «Процесс развития и выражения духовного, интеллектуального и эмоционального отношения к культуре можно назвать становлением культурологии».

¹⁶ Кондаков И.В. Введение... С. 6.

¹⁷ Например: Кондаков И.В. Введение... С. 5.

¹⁸ Laruelle M. La culturologie: un nouveau «prêt-à-penser» pour la Russie // Diogenes. № 204. Déc. 2003. P. 40.

Культурология и учебники по культурологии

о том, что под прикрытием культурологии как «отечественной науки» речь идет об обосновании новой национальной идентичности. И в этом отношении мы имеем дело не столько с научными, сколько с мировоззренчески-идеологическими критериями, призванными, по всей видимости, найти ответ на кризис ориентиров российского общества. В не меньшей степени, как мне кажется, смыслообразующая функция, на которую претендует культурология, противоречит ее претензии на научность.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ

В одном из стандартов, сформулированных Министерством образования Российской Федерации для культурологии, речь идет о «месте и роли России в мировой культуре». Культуролог мыслит мир в терминах цивилизаций. Как историка, меня, конечно, особо интересует парадигма «цивилизационного подхода к истории», которая уже давно отстаивается не только культурологами в России, но с 90-х годов характеризует и одну из тенденций новейшей российской историографии. «Теория цивилизационного развития общества и культуры» и второе открытие ожесточенно раскритикованной советскими общественными науками теории о типологиях и цикличности развития культур (которую представляли Данилевский, Шпенглер, отчасти Сорокин, а в последнее время – Хантингтон), по всей видимости, завершают собой процесс последовательного отказа от марксистского линейного представления о прогрессе в истории человечества и учения о социоэкономических формациях. Но если к культурно-типологическому, циклическому «методу» обращаются по той лишь причине, что с «формационным подходом» за борт выбрасывается и доктрина исторического материализма, то полезен ли

этот «метод» для «новой» историографии и «новой» истории культуры? Действительно ли окончательно «отслужила» социоисторическая модель объяснения истории через формации – структуры, которые культурологи принципиально отрицают как «марксистские», – и должна быть заменена на «историко-культурное» и «историко-цивилизационное» объяснение? Как тогда относиться к историкам, таким, как, например, Фернар Бродель, которые отнюдь не следовали вульгарному марксизму, но, тем не менее, исходили из структур и формаций (и, как Бродель, сравнивали цивилизации друг с другом по тому, как в них воплощена мир-экономика – «*économie-monde*»)? Действительно ли необходима в глобальный век объяснительная модель, представляющая Россию как локальную, т.е. независимую и существующую в изоляции цивилизацию? Действительно ли российская история непостижима при помощи категорий «западных» социальных наук¹⁹? Но прежде всего следует спросить, может ли выдержать обозначение России «единой цивилизацией» проверку теми эмпирическими исследованиями, которые провели ведущие российские историки.

Многочисленные вопросы возникают при чтении культурологических учебников и публикаций, которые на первый план выдвигают «своеобразие», или «самобытность», России, «особенность» российской истории и культуры и делают из «русского опыта» меру всех ценностей. Но не являются ли история и культура каждой страны и каждого народа по-своему уникальными? Когда утверждают, что преимущество «цивилизационного подхода» в его универсальности, способности преодолеть европоцентризм и создать «предпосылки для глубокого изучения иных культур, в том числе места и роли России в миро-

¹⁹ Подобные утверждения см. в: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1. С. 5–71; Ахизер А. Можно ли понять российское общество, не исследуя его специфику? // Pro et Contra. 2000. Осень. С. 199–202.

Ю. Шерпер

вом сообществе»²⁰, не является ли это откатом назад к стилю мышления XIX века и к ретроградным, с сегодняшней точки зрения, культурным идеалам? Сравним ли тот контекст, в котором Данилевский противопоставлял русскую культуру европеизму, с сегодняшним положением России? Или же здесь национальная история сознательно используется как защита от «опасности» глобализации по универсальной западной модели? Те, кто обращается к Шпенглеру, упускают из виду, что его система универсальной истории основывалась на непосредственном опыте катастрофы Первой мировой войны. Воспринимают ли культурологи эту катастрофу, и в особенности поражение Германии, аналогично развалу Советского Союза? Что же касается исследований по всемирной истории Тойнби, то они немыслимы вне контекста воздействия Второй мировой войны. Как культурологи обращаются с этими разными историческими контекстами? Могут ли они стать плодотворными для сегодняшней России? И если да, то может ли послужить этому шпенглеровская или неошпенглеровская концепция цивилизаций как закрытых миров? Культурологи, такие, как Р. Трофимова, подчеркивают, что именно «цивилизационный подход», или «цивилизациология», позволяет изучать мировую историю как «единство в многообразии», т.е. как единство разнообразных «локальных» человеческих цивилизаций. Но в конечном счете культурологическое выделение «локальной цивилизации» России «с ее неповторимым культурным ядром» служит только стимулированию «патриотического и культурного воспитания молодого поколения»²¹.

Под влиянием глобализации в последнее время и на Западе вырисовываются тенденции к концептуализации мировой истории и, после долгого периода забвения, роли цивилизаций. В области исторической социологии Шмуэль Эйзенштадт исследует «цивилизационное измерение социальных изысканий», чтобы подвергнуть его компаративному анализу. Не в последнюю очередь сравнение различных цивилизаций получило стимул от публикации книги Хантингтона «Столкновение цивилизаций»²² и его более раннего одноименного эссе²³, и этот стимул усилился в связи с политическим положением после 11 сентября 2001 года. Наверняка, было бы поучительно сравнить российскую и западную попытки мыслить сегодня мировую историю и цивилизации по-новому (или скорее, наоборот, не по-новому), чтобы понять причины их популярности.

С культурологией и особенно с «цивилизационным подходом к истории» связано новое историческое мышление («историософия», иногда «культурософия»), которое ориентируется в первую очередь на духовные традиции России, на «духовно-культурные архетипы» и на православие как носителя русской национальной культуры. Такое мышление характерно не только для учебников по культурологии. Его, по видимому, тоже следует понимать как ответ на философию истории исторического материализма. Ключевое слово новой/старой «историософии» – «русская идея», референтной фигурой которой считается Бердяев, а за ним – Соловьев, Флоренский, Булгаков, Федотов и Ильин (который ставил на одну доску западную цивилизацию, производшую марксизм, и советский комму-

²⁰ История и культурология. 2-е издание / Под ред. Н.В. Сизовой. М.: Логос, 2000. С. 30 и далее.

²¹ Трофимова Р.П. Новая культурологическая мысль России рубежа тысячелетий // История русской культурологии. М., 2003. С. 490.

²² Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

²³ Huntington S. Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Русский перевод: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

низм)²⁴. Истинно русские духовность и соборность лежат в основе культурологического постулата «человека культуры», который, похоже, занял место советского «нового человека». Так же постулируемая культурологией особая «православная культура», или «православная цивилизация», в некоторых учебниках начала 90-х годов занимает место «советской» культуры, или цивилизации²⁵.

Бросается в глаза, что культурологи не уделяют ни малейшего внимания этносам и их различным культурам. Это относится к этносам как Российской Федерации, так и Советского Союза или царской империи. Красноречивые ссылки на Гумилева скорее служат акцентированию роли русского суперэтноса. Этническое разнообразие охватывается «русской идеей». Мне представляется характерным, что не проводится различие между русской и российской культурой или же между русской и российской культурологией.

Обращение к цивилизационному видению мира не в последнюю очередь вновь привлекло внимание к связи цивилизаций с религиозными традициями, т.е. с большими мировыми религиями. Открытие (или второе открытие) культурологией религиозного, однако, в основном ограничивается православием (и русской религиозной философией). Ислам, буддизм и иудаизм в культурологических учебниках практически не упоминаются (несмотря на то, что Конституция признает за ними статус основных религий Российской Федерации наряду с православием). То, что они сыграли роль в истории России и развитии ее культуры, остается практически без внимания. «То, что именуется культурологией, как правило, ограничивается русско-национальной историей куль-

туры», – констатирует австрийский литературовед Хервиг Хёллер²⁶.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР?

В заключение я хотела бы вернуться к вопросу о реальном влиянии культурологии и культурологических учебников. Влияние это неизмеримо для внешнего наблюдателя. Но измеримо ли оно для тех моих российских коллег, которые предпочитают не обращать внимание на культурологию в связи с ее предполагаемой ненаучностью? Упомяну лишь вскользь все большее влияние культурологических методов (что бы под этим ни понималось) на темы, находящиеся далеко за пределами собственно культуры.

Как бы ни относиться к общеобразовательным курсам культурологии и вне зависимости от того, преподается ли она как обязательный предмет первокурсникам всех факультетов, культурология ставит вопрос об институционализации новой дисциплины, которая по крайней мере отчасти передает знания и методы, бывшие табуированными в советской России. Хотя бы поэтому преподавание культурологии представляет общий интерес. В этой связи я сожалею в первую очередь о сбивающей с толку привычке обозначать понятием «культурология» как общеобразовательный предмет (до недавнего времени обязательный для всех), так и новую академическую дисциплину «наук о культуре». Если культурология видит свою задачу в создании новой российской идентичности на основе ценностей и традиций, укорененных в российской истории и культуре, и преподавании этой идентичности школьникам и студентам всех факультетов, тогда ее постоянные утверждения

²⁴ Есаулов И.А. Категория соборности в русской культуре. Петрозаводск, 1995. С. 11.

²⁵ Другое дело – ссылка В.М. Межуева на православную этику, отличную от этики других христианских цивилизаций: Межуев В.М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 44–69.

²⁶ Höller H. Kulturwissenschaft, Kulturpolitik und Zeitgenössische Kunst // Kultur-Wissenschaft-Russland. W. Eismann und P. Deutschmann (hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. S. 136.

Ю. Шерпер

о собственной научности кажутся устаревшими, чтобы не сказать – карикатурными. Дилемма культурологии, с точки зрения западного читателя культурологических публикаций, заключается в первую очередь в том, что, с одной стороны, она была придумана для внутрироссийского потребления, для передачи ценностей с целью воспитать посткоммунистического гражданина, но, с другой стороны, в отсутствие новых методов призвана учредить науки о культуре, которые в советских университетах не существовали в качестве отдельной дисциплины. Этой легитимной претензии на научность противоречит функция культурологии как прораба новой российской идентичности и, возможно, национальной идеологии.

Пока эта терминологическая двойственность остается неразрешенной, боюсь, что не будет восприниматься всерьез и та культурология, которая видит свою главную задачу в проведении дискуссии о методах. Тем более что из учебников по культурологии не явствует, чем эта научная дисциплина отличается от вульгаризированной версии культурологии.

В этом отношении исследование условий производства культурологов и культурологии могло бы оказаться крайне поучительным для западного историка. Мне очень хотелось бы узнать, основана ли поддержка культурологии государством, т.е. Министерством образования, а в некоторых случаях и Министерством культуры, на определенном политическом проекте. Такое предположение напрашивается при чтении известных мне образовательных стандартов Министерства образования. Профессора культурологии, которых я об этом спрашивала, отрицали существование такого проекта. Однако постановка вопроса о «роли России в мировой цивилизации», по формулировке одного из этих стандартов, говорит о том, что здесь речь идет не о чисто историко-

культурном определении, но о государственно-политическом постулате. Председатель Научно-методического совета по культурологии Министерства образования Т. Кузнецова однозначно подтвердила это на уже упомянутом «круглом столе»: в России, по ее словам, еще нет гражданского общества, из-за чего необходимо «формирование единой социокультурной системы ценностей». «Проблема российской национальной культуры – это проблема обретения целостности государства. Люди должны понять, с какой культурой они себя отождествляют, выявить свою цивилизационную идентичность»²⁷. Играет ли, следовательно, культурология, с ее специфическими представлениями о передаче ценностей, роль своего рода граждановедения?

Если да, то это тема, которую могут совместно обсуждать российские и западные историки: ведь и «у нас» граждановедение и/или преподавание истории в школе передают ценности и в более или менее выраженной форме направлены на воспитание национального сознания и «хорошего гражданина» – воспитание, которое более явно поощряется в школах США и Франции, чем, например, в Германии. Так, весной этого года во французских школах раздавали брошюру о «хорошем республиканце».

«У нас» история тоже играет значимую роль в процессе поиска себя и определения собственной идентичности. Проблема того, как внезапная смена власти и идеологии отражается в общеобразовательных учебниках, была особо актуальна для Германии после 1945 года, но касалась и Греции после падения режима полковников, Испании и Португалии после смены в них диктатур и ряда других стран.

В последние годы и в западных обществах дискуссия о ценностях находит все больший отклик. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что после

²⁷ Выступление Т.Ф. Кузнецовой на «круглом столе»: Проблемы культурологии... С. 84.

Культурология и учебники по культурологии

«конца идеологий» мир более не делится на противостоящие друг другу, враждебные лагеря капитализма и социализма, в связи с чем устарели и привычные способы ориентироваться в мире. И «у нас» культура, цивилизация и религия обсуждаются в качестве образующих элементов идентичности. Об этих тенденциях свидетельствует необычайный успех «Столкновения цивилизаций» Хантингтона. Многие западноевропейские общества, и особенно общество Федеративной Республики Германия, как указывает историк Нового времени Пауль Нольте, находятся в глубоком кризисе, который является кризисом не только институций, но и «этик, мерил и ориентаций совместной жизни»²⁸.

Не случайно, на мой взгляд, что русская культурология возникла в период социального и культурного перелома. Ее «конъюнктура» может быть понята как процесс общественной самоориентации и поиска своего места по отношению к культурному целому. Отрицание нынешнего и фактического почти автоматически приводит к подчеркиванию или восхвалению более старых культурных форм или утопических культурных идеалов и возведению их в ранг абсо-

лютных масштабов культуры. Мне кажется, что это переходные явления. Но я вижу также, что инициированная культурологией поиск новых методов и способов мышления порождает новые подходы, особенно среди молодого поколения, которое понимает под культурологией все кроме целостной теории, пусть даже учебники продолжают выдвигать претензию на такой статус.

Хотя бы теми многочисленными переводами, которым она дала толчок, культурология играет важную роль в деле реабилитации гуманитарных наук – причем возврат к ним не обязательно исключает науки социальные (как доказывают «западные» cultural studies). Остается уповать на то, что в не слишком отдаленном будущем культурология откажется от попыток объединить мировоззренческое и научное мышление, а также на то, что российские и западные ученые начнут обсуждать друг с другом те многочисленные и многоплановые темы, которые произрастают из опыта кризиса в наших обществах и находят свое выражение в соответствующих «cultural turns».

Перевод с немецкого Михаила Габовича

²⁸ Nolte P. Generation Reform. Jenseits der blockierten Republik. München: C.H. Beck, 2004. Цитируется по рецензии: Baring A. Rückkehr der Werte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.05.2004. № 116. S. 10.

Реформизм в российском исламе

*Леонид Рудольфович Сюкияйнен,
доктор юридических наук, профессор
Государственного университета – Высшей
школы экономики*

Перспективы современной исламской мысли в России

С начала 90-х годов минувшего столетия в России наблюдается заметное возрастание роли ислама. Его влияние на общество и государство усиливается и идет по нескольким направлениям, принося неодинаковые и противоречивые результаты. В частности, в духовно-культурной сфере итоги «пробуждения» ислама в нашей стране пока остаются скромными. Здесь ислам еще не раскрыл своих возможностей, не стал органической частью нравственно-интеллектуального обновления России, не играет заметной роли в формировании культурного и идейного потенциала российского общества.

В этой области процесс восстановления традиций и их соединения с достижениями современной исламской мысли идет крайне медленно. Более того, активная издательская и псевдопросветительская деятельность часто не только не ведет к распространению объективных глубоких знаний об исламе, но и дискредитирует его. В результате ислам как система духовно-нравственных ценностей и важная часть мировой интеллектуальной культуры до сих пор не является достоянием российского общества.

Противоречивые результаты «пробуждения» ислама объясняются многими причинами и не в последнюю очередь спецификой осмысления мусульманскими лидерами и центрами форм и целей своего участия в общественно-политической, культурно-духовной жизни России, в решении ее социальных проблем, а главное – принципов отношений ислама с властью.

Перспективы современной исламской мысли в России

Для позиций современной исламской мысли в России по этим вопросам характерны существенные расхождения, обоснование различных, порой прямо противоположных подходов – от полной лояльности до жесткой оппозиционности властям, от подчинения исламской аргументации политическим задачам до оценки политики лишь как средства утверждения исламских догм на практике, от акцента на роли ислама как религиозного и духовно-нравственного фактора до упора на неизбежность вторжения его в политику, от ставки на умеренность и избежание крайностей в политической активности ислама до подчеркивания его назначения в качестве инициатора крутых перемен и политических потрясений.

Подробный анализ отмеченных концепций – тема самостоятельного исследования, а в данной статье достаточно констатировать, что идейные установки российского ислама при всем разнообразии объединяет одна общая черта – слабая разработанность именно исламских основ его общественно-политической активности, отсутствие четкой программы действий, которая увязывала бы включение ислама в российскую общественно-политическую жизнь с реализацией его принципов. Это относится как к тесно сотрудничающим с властями мусульманским деятелям и структурам, так и к тем лидерам и движениям, которые противопоставляют себя государству. В частности, официальные духовные управления мусульман, как правило, ограничиваются провозглашением самых общих начал своей политической активности (нередко – пассивности), которая зачастую определяется прагматическими соображениями, стремлением быть поближе к власти. Конечно, сотрудничество с законными государственными структурами – в числе краеугольных начал исламской формы правления. Но одного этого принципа недостаточно для исламского обоснования смысла по-

зиции российского ислама по отношению к политике и власти. В итоге участие официальных мусульманских лидеров в политической жизни стимулируется скорее личными интересами и амбициями, нежели стремлением оплодотворить российскую политику исламскими ценностями, оценить ее с позиций исламских принципов и добиться реализации целей ислама политическими методами, путем конструктивного взаимодействия со светским государством.

Правда, в последнее время некоторые духовные управления мусульман предпринимают попытки сформулировать свою линию в политике. Например, Совет муфтиев России подчеркивает, что его отношение к государству базируется на рациональных принципах, защищающих свободы и утверждающих законопослушание, в соответствии с исламским понятием «мира согласия», которое является формулой договора мусульман с немусульманским государством в целях защиты прав и свобод мусульман¹. Однако конкретное политическое и правовое содержание этого принципа не раскрывается, что лишнее раз подтверждает недостаточную разработку официальными мусульманскими структурами собственно основ своего политического участия.

Такая особенность отличает и политические концепции оппозиционного российского ислама (например, «исламский проект» Г. Джемалю). Вместе с тем следует отметить одно важное исключение – теоретические постулаты идеологов радикального ислама: политические установки тех, кого у нас принято называть исламскими экстремистами, фундаменталистами, салафитами, «ваххабитами», насквозь пронизаны исламской аргументацией и по сути представляют собой программы практического претворения исламских норм и принципов, как правило, насильственным путем. К сожалению, се-

¹ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001. С. 30–31.

Л. Сюкияйнен

годня именно у этих деструктивных сил оказались на вооружении идеи политического ислама. В отличие от них, лояльные властям мусульманские центры по разным причинам пока не предложили своей развернутой, убедительной и ориентирующей на исламские критерии позиции по актуальным общественно-политическим проблемам, уходят от прямой содержательной политики с радикалами и экстремистами, а если и пытаются противостоять им, то делают это неэффективно, избегая острых вопросов и довольствуясь общими декларациями.

Такие последствия «пробуждения» ислама вряд ли могут удовлетворить как самих мусульман, так и российское общество в целом. Главный недостаток в том, что позитивный, созидательный потенциал ислама в социальной, духовно-культурной, образовательной областях, да и в политической жизни страны, реализуется слабо и оказывает совершенно недостаточное влияние на процесс поступательного общественного развития и укрепление демократических правовых основ российской государственности. В то же время возможности ислама как негативного политического фактора, представляющего угрозу демократическим реформам, государственной целостности и национальной безопасности России, проявляются очень отчетливо.

Вероятно, по этой причине российская власть вынуждена реагировать прежде всего на отрицательные политические моменты исламского возрождения. В духовно-культурной области, как представляется, государство не определило своей четкой позиции, ограничиваясь общими декларациями о признании ислама в качестве носителя позитивных нравственных ценностей. Официальные структуры в сфере образования и культуры в целом пассивны в практической реализации этих абстрактных призывов. Более того, они очень настороженно воспринимают любые инициативы, связанные с ис-

ламским просвещением, а часто их просто отвергают.

Конечно, вывод об отсутствии у российского государства определенной линии по отношению к исламу в духовно-нравственных, интеллектуально-культурных вопросах был бы излишне категоричным. Но если такая позиция и прослеживается, то не отличается четкостью, последовательностью и ориентацией на выверенные стратегические критерии. В ней преобладает узкий взгляд на ислам как на идеологию, политическую силу и практику, угрожающие стабильности, целостности и конституционным основам власти. Интересно, что если для мусульман и их духовных центров толерантность, высокая духовность, нравственность, гуманизм ислама являются аксиомой, которую они зачастую не считают нужным доказывать и подтверждать реальными делами, то для большей части российского общества и власти (да и для всего немусульманского мира) аксиомой считается противоположное – агрессивность ислама, его ограниченность, фанатизм и внутренне присущий ему радикализм. Иными словами, одни исходят из презумпции невиновности ислама, а другие – из презумпции его виновности.

Очевидно, что в решении исламского вопроса в России не все зависит от государства. Но оно может сделать многое (прежде всего – в собственных интересах) при условии разработки и проведения продуманной принципиальной политики в отношении ислама, которая должна быть не уделом одних силовых структур, а находиться в центре внимания всех уровней российской власти, включая самый высокий.

Пока такой политики, как представляется, нет. Взамен нее в последнее время некоторые религиозные лидеры и политические деятели предлагают провозгласить государственный курс на поддержку так называемого традиционного ислама, который на Северном Кавказе представлен тарикатизмом, основанном

Перспективы современной исламской мысли в России

на суфийской практике, а в Татарстане – джадидизмом². Именно эти варианты ислама называют альтернативой идейным позициям исламских экстремистов и панацеей от «ваххабизма».

На наш взгляд, оба отмеченных варианта традиционного для России ислама могут приниматься во внимание при определении государственной исламской политики, но в целом их потенциал достаточно ограничен. В частности, как показывает практика, они не в состоянии эффективно соперничать с позициями радикалов именно по исламским политическим вопросам.

Новый этап развития, в который вступила Россия, требует новой стратегической линии, разработки целостной государственной политики по отношению к исламу. А это нельзя сделать без определения целей указанной политики, общая задача которой – включение позитивного интеллектуального потенциала ислама в процессе демократических преобразований в России.

В духовно-культурной сфере власть не может ограничиваться подчеркиванием своего уважения к позитивному исламскому наследию. Тезис о большом духовно-нравственном потенциале ислама и его отчетливой социальной направленности, который постоянно звучит из уст мусульманских лидеров и находит отклик у власти, должен быть наполнен реальным содержанием и детально обоснован исламскими аргументами применительно к светскому государству. Конечно, это задача в первую очередь самих мусульман, их идеологов и центров. Но государственная политика в состоянии стимулировать этот процесс, направить его в такие рамки, которые удовлетворяют потребности не только мусульман, но и всего общества. Не исключено, что такой курс будет способствовать формированию системы исламских структур социальной, культурно-образовательной, гуманитарной

направленности, а к конечному счету приведет к установлению между государством и мусульманскими центрами отношений своего рода социального партнерства. Одновременно будут складываться благоприятные условия для решения еще одной актуальной задачи, имеющей без преувеличения политическое значение, – достижения лучшего понимания ислама российским обществом, преодоления настороженности и недоверия ко всему исламскому.

В частности, эффективность государственного подхода к политическому исламу будет выше, если параметры участия ислама в российской политике получат собственно исламское обоснование, будут сориентированы на позитивные начала мусульманской политической и правовой культуры, адаптированные к условиям светского государства. А это в свою очередь ставит перед властью еще одну задачу – активно влиять на выработку российским исламом такой политической концепции, которая не противоречила бы (еще лучше – отвечала) государственным интересам.

Решение указанной задачи надо рассматривать в общем контексте мер, которые следует принять российскому государству для более эффективного противодействия актам экстремизма, которые основываются на исламской идеологии либо преследуют выдвигаемые ею цели. Борьба с этой угрозой не может вестись только путем принятия жестких законодательных запретов. Одной из самых важных ее сторон является идейный аспект, актуальность которого объясняется прежде всего тем, что из всех составляющих экстремизма под исламскими лозунгами непосредственное отношение к исламу имеет именно указанный момент. Ведь прочность позиций мусульманских радикалов заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в теорети-

² См., напр.: Интервью президента Татарстана М.Ш. Шаймиева // Независимая газета. 2001. 28 ноября.

Л. Сюкияйнен

ческой базе, ориентирующейся на исламские концепции. Причем если по другим направлениям борьбы с этой угрозой уже предприняты достаточно эффективные меры, в том числе в рамках широкого международного сотрудничества, то отмеченная сторона этого явления пока остается вне внимания российского государства. Между тем без включения позитивного интеллектуального потенциала ислама в арсенал государственных средств борьбы с исламским экстремизмом окончательно подорвать его влияние невозможно. Именно поэтому формулирование исламской идейной альтернативы терроризму и экстремизму должно стать важной задачей государственной политики в отношении ислама.

Власть должна исходить из того, что ислам – не чуждый и посторонний для России феномен. Он является неотъемлемой частью российской истории и культуры, образом жизни миллионов граждан, для которых наша страна – их родной дом. Одновременно нужно осознавать, что ислам – не только религия, но и особая культура, в рамках которой сформировалось богатое идейное наследие. К последнему относятся и политико-правовые концепции. Если к богословским постулатам ислама и чисто религиозным вопросам государство должно относиться нейтрально с учетом своего светского характера, то исламские представления о власти, праве, политике не могут быть безразличны для власти. Здесь она должна занять четкую позицию по отношению как к тем принципам ислама, которые

она разделяет и поддерживает, берет себе на вооружение, так и к несовместимым с условиями современного демократического общества исламским концепциям.

Необходимо иметь в виду, что на протяжении многовековой истории в рамках исламской культуры сложились очень разнообразные представления об основах власти и права, различные взгляды на отношения человека и государства, на общество в целом. Некоторые из этих концепций, чаще всего вырванные из общего контекста исламской мысли и ориентированные на малообразованные слои, могут использоваться для обоснования политического экстремизма. Но центральное место в идейном наследии ислама и в современной исламской мысли занимают не эти теории, а теоретическое обоснование таких начал, как умеренность, компромисс, стабильность, консенсус, лояльность властям, постепенность, совещательность, избежание вреда и др. Таким ценностям в исламе можно найти значительно более убедительное обоснование, нежели крайним радикальным взглядам. Это относится и к позициям наиболее авторитетных современных мусульманских мыслителей. Исходные исламские начала и принципы, их понимание крупнейшими мусульманскими авторитетами – очень убедительный аргумент против идеологии исламского экстремизма и терроризма³. Политико-правовое учение ислама может и должно служить не экстремистам, а демократическим силам, работать не на дестабилизацию, а на консолидацию общества и государства.

³ См. об этом: *Сюкияйнен Л.Р.* Ислам против ислама. Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 3 (21); *он же.* Международный терроризм и ислам // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 2001. № 4 (37).

Корни радикализма не в исламе

Именно так утверждает и обосновывает свой тезис Рафаэль Хакимов, известный ученый, политический советник Президента Республики Татарстан, отвечая на вопросы члена редколлегии «Вестника» Эмиля Паина.

– *Каковы Ваши общие оценки роли ислама в современном мире?*

– Мои оценки довольно противоречивы. С одной стороны, численность мусульман растет, усиливается их влияние в Европе, США, России. С другой стороны, исламский мир сильно отстал от Запада и во многом живет воспоминаниями о былом величии, подчеркивая преимущества ислама в сфере морали. Действительно, в исламском мире и среди мусульман нет таких бед современного западного общества, как алкоголизм, наркомания, проституция. Но это не единственный критерий, по которому следует оценивать состояние общества. В исламском мире не производят самолеты, вертолеты, автомобили, нет современных технологий, не делаются фундаментальные открытия. Возникает вопрос: почему? Ведь в средние века он был самым передовым в математике, медицине, философии. Именно мусульманские ученые инициировали эпоху Возрождения в Европе. Ответ простой – без свободной развитой личности невозможно делать научные открытия и разрабатывать современные технологии, а это требует либерального общества, в котором неизбежно возникает ряд социальных проблем. К истинной вере нельзя прийти без свободы выбора, а это требует свободного общества. Татарстан находится в особом положении, в некоей субцивилизации, и многие проблемы чувствуются острее. Мы живем в светском государстве, окруженные православным миром и при этом занимаемся не только добычей и продажей нефти, но и производством высокотехнологичной продукции. Мы хотим стать конкурентоспособными, и в этом исламский мир плохой помощник – он не может предложить модель развитого общества. Мусульмане повсеместно пользуются мобильным телефоном, летают на «Боингах», ездят на «Мерседесах», не задумываясь над тем, кто их производит. Исламский мир – потребитель, а не производитель высокотехнологичной продукции. Поэтому Татарстан не может там найти для себя образцы для поведения, мы вынуждены искать собственный путь развития. Наши главные конкуренты в Европе, поэтому мы изучаем западный опыт. Наш ислам – это евроислам, хотим мы того или нет.

– *Какое место среди современных течений в исламе занимает реформаторский ислам?*

– Реформаторские идеи в исламе были всегда. Достаточно вспомнить Афгани или Абдо. И сегодня идеи модернизации высказываются, но весьма осторожно, причем в наиболее развитых исламских странах – Турции, Малайзии, ведь им на-

Корни радикализма не в исламе

Татарстан. Казанский кремль. Фото М. Медведева (ИТАР-ТАСС).

до быть конкурентоспособными. А Турция к тому же надеется вступить в Европейский союз. Немало реформаторских идей в США и Европе, где мусульмане живут в условиях западной демократии, окруженные христианами. Они мыслят примерно так же, как татары. Реформация как явление, а не отдельные идеи, была осуществлена только у татар, поволжских и крымских, и получила определенное распространение в Центральной Азии и Азербайджане. Время требует объединения всех тех богословов и политиков, которые думают о модернизации ислама.

– *Что правда, а что мифы о связи ислама с политическим радикализмом?*

– Истоки политического радикализма не в исламе как религии. Существуют радикальные мировоззрения, например левые течения, признающие террор одним из методов революционной борьбы, или крайне правые теории, включая фашизм, но ислам, как, впрочем, все авраамические религии, не входит в эту категорию. Корни радикализма следует искать в политике, социальной жизни, международных отношениях. Бедность неизбежно ведет к радикализму, будь-то в религиозной или другой форме. Расслоение общества порождает скинхедов, ищущих причины бед в евреях, лицах «кавказской национальности» и т.д. Война, например в Чечне, Ираке, на Ближнем Востоке, неизбежно вызывает радикализм по обе стороны фронта. Какую оболочку они обретут, зависит от тех политиков, которые будут это эксплуатировать. Очень опасно подчеркивать радикализм ислама в СМИ, ибо это в ответ нередко вызывает радикализацию сознания. Важно показывать, что радикализм и ислам имеют разную природу, что существует либеральный, мягкий, реформированный ислам, весьма толерантный к другим религиям, несущий ценности, общие для всех религий.

Двести лет исламской реформации

Исторический экскурс

Булгары – предки татар – приняли ислам 16 мая 922 года. Этот день и сегодня отмечается как особая дата, а средневековые мечети города Булгара служат местом поклонения. С присоединением Булгарского государства к империи Чингизхана город Булгар стал одним из влиятельных исламских центров Золотой Орды, наряду с Хорезмом и Бухарой.

«Великая Яса» (Свод законов) Чингизхана признавала все религии равными. Но после «революции» Узбек хана в 1312 году ислам стал государственной религией Золотой Орды, а затем Казанского ханства.

С завоевания войсками Ивана Грозного Казани в 1552 году для татар начался период насильственной христианизации, сопровождавшийся разрушением мечетей, медресе, всех институтов воспроизводства культуры, физическим уничтожением национальной элиты. Традиционный ислам, бывший весьма толерантным, изменил свой функциональный вектор и стал знаменем сопротивления и этнического самосохранения. Лишенные государственности, татары были вынуждены жить в рамках мухалли – мусульманского прихода, где было организовано производство, образование, формировались ценности и нормы поведения.

После многочисленных восстаний под религиозными лозунгами Екатерина II была вынуждена принять Указ о веротерпимости. С этого момента для татар наступает новый этап возрождения ислама. Начинают строиться мечети, часть крещеных татар возвращается

Рафаэль Сибгатович Хакимов,
государственный советник по
политическим вопросам при
Президенте Республики Татарстан,
директор Института истории
Академии наук Татарстана,
кандидат философских наук, доцент

Р. Хакимов

Булгар – город-памятник восточного зодчества XIII–XIV веков, расположенный в 90 км от Казани. Фото М. Медведева (ИТАР-ТАСС).

в ислам, потомкам мурз восстанавливают дворянское звание, хотя остаются ограничения в имущественных правах, сохраняется запрет на открытие светских школ и университетов на татарском языке и т.д.

В XIX веке в условиях нарастания капиталистических отношений перед татарским народом возникли новые задачи, изменившие роль ислама, – он из института сохранения этноса превратился в фактор повышения конкурентоспособности.

Мусульманский мир не давал готовых образцов. В средние века ислам имел ответы на большинство жизненных проблем и динамично развивался. Арабы жадно впитывали достижения различных культур, начиная с древнегреческой. Свободомыслие и открытость сделали ислам сильным. Европа училась у арабских мыслителей. Медицинским трактатом Ибн-Сина «аль-Канун» пользовались в Европе вплоть до XVII века.

Европа зачитывалась Ибн Рушдом, а через труды аль-Хорезми она познакомилась с «арабскими» цифрами и алгеброй (аль-джабр). Собственное имя аль-Хорезми было превращено в термин «алгоритм». Идеи Аверроэса доминировали в Европе с XII до конца XVI века. Евгений Бертельс писал: «Если вспомнить, что в истории европейской культуры период IX–XIII веков представляет собой время глубочайшего упадка, то нельзя не прийти к выводу, что именно труды восточных философов вывели европейские народы из тупика и указали им путь дальнейшего развития»¹. Именно арабы дали толчок европейскому возрождению. Но затем исламская мысль погрузилась в схоластику, а мусульманский мир – в длительную «спячку».

Такова была ситуация перед началом реформации в татарском обществе. Ровно 200 лет назад, в 1804 году, Курсави, родом из Заказанья, написал книгу, в которой обратился к народам со словами:

¹ Цит. по: Суфий. Собрание притч и афоризмов. М., 2002. С. 496.

Двести лет исламской реформации

«Вы не истинные и правверные мусульмане. Вы отступили от Корана Аллаха и преданий Пророка». Он отверг мазхабы и призвал обратиться к самой Священной книге и критически оценить существующие традиции.

В глазах современников, следование таклиду не вело к спасению, нужен был самостоятельный поиск – иджтихад. При этом для Курсави общественное мнение не могло выступать критерием истины. Он считал, что ученый, убежденный в истинности своих рассуждений, сам мог считаться джама'ат (общество мусульман), а потому имел право действовать по собственному усмотрению, даже если его поступок осуждался большинством. Человек, отстаивающий истину, равновелик общине. Эта мысль была революционной. С Курсави начинается религиозное течение, получившее название джадидизма². Оно охватило поволжских и крымских татар, Среднюю Азию и Азербайджан.

Джадидизм отбросил мазхабы, ибо традиционный шариат не решал современных проблем. Фанатизм мазхабов стал «проклятием народов ислама», писал Габдулла Буби, основатель одного из самых передовых медресе того времени «Иж-Буби». «Татарский» ислам стал открытым к заимствованиям ценностей западной культуры, включая русскую.

Исламская реформация не ограничивалась только богословием, она дала новую трактовку истории татарского народа и его этногенеза, была создана грандиозная по тем временам система образования, финансируемая исключительно меценатами, в результате чего за короткое время татары стали поголовно грамотными. Возникла сеть татарских периодических изданий, издательств и типографий. Вся современная татарская литература есть порождение джадидской общественной мысли. Одной из осязаемых статей экспорта татарских купцов, наряду с мы-

лом и кожаными изделиями, стали книги и газеты. Любопытно, что в Азии впервые о Пушкине узнали через переводы на татарский язык.

На базе джидидских медресе были подготовлены бизнесмены, которые получали образование по весьма практичным предметам: математика, бухгалтерия, география, французский язык и т.д. Несмотря на довольно жесткие ограничения со стороны государства на татарский бизнес, он показал себя весьма конкурентоспособным, и только революция 1917 года остановила экспансию татарских промышленников и торговцев.

Наконец, как результат татарской исламской реформации следует назвать создание политических партий, выборы в Государственную думу, где была образована мусульманская фракция. В ходе революции партия «Иттифак муслимин» («Мусульманское единство») выступила с инициативой создать республику «Штат Идель-Урал». Большевики предложили альтернативный проект «Татаро-Башкирской республики», который в силу разных причин не реализовался, и были учреждены Татарская и Башкирская республики. Мирсаид Султан-Галиев выдвинул идею «исламского социализма», получившую поддержку в ряде арабских стран.

Советский режим прервал естественное течение реформаторского движения, физически уничтожив его носителей. Последний татарский богослов Муса Бигиев был вынужден эмигрировать в 1930 году из России в Египет.

Из опыта татарской исламской реформации можно сделать два вывода. Во-первых, благодаря джадидизму татарский народ, который находился на грани физического и духовного вымирания, стал современным и конкурентоспособным. Во-вторых, в отсутствие какого-либо давления со стороны государства ислам модернизируется по своим внутренним

² Джадидизм происходит от арабского «ал-джадид» – обновление, реформа.

Р. Хакимов

законам, опираясь на свободомыслие. Исламский мир в той или иной степени будет повторять путь джаидов.

Борьба татарских реформаторов со средневековыми традициями была одним из проявлений вечного противостояния прогресса с отсталостью. Как это ни прискорбно, но от «кадимизма» (направление традиционного ислама у татар) не сохранилось ничего интересного, из этой среды не вышло ни одной сколько-нибудь значительной личности. Носители этого течения просто сопротивлялись прогрессу и доносили царской охранке на джаидов.

Таклид и иджитihad

Мазхабы, появившись в IX–XI веках как естественное развитие ислама, впоследствии были канонизированы, и с тех пор его основной чертой стало следование таклиду (авторитету), консервировавшему мысль и общественные отношения. Выдающийся исламский богослов Абу Ханифа, считающийся основателем одноименного мазхаба, предупреждал: «Запрещено кому бы то ни было, кто не знает моего доказательства, выносить постановления – фетвы, ссылаясь на мои слова». Но его последователи не послушали учителя. Важен был его метод исследования, а не просто голые результаты, но канонизировали выводы, сделанные для средних веков.

В начале становления ислама метод иджитihad был важным инструментом. В X веке произошло явление, которое в мусульманском богословии называется «закрытием врат иджитihad». С тех пор критическое, аналитическое мышление было запрещено. Считалось, что все, что нужно, уже разработано в рамках мазхабов. Понятия прогресса, творчества, рационализма, обновления выпали из мусульманского лексикона. За нововведение (бидга) положена

смерть. В работах современных богословов утверждается, что мазхабы есть конечная истина. Турецкий теолог Хайдар Баш пишет: «Мазхабы и машрабы Ахл ас-Сунна уже давно проделали анализ всех религиозных проблем, основываясь на самых достоверных принципах»³. Получается, что жизнь остановилась, и в мире ничего принципиально нового не происходит. А ведь Пророк Мухаммед говорил: «Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии». Как сочетать такое предписание с таклидом? Одно исключает другое. Обновление требует иджитihad – самостоятельного мышления.

В богословской литературе считается, что есть те, кто достоин, и те, кто недостойн делать иджитihad. Египетский ученый Юсуф аль-Кардави, призывая к иджитihadу, в то же время пишет: «Недопустимо оставлять положение дел таким, когда каждый желающий имел бы доступ к иджитihadу, ибо это приведет к анархии и смуте»⁴. Трактровкой ислама якобы должны заниматься только избранные. Богословы ссылаются на выдающихся мыслителей средневековья, которые ограничивали круг людей, имевших право на иджитihad. Это вполне объяснимо. В то время уровень образования населения был таков, что не все могли позволить себе размышления на богословские темы. Сегодня всеобщая грамотность и доступность высшего образования меняют ситуацию – каждый может самостоятельно изучать Коран, причем на родном языке. Модернизация ислама возможна только через иджитihad.

Плюрализм в исламе

Ислам далеко не монолит, как иногда его представляют. В мекканский период стихи Корана обращены ко всем людям. Там нет различий в правах мужчины и жен-

³ Хайдар Баш. Макалат. Ярославль, 2000. С. 161.

⁴ Юсуф аль-Кардави. Современный иджитihad: от беспорядка к порядку. Казань: Иман, 2001. С. 67.

щины, запрещается применение силы для обращения в ислам, ясно выражена терпимость к людям других религий.

В мединский период аяты (стихи) обращены в большей степени к арабам VII века, и им в отношении язычников предписано: «Убивайте их всюду, где встретите, и выгоняйте отовсюду, откуда они вас выгнали» [2:191]⁵. Появляется ряд аятов, делающих женщин неравноправными с мужчинами. Сказано: «Мужчины выше женщин тем, чем Бог возвысил их одних над другими, и тем, что они дают им из имущества своего» [4:34].

Противоречия между стихами мекканского и мединского периодов слишком очевидны, и их невозможно примирить. Поэтому мусульманские правоведы почитали аяты мекканского периода отмененными (метод насх) как более ранние. Но дата откровения не является критерием, по которому можно одни аяты считать по силе выше других. Если бы это была реальная отмена, тогда сам Пророк не включал бы так называемые «отмененные» аяты в текст Корана. Как известно, под его непосредственным контролем были подготовлены главные учителя Корана и он очень внимательно следил за правильностью заучивания сур.

Дело не в том, чтобы одни аяты объявлять отмененными, а другие действительными, а в понимании того, что они обращены к разным аудиториям, к разным эпохам. Такое различие и толкование аятов исключительно важно с точки зрения современности. Ваххабизм ориентируется на насилие в борьбе с другими религиями и даже течениями в исламе. Призывая к «чистоте» ислама, он на самом деле следует ханбалитскому мазхабу в его крайнем выражении с полным отрицанием рационализма – Коран якобы понять нельзя, в него можно только уверовать. Тем самым он отстаивает традиционализм, не признающий никаких новых явлений. Но времена меняют-

ся, а вместе с тем и многие положения нуждаются в современном толковании. Плюрализм – естественное условие развития ислама.

Татарская субцивилизация

Татары по ряду исторических причин оказались в специфических условиях, требовавших особого напряжения интеллектуальных сил. Российские условия для мусульман не чуждые, не привнесенные и не вынужденные, они родились в этой стране и считают ее своей. Эта страна не хуже и не лучше, чем мусульманские государства, она просто другая. Российские мусульмане не могут ориентироваться на Саудовскую Аравию, и вряд ли христианская Европа им может быть примером. Миллионы мусульман выросли в России с убеждением, что живут и должны жить в светской стране, считаясь с той культурой, которая выработана за многие столетия.

Татарстан, находясь далеко от основных исламских стран, развивается как субцивилизация без давления со стороны государства. Экономика республики моделирует ряд общемировых тенденций, ибо в Татарстане не только добывается нефть, но и производится высокотехнологичная продукция, развиваются научные школы и действуют десятки современных светских университетов. В этом отношении структура его экономики во многом сходна с западной. Наши главные конкуренты находятся на Западе, а потому мы вынуждены вводить стандарты, близкие к европейским. Мы не можем ориентироваться на Судан, Пакистан, Иран и другие подобные исламские страны. Они не выпускают тяжелые грузовики, самолеты и вертолеты, являясь потребителями этой продукции, а значит, не могут помочь нам стать более конкурентоспособными. Для нас понятнее Малайзия или Турция.

⁵ В квадратных скобках даны ссылки последовательно на номер суры и аята Корана в переводе Д.Н. Богуславского. См.: Коран. Стамбул, 2001.

Р. Хакимов

Татары одинаково ценят светское и религиозное, европейскую и азиатскую культуру, для них нет барьеров между Западом и Востоком, поскольку татарская цивилизация как открытая система все это органично соединяет.

Евроислам: ключевые понятия

Под термином «евроислам» следует понимать современную форму джадидизма (неоджадидизм), который в большей мере отражает культурологический аспект ислама, нежели его ритуальную часть. Термин «гибадат» (служение) обнимает всю совокупность служения. Было бы неправильно сводить его лишь к обрядам поклонения. Ритуалы не могут быть критерием, по которому можно отличить верующего от неверующего. Абу-Ханифа говорил: «Мы не должны принимать их за верующих или неверных, исходя из тех очевидных для нас фактов того, что они признают, а что отвергают в своих речах, [исходя] из [их] норм и религиозных церемоний. Если мы встретим людей, о которых ничего не знаем кроме того, что они [посещают] мечети, направляются на [нашу] киблу и вершат молитвы [как мы], то посчитаем верующими... Поэтому мы считаем, что должно принимать людей за верующих исходя [лишь] из очевидных для нас фактов. Хотя может статься, что для Аллаха они неверные. Других же мы посчитаем неверными, исходя из очевидных для нас признаков неверия, если нет в них ничего от признаков веры. Хотя может статься, что для Всевышнего Аллаха они верующие...»⁶ Если человек сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», тогда он верующий, а ритуалы и обряды лишь укрепляют эту веру, но не определяют ее.

Между человеком и Господом нет посредника. Пророк сказал: «Весь мир сотворен местом молитвы». Священно-

служители и община всего лишь помощники или учителя, не более того. Когда Господь призовет нас в Судный день, там не будет рядом ни имама, ни муфтия, ни общины. Сказано: «Бойтесь дня, в который одна душа ни в чем не заменит другую, когда не примется ничье заступничество ни посредничество и когда не будет помощи» [2:48]. Вера все больше становится интимным, духовным, личным делом, хотя люди продолжают ценить взаимопомощь и коллективные ритуалы.

Умма. Существует мусульманская умма как цивилизация, объединяющая людей одной веры. Но вместе с тем человечество движется от раздробленности к единству, что выражается в возникновении общепланетарных институтов, международного права и общечеловеческой морали. Международные нормы стали выше, чем интересы отдельных государств и общин, а значит, и шариат нуждается в соответствующей корректировке. Когда-то воинственность была чертой всех религий. Мусульмане с мечом в руке создавали халифаты. Христиане Европы устраивали крестовые походы. Католики и протестанты воевали друг с другом с редким ожесточением. Но меч вложен в ножны. Сегодня важно в каждой религии увидеть призыв к добру и милосердию. Именно это делает человечество уммой.

Мусульманам следует опираться на идею всеобщей солидарности, ниспосланную в мекканский период, ибо человечество, стремящееся к добру, и есть одно из проявлений Аллаха. Сегодня бессмысленно говорить об иджме (консенсусе) в рамках только мусульманской общины.

После 11 сентября в мире нарастает исламофобия, хотя терроризм не имеет религиозной природы. Мир раскололся на христиан, иудеев и мусульман, появилась брешь, которая может стать

⁶ Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты. М., 2001. С. 55.

Двести лет исламской реформации

пропастью. Объединить расколотый мир способны только новые ценности. Они не могут быть ни чисто либеральными, ни традиционно исламскими. Сближает Восток и Запад иджихад, который есть не что иное, как начало либерального мышления. Если свободная личность тянется к образованию и наукам, стремится к прогрессу общества, то это вполне приемлемо как для западной, так и для исламской культуры.

Язык. Ислам постепенно переходит на национальные языки, и это правильно, ибо Господь слушает наши сердца, а не то, что на языке, а самое сокровенное легче выразить не на арабском, а на родном языке. Малайзийский теолог Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас ввел понятие мусульманского языка, под которым он понимает «внедрение базового словаря мусульманской терминологии в языки народов, исповедующих эту религию»⁷. Действительно, татарский язык насыщен арабизмами, которые достаточно полно отражают мусульманскую терминологию и фактически делают лишним для широкого круга верующих знание арабского языка. Лингвистическая национализация ислама представляется неизбежной в XXI веке.

Образование. Праведность состоит в том, что люди становятся цивилизованными, культурными, образованными. Пророк Мухаммед сказал: «Для всего есть свой путь. Путь же в рай открывает знание». Приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина. Это категорический императив. Истинный мусульманин – это образованный человек, уважающий и постигающий науки. Стремление познать себя, окружающий мир, Вселенную и есть познание истины, т.е. самого Аллаха. Сказано: «Он все обнимает знанием Своим» [65:12]. Обнимает все – потому что Он и есть Вселенная. Любая наука, любое знание есть шаг к Господу,

который ждет не слепого поклонения, а пользы от деятельности человека. Пророк Мухаммед советовал: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даст спасение семидесяти святых». Было бы неверно отвергать значение пятикратной молитвы, но и сводить ислам только к ритуалам неправильно.

Равенство мужчин и женщин. Ислам призывает к справедливости, а это не бывает без равенства. Стихи Корана в сурах «Женщины», «Свет», «Союзники» закрепляют неравноправие женщины. Они написаны в мединский период. Для той эпохи положения шариата в отношении прав женщин были самым передовым законодательством в мире. Но сегодня они выглядят анахронизмом.

Верховенство мужчины над женщиной признается в Коране при условии, что мужчина обеспечивает безопасность женщины и содержит ее. В странах, где эти функции берет на себя общество, а женщина экономически независима, исчезает основание для такого верховенства.

Полигамия, как и исламское право наследования, процедура развода, ставит женщин в неравноправное с мужчинами положение, а справедливость не бывает без равноправия. Все люди от рождения свободны и равны. Здесь не имеет значение физиология или происхождение, раса или язык, религия или страна.

В стихах Корана, ниспосланных в Мекке для всего человечества и на вечные времена, нет различий в положении женщин и мужчин. Насколько совершенны права женщины и насколько велико их достоинство, настолько сильным будет общество.

Джихад. Война с неверными имела вполне объяснимый смысл в средние века, ибо тогда политика силы была обычным явлением. Но после Второй мировой войны, когда средства ведения войны

⁷ Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение в метафизику ислама – изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. Москва – Куала-Лумпур, 2001. С. 36.

Р. Хакимов

оказались соизмеримы с угрозой существованию человечества, международное право, регулирующее конфликты, стало выше принципа применения силы.

Пророк различал малый джихад с применением силы и высший джихад, который предполагает мирное продвижение ислама с помощью Корана. Сказано: «Не повинуйся неверным, но веди с ними упорную войну этой книгой и мечом» [25:52]. Малый джихад нужен был, когда существовала угроза мусульманам со стороны других государств, когда ислам завоевывал новые территории, ведя себя адекватно средневековой эпохе. Сегодня вопросы войны и мира регламентируются иначе. Поэтому под джихадом следует понимать то, что он буквально и означает, – «усердие», битву с «дунья» (материальным миром) за духовное начало, борьбу с неверием в себе. Такой смысл дан Господом на все времена. Малый джихад, если он справедлив, объявляется в целях самообороны, для борьбы с насилием и тиранией, что вполне вписывается не только в текст Корана, но и рамки международного права.

Толерантность. По Корану, Бог един, но религии разные, причем различия наиболее зримы в обрядах. Если не брать в расчет мединский период откровений, то в остальном Коран весьма терпим ко всем людям, творящим добро. Сказано: «Тем, которые уверовали, иудеям, христианам, сабеянам и всем, кто уверовал в Бога и в последний день и кто творил добро, будет награда от Господа, и им не будет ни страха, ни печали» [2:62]. Быть правоверным для Господа предпочтительно, но не является категоричным требованием. Творить добро для людей – безусловное предписание Аллаха.

Пророк Мухаммед продолжал монотеистическую традицию и внушал уваже-

ние к последователям других религий. В исламе нет претензий на то, что божественные блага могут принадлежать только его последователям. Они ниспосланы всем народам и всем людям без исключения, ведь Аллах милостив и милосерд. Выдающийся богослов Муса Бигиев утверждал: «Чтобы ни один из несчастных людей не оказался обделенным этим бескрайним милосердием и чтобы перед людьми не закрылись широко открытые ворота бесконечной Его милости, я заявляю, что спасено будет все человечество»⁸. Он разработал теорию «Абсолютной Божьей милости», по которой благодать господа объемлет все его творения, вне зависимости от того, какого вероисповедания они придерживались при жизни. Сказано: «Господи, говорят они, Ты все объемлешь милосердием и знанием» [40:7]. Из этого стиха видно, что милосердием Господа охвачены не только мусульмане, но все без исключения. Наша жизнь всего лишь мгновение по сравнению с вечностью. И если Господь подвергнет немусульман, т.е. большинство человечества, вечным мучениям, то божественный гнев окажется много выше его милосердия.

Заключение

Со временем меняются нормы, но неизменен дух Корана. Габдулла Буби писал: «Если мы будем обращаться лишь к старым тафсирам⁹, то это будет означать, что Коран конечен и исчерпаем, а слова Пророка – лживы...» Не могут же, в самом деле, слова отдельных людей, даже очень авторитетных, быть выше Корана.

Ислам – развивающееся мировоззрение. Модернизация – его внутренняя сущность, неотъемлемое качество. Он достаточно гибок, чтобы суметь ответить на вызовы времени.

⁸ Наследие Мусы Джаруллы Бигиева. Сборник документов и материалов. Казань, 2000. С. 13.

⁹ Тафсир – толкование Корана.

Российский исламский реформизм: развивающиеся идейные конфликты

Для раскрытия темы статьи автору необходимо первоначально восстановить смысл столь часто употребляемого, но уже порядком затертого понятия реформы (реформизма), указать на особенности российского исламского реформизма, а затем перейти к отчасти уже существующим, отчасти только намечающимся идейным конфликтам, вызванным процессами разновекторного реформаторства.

1. РЕФОРМА КАК ПОНЯТИЕ

Этимологически *реформа*¹ – это преобразование, изменение, переустройство. Но ведь не всякое *преобразование* и тем более *изменение* можно считать реформой, а только то, которое ведет к новой форме, *новой* в смысле иной. Изменения, не затрагивающие формы, реформаторскими названными быть не могут. Поэтому реформу целесообразно отличать от других видов преобразований, к примеру реструктуризации или реорганизации.

Откуда берется сама потребность в изменении формы? Она кроется в тяге к совершенству, например куда более совершенному и потому справедливому общественному строю. Она же кроется в воле к власти и могуществу, не важно – личности, государства, церкви или любого другого корпоративного объекта.

¹ Реформа (франц. *réforme*, от лат. *reformo* = преобразовываю) – преобразование, изменение, переустройство.

РЕ (префикс) – словообразовательная единица, образующая двувидовые глаголы со значением: повторно, заново или по-иному совершить или совершать действие, названное мотивирующим словом (ремилитаризовать, реорганизовать, реэвакуировать и т.п.).

Сергей Николаевич Градировский,
директор Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, советник Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе

С. Градировский

Остановимся на совершенстве, ибо уже в отношении него ценности резко расходятся: для сторонников либеральной геокультуры (она же секулярная) совершенство связано с поступательным движением в рамках прогресса, и такие реформы называют модернизацией. Для сторонников традиционной культуры образцы заложены в прошлом, поэтому совершенство – это процесс возвращения к вечному и пречистому первоисточнику; такие реформы именуют фундаменталистскими.

Перечислим возможные смыслы понятия «реформа».

1.1. Реформа есть совокупность организационных усилий, направленных на восстановление утраченной формы. Такое употребление понятия предполагает, что нечто имеет первоначальную форму, обладающую совершенством (по крайней мере, непреходящей ценностью); что эта форма со временем портится, изнашивается и потому искажается; следовательно, рано или поздно, необходима реставрация, цель которой – восстановить первоначальную форму, вернуться к изначальному «чистому» образцу. В таком залоге трактуются религиозно-политические и догматические деяния Лютера, Кальвина, ибн Таймийи, аль-Ваххаба. В более смягченном виде аналогичные реформы были провозглашены на Поместном Соборе Русской православной церкви (РПЦ) 1917–1918 годов, когда было намечено возвращение к апостольским началам церковной жизни, оказавшимся за последние века подавленными синодальной бюрократией.

1.2. Исторически понятие «реформа» редко, но применяется к ситуации, когда действия реформатора приводят к появлению формы как таковой. А это значит, что подвергнуть реформе можно то, что ранее являлось чистой субстанцией (глиной), не обладающей формой. На ум приходит высказывание Вольтера о Петре Алексеевиче: «Наконец родился Петр, и Россия приобрела форму», – именно так великий французский ци-

ник означил реформаторский пыл русского царя.

1.3. Иной смысл понятия реформы – приведение формы в соответствие с изменяющимся содержанием, точнее синхронизация содержания внутреннего с содержанием внешним через придание объекту реформирования правильной формы. Примером такого рода являются модернизационные проекты догоняющих стран. Речь идет об изменениях, которые производят над собой отстающие, чтобы вырваться в лидеры. Джадиды занимались реформой именно в таком смысле, борясь с вопиющим отставанием тюркской части населения Российской империи. Второй Ватиканский Собор произвел реформу в аналогичном ключе, дав богословские ответы на вызовы новой эпохи. При этом нужно помнить, что подобные изменения могут как учитывать и тщательно оберегать, так и отвергать традицию, грубо вторгаясь в пределы «милой старины».

1.4. Реформы проводят также те, кто, являясь лидером (к примеру, исторического процесса), не хочет утратить своих лидерских позиций, кто чувствует на своем затылке горячее дыхание конкурента. В таком случае реформа есть преобразование формы в целях сохранения конкурентоспособности общественной системы как таковой.

Из сказанного следует, что реформы могут быть «навязаны» обстоятельствами, и потому они реактивны, ибо являются реакцией на вызовы и угрозы; и реформы могут быть вызваны интенцией, они инициативны, часто проектные, их источник – *воображение* реформатора.

Наконец, нельзя не считаться с тем фактом, что реформаторский импульс может быть исполнением религиозного долга. В этом смысле пророки были реформаторами. Причем реформаторами самыми радикальными, они восстанавливали преимущество Слова и шариата от Адама, и то, что они говорили, для одних было искушением, а для других – безумием; поэтому их (пророков) всегда гнали и ненавидели. Но типоло-

гически это первый (из обозначенных нами) смысл понятия реформы – восстановление утраченной формы.

Следовательно, реформа – это реактивное или инициативное усилие, направленное (а) на восстановление утраченной формы, (б) на появление формы, (в) на приобретение формы исходя из заданных лидерами образцов и (г) на воображение и институционализацию формы в рамках творческого – не важно, боговдохновенного или самостийного, самовольного – дерзания.

2. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ИСЛАМСКОГО РЕФОРМИЗМА

Ситуацию в России можно вполне корректно изобразить через призму спора трех сторон: модернистов, традиционалистов и фундаменталистов. В некотором смысле это упрощение, но упрощение допустимое. Что же касается известного предостережения, что, мол, в дискуссиях, опирающихся на употребление этих концептов в отношении ислама, есть внутренний порок, ибо это «метафоризация, перенесение на ислам понятий, выработанных в иной (неисламской) культурной среде и предназначенных для концептуального освоения иной религии (христианства)»², то ответом на это здравое замечание может стать известная методологическая процедура *перепредмечивания* названных понятий.

Для нас употребление трех обсуждаемых концептов означает всего лишь следующее:

- *традиционалисты* – это те, кто своим религиозным долгом считает сохранение существующего наследства в том

виде, в котором оно им досталось от отцов (мазхабический ислам, тарикатистский); традиционалист на любое изменение соглашается скрепя сердцем, даже если какие-то элементы традиционной практики прямо вредят делу религиозного просвещения и сотерологической политики;

- *модернисты* – те, кто своим религиозным долгом считает реформу ислама в логике его конкурентоспособности внутри существующей либеральной геокультуры (джадидистский ислам, евроислам);

- *фундаменталисты* – те, кто своим религиозным долгом считает необходимость добиться возвращения к истокам или богословским основам вероучения, к *ortho doxa* – чистой вере³ (к примеру, салафия и ее частное проявление ваххабизм).

Особой разновидностью фундаментализма является теория и практика политического ислама. Речь идет о тех, кто своим религиозным долгом считает фундаментальные преобразования – уммы, государства, мироустройства – в ключе исламской геостратегической альтернативы. Это всегда протестный, антисистемный проект, настаивающий на смене ведущей геокультуры современности. Строго говоря, в своей тактике и стратегии политический ислам легко и решительно оперирует как фундаменталистскими, так и модернистскими формами. Нередко также политический ислам помогает и прибегает к помощи традиционалистски настроенных сил.

Сравним предложенное различие с различием, вводимым Гейдаром Джемалем: «Исламская элита – новый политический класс, стремящийся реализовать проект универсализма, аль-

² *Игнатенко А.* Расколота умма в ожидании судного дня (новый взгляд со старых позиций) // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 30.

³ По этому поводу см. замечательный сборник под говорящим названием «Фундаментализм», в предисловии к которому его редактор, в частности, пишет, что коллектив издания под фундаментализмом понимает «идеологию религиозных и религиозно-политических движений и течений, которые активно выступают за возвращение к истокам или богословской основе вероучения, за возвращение вере ее изначальной чистоты. Как только их идейная составляющая утрачивает смысл понятия возвращения, они, сохранив мировоззренческое ядро, перестают быть фундаменталистскими» (Фундаментализм. М.: Крафт+, 2003. С. 4–5).

С. Градировский

тернативный западному, – находится в оппозиции как национальным [исламским] элитам с их светским этатизмом, так и консервативному духовенству»⁴.

Особенность российской ситуации в том, что не только модернисты и фундаменталисты выдвигают собственные проекты преобразования, но даже традиционалисты. В связи с тем, что до того как начать охранять, консервировать и сохранять, длить традицию, ее вначале нужно восстановить, ибо мало что сохранилось за советский период. Но что значит восстановить традицию? Какой период исторического развития ислама в той же татарской истории взять за образец? До начала большевистского террора, в период богословских дебатов джадидистов и каламистов? Или до учреждения имперской властью Магометанского духовного управления? А может быть, до завоевания Казанского ханства Москвой, когда ислам пребывал неестественным? Что взять за точку отчета? Какой исторический период наиболее точно выразит идею традиционалистского мышления? Ответ в татаро-башкирской мусульманской среде пока только ищется.

И это первое существенное отличие российского исламского реформизма – традиционалисты пытаются восстановить утраченную в период репрессий форму. И потому вынуждены действовать как фундаменталисты, стараясь вернуть в бытование ортодоксию, которая была утрачена. Делают они это, как правило, не рефлексивно, но реактивно, в ответ на вызовы со стороны местных модернизаторов и импортных салафитов.

Второе отличие связано с особым геополитическим и геокультурным статусом России. Реформаторские тенденции накладываются на ее неопределенность по отношению к западной и (в меньшей степени, но все же) исламской культуре и деформируются в связи с этой неопределенностью. Двухвековой спор славянофилов

и западников, хорошенько приперченный теорией евразийства, опрокидывается на процесс самоопределения мусульман России. Кто они, и что их история для России – не доведенная до конца ассимиляция иноверного в составе Святой Православной Руси или ключевой этноконфессиональный элемент ранее имперского, советского, а сегодня федералистского строительства?

* * *

Перечислим ряд тенденций, развивающихся в последние годы и формирующих особый фон для российского исламского реформизма.

2.1. В исповедной и бытовой сферах идет процесс мазхабического замещения, в частности ханафитского мазхаба на ханбалитский (нередкая ситуация в Волго-Уральском регионе). Трудно оценить масштаб этого явления, но можно констатировать нарастающее богословское сопротивление ему со стороны представителей традиционных школ. В Чечне эксперты отмечают постепенное исчезновение шафиитского мазхаба, отступающего перед салафией. В Дагестане же распространение учения аль-Ваххаба, входящего в жесткий догматический и, главное, политический конфликт с носителями суфийской культуры, было жестоко пресечено. В западной части Северного Кавказа, напротив, многие эксперты фиксируют процесс укрепления ханбалитского толка.

2.2. Другой наблюдаемый процесс мазхабического снятия – преодоление мазхабической традиции как таковой. Легко считываются три версии такого преодоления:

- в рамках модернизации – мазхабы устарели по своей сути, те различия, которые они закрепили тысячелетие назад, для современного человека слишком ничтожны, поэтому мазхабы скорее консервируют пережитки, чем развивают умму;

⁴ Джемаль Г. Россия и исламский фундаментализм // Аналитический портал «Русский Архипелаг». 2001 [www.archipelag.ru].

• в рамках проекта политического ислама – мазхабы воспроизводят историческую раздробленность уммы, они отвлекают миллионы мусульман на ничтожные споры – кто делает правильной намаз или омовение (или того хуже, как писал покойный Ахмад-Кади Ахтаев, «спор между мусульманами перенесен на бытовой уровень. Постоянная перепалка из-за длины “усов и трусов” надоест нормальным людям, они отшатнутся от Ислама, чего [некоторые] и добиваются...»⁵);

• в рамках концепции «чистого» ислама – мазхабы препятствуют задаче возвращения к первоначальной чистоте времен Пророка и праведных халифов, а значит, домазхабическому периоду развития уммы.

2.3. В культурно-языковой сфере происходит интернационализация, совмещенная с русскоязычной (русскокультурной) аккультурацией. Связано это в первую очередь с миграционными – от масштабных до буквально капиллярных – процессами, развернувшимися в 1990-е годы. Этнические общины, выйдя из своих национально-территориальных анклавов, стали активно распространяться по всей стране, в первую очередь по городам. Большинство городских мечетей сегодня наполняются мусульманами разных национальностей (так, в джума-мечети Нижнего Новгорода среди участников пятничной молитвы около 70% – не татары; в Самаре, в самой крупной мечети России, 60–70% – не татары). И если какое-то время назад переход имама в мечети на русский язык сопровождался недовольством старейшин, то сегодня многие смирились с этим переходом, потому что понимают: имам должен обращаться к каждому человеку, разделившему с остальными молитву. Ведь сказанное обращено к уму человека, но невозможно включиться

умом в ситуации непонимания и даже плохого понимания происходящего. Поэтому русский язык становится все более значимым и заметным⁶.

Усиливает данный процесс то, что издательские стратегии, выраженные в планах книгопечатания и производства СМИ, закрепились опять же на русском языке.

Все это никак не сказывается на догматической стороне вопроса, но создает принципиально другую коммуникативную реальность, которая развивается в противовес локализации исламской традиции, в зеркале этнической мозаики народов России и ближнего зарубежья.

3. ИДЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Теперь перейдем к отчасти уже существующим, отчасти только намечающимся идейным конфликтам. Выделим четыре: в отношении иджитхада (здесь же затрагивается тема судьбы богословско-правовых школ, мазхабов), в отношении дауата, или границ миссионерства, в отношении дихотомии «адат – бидгат» (что же считать недопустимым новшеством) и в отношении примата политического господства.

3.1. В отношении иджитхада и судьбы мазхабов. «Пророк Мухаммед сказал: “Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии”, – так начинается один из своих текстов в защиту иджитхада Рафаэль Хакимов. – Такие люди появились среди татар в XIX веке и положили начало религиозному течению, получившему название джадидизма. В 1804 году богослов Курсави выпустил в свет трактат, в котором призвал татар к модернизации ислама. Он писал: “Вы не истинные и правверные мусульмане. Вы отступили от Корана Аллаха

⁵ Ахтаев А. Проблемы исламской общины и пути их разрешения с точки зрения ученых [http://www.az.ru/islam/uch-2.htm].

⁶ См.: Градиловский С. Культурное пограничье: русский ислам, 2003 и Русский ислам, 2004 // Аналитический портал «Русский Архипелаг» [www.archipelag.ru].

С. Градировский

и преданий Пророка". Он отверг мазхабы и предложил обратиться к самой Священной книге и критически оценить существующие традиции»⁷. Главное, что современники Курсави, по мнению Хакимова, убедились, что следование таклиду перестало гарантировать спасение, нужен был самостоятельный поиск истины – иджтихад. Таклид (как авторитет и традиция) и Ислам (как путь и справедливость) разошлись.

«Таклид консервирует мышление, а мазхабы консервируют общественные отношения на уровне средневековья, и только иджтихад позволяет выйти на дорогу прогресса». Почему это так принципиально? Да потому, что «предназначение ислама заключается в том, чтобы показать путь от невежества и отсталости к прогрессу и справедливости»⁸, – убежден Хакимов.

Его проект модернизации ислама вызван внутренней убежденностью советника президента Республики Татарстан в том, что только сочетание религиозной традиции с умением и готовностью быть в современном мире конкурентоспособными обеспечит будущее и народу, и республике.

Однако не только геоэкономическая логика прочитывается в трудах Хакимова, но и геополитическая. Ведь в ситуации нарастающего «столкновения цивилизаций» Восток и Запад сближает именно иджтихад, который есть не что иное, как «начало либерального мышления»⁹.

Р. Хакимов в своих мыслях не одинок, движение за объединение усилий мусульман разных стран и континентов за правовую «модернизацию» набирает силы. В это вкладываются и модернисты, и фундаменталисты, на знаменах которых начертана идея постепенного пе-

рехода всех мусульман к единому мазхабу и динамичному фикху, что возможно при условии широко распахнутых «врат иджтихада». Ведь только это «вновь сделает фикх динамичным, объективно выведенным правовым организмом, чтобы отдельные мусульманские ученые и правоведа... могли эффективно и стандартно применять шариат во всех частях мусульманского мира независимо от конкретных социальных, политических и экономических условий»¹⁰.

Призыв Р. Хакимова к модернизации российского (татарского) ислама не остался незамеченным. Главным его критиком стал первый заместитель муфтия Республики Татарстан Валиулла Якупов. «Ислам традиции» – так он назвал свою работу, созданную в качестве ответа на «Манифест евроислама», – есть попытка дать содержательную отповедь «безудержной пропаганде иджтихада». Якупов убежден, что «мазхабический ислам ни в чем не устарел, он актуален, а актуальность его будет лишь возрастать»¹¹.

Аргументация Якупова строится в эклексиастской логике, по двум линиям: «всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Ек.3:1,7) и «говорят: "смотри, вот, это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Ек.1:10).

Линия первая – «всему свое время». В. Якупов считает, что «...отжившие методы иджтихада давно потеряли [свою] актуальность и, конечно, никогда уже не возродятся, так же как нелепо и невозможно сегодня составление новых сборников достоверных хадисов. Методы иджтихада выполнили свою функцию, и в них уже нет необходимости. Эпоха составления сборников достоверных хадисов и иджтихада – комплектования

⁷ Хакимов Р. Вызовы времени и модернизация ислама // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Нижний Новгород: Приволжский гуманитарно-теологический институт, 2003. С. 157.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Там же. С. 166.

¹⁰ Абу Амина Биляль Филитс. Эволюция фикха. Исламский закон и мазхабы. Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. С. 201.

¹¹ Якупов В. Ислам традиции. Поиски «хорошего» Ислама. Казань: Иман, 2004. С. 6.

методологии и инструментария фикха безвозвратно прошла, и с этим придется волей-неволей смириться всем»¹². «В результате [многовековых богословских дискуссий], – утверждает Якупов, – мы имеем выкристаллизованный беспримесный Ислам в форме мазхабического Ислама, оформленный письменно табином Абу Ханифой. Этот мазхаб является по сути своей “концентрацией пророческого Ислама”»¹³.

Линия вторая – «но это было уже в веках». В. Якупов предсказывает: «...сегодня уже вряд ли получится изобрести оригинальную “версию Ислама”. Какой бы экзотичный взгляд вы ни выбрали, он, скорее всего, прежде кем-то был уже озвучен и записан»¹⁴. А раз так, то к кому присоединяться? С таким вопросом обращается Якупов к своим современникам. Чье мнение о Коране и Суне предпочтительней? Табиин Абу-Ханифа или аль-Ваххаба, жившего в конце XVIII века? В такой постановке ответ очевиден.

В другом месте Якупов называет стремление тех, кто призывает к открытию врат иджтихада, «комплексом восточности». «Сочная метафора одного из средневековых авторов, в привычной для Востока манере констатировавшего непреложный факт завершения периода абсолютного джихада, сыграла злую шутку с гуманитарным складом ума наших “философов” [“нашими философами” хазрат называет соплеменников-интеллектуалов, упражняющихся в каламе. – С.Г.]. В каждой науке наступает период завершения некоего этапа, например, когда законы Ньютона открыты, повосточному это значит “ворота законов Ньютона закрыты”. И понятна сама тщетность усилий по их открытию»¹⁵.

Якупов предрекает, что «при достаточной настырности “модернизаторов” Ислама единственным результатом их активности станет рождение новой мусульманской сектантской единицы»¹⁶.

Отметим характерное расхождение в оценке сектантства, когда для одних сектанты – это те, кто замыкается в своих частных вероисповедных формах, не желая очищения от многовековых наслоений, те, кто «с испугом кутается» в национальные, родовые и расовые «ризы», а для других – те, кто проповедует «очищение» ислама, необходимость реформ и изменений.

3.2. В отношении дауата (границ миссионерства). Вот обширная цитата из интервью муфтия Татарстана Гусмана Ицхакова, приведенная в статье Орхана Джемаля: «Меня, как муфтия, не радует, что русские принимают ислам... пусть кряшены и русские остаются православными, а татары – мусульманами. И Русская Православная Церковь будет вести проповедь среди народов, которые традиционно исповедуют православие, а мы – среди народов, традиционно исповедующих ислам. Каждый пусть держит свою паству, сеет в своем огороде. Да и потом, примеры русских, перешедших в ислам, не слишком обнадеживающие: у них обычно повышенная агрессивность, да и менталитет у них совсем другой... Мне кажется, что каждый должен свои исконные обычаи, нравы, традиции хранить»¹⁷.

Понятно, что далеко не все согласны с таким этноконфессиональным подходом хазрата. Встает вопрос о дауате, священном долге распространения ислама на земли, не входящие в Дар-аль-Ислам. Почему муфтий вынужден публично

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Якупов В. Татарское «богоискательство» и пророческий ислам. Казань: Иман, 2003. С. 33.

¹⁶ Якупов В. Ислам традиции. Поиски «хорошего» Ислама. С. 4.

¹⁷ Цит. по: Джемаль О. Исламизм в русском мире. Союз русских мусульман готовится к пропаганде ислама в России // Русский журнал. 2004 [www.russ.ru].

С. Градировский

произносить слова, за которые придется рано или поздно оправдываться?

Истоки такого поведения вскрывает О. Джемаль абзацем ниже: «На площадке [Межрелигиозного] совета между РПЦ и представляющими ислам муфтиями был заключен негласный “пакт о ненападении”. Суть его, собственно, и сформулировал муфтий Татарстана Гусман Ицхаков – православные священники призывают ко Христу среди русских, муфтии к исламу – среди татар, башкир или народов Кавказа. Соблюдая условия этого договора, муфтии и шарахаются от русских мусульман как черт от ладана»¹⁸.

К сказанному можно добавить, что вероисповедное пространство России давно пытаются, окончательно расчертив, закрепить за традиционными конфессиями – чтобы спокойней было; больше порядка – больше предсказуемости. И сделать это вроде бы просто: традиционные религии, как это сложилось в России, как правило, этноцентричны, и в этом смысле у них есть уже некоторая незафиксированная юридически, но сформированная по факту «договоренность». Договоренность в отношении миссионерской, прозелитической и организационно-финансовой активности. Каждый трудится в своем огороде – определенном этническом субстрате. Список же народов давно прописан, и пустых граф в нем не существует!

Но тогда встает вопрос: а что делать с новыми религиозными течениями или с религиозным энтузиазмом внутри «традиционных» религий? Ведь любая церковь, любое духовное управление, вообще любая религиозная организованность имеет дело с вероисповедным пафосом, она жива им, жива в веках. И этот пафос не знает этнических, расовых, любых иных антропологических границ (по крайней мере, у мировых религий).

Поэтому отношение к дауату раскалывает умму на конформистов и бунтарей, тех, кто ищет покоя и мира, и тех, кто всегда остается верен своему религиозному долгу¹⁹.

3.3. В отношении к дихотомии «адат – бидгат». За последнее время мы оказались свидетелями многочисленных конфликтов, складывающихся вокруг дихотомии «обычай – нововведение». Если в начале XX века стояла задача смягчить фанатичное следование мазхабу, то есть необходимо было в его рамках преодолеть фанатизм, а не отказаться от мазхаба как такового, то в начале XXI века, наоборот, стоит задача восстановления и укрепления самого мазхаба²⁰. Так видят ситуацию В. Якупов и его единомышленники. Следовательно, новшеством (бидгатом) является призыв к преодолению (= уничтожению) всех культурных и национальных особенностей ислама, укорененного в той или иной местности. Якупов неоднократно указывает на тот факт, что Пророк, не располагая шариатским правилом по конкретному случаю, предпочитал действовать в соответствии с народным обычаем, т.е. адатом: «Пример Пророка свидетельствует об отсутствии нигилистического подхода к правовому наследию различных народов»²¹.

Напротив, сторонники «чистого» ислама считают, что пришло время освободиться от наслоений, закрепленных в традиции. Ибо веками контрабандой в ислам протаскивались те или иные региональные и племенные обычаи. Поэтому адат (урф) – это нововведения, которые необходимо соскрести, как соскребают ржу с корпуса давно плавающего корабля.

Таким образом, мнения полярно разошлись: одни считают, что адат это и есть

¹⁸ Там же.

¹⁹ И, как правило, исполнение религиозного долга слабо сочетается с комфортом.

²⁰ Якупов В. Татарское «богоискательство» и пророческий ислам.

²¹ Якупов В. Ислам традиции. Поиски «хорошего» Ислама. С. 24.

бидгат, другие, напротив, что борьба с адатом есть бидгат. Не стоит и упоминать, что обе стороны при этом ссылаются на соответствующие аяты и Суну, ища последние аргументы в священных строках.

Требования нововведений со стороны модернизаторов ислама куда более радикальны. Известно, к примеру, что некоторые из них настаивают на необходимости пересмотра такого столпа ислама, как обязательный пятикратный намаз. Вот как не без ехидства интерпретирует их тайные мотивы Якупов: «До революции для татарской интеллигенции наличие рабочих мест было обусловлено возможностями быть занятыми в сфере деятельности духовенства. Иначе не было возможности извлекать доход для жизни. Только в случае обладания духовным званием можно было собрать деньги и вести научную деятельность. Поэтому были попытки реформировать Ислам со стороны лицемеров, чтобы оправдать лень свою в исполнении обрядов. Сейчас же такой дилеммы нет – не хочешь читать намаз, просто будь светским ученым. До революции такой возможности не было. Зачем же выдумывать джадидизм в XXI веке? Просто если пока не хотите, то не читайте намаз и не мешайте другим его читать, зачем навязывать другим какую-то модернизацию и реформы?»²² Примечательно и то, что процитированный отрывок есть начало главы под названием «Причины появления джадидизма».

В. Якупов – лицо духовное, и ему ведомы тайны душ человеческих, но вот как развивается мысль Р. Хакимова в его нашумевшем труде «Где наша Мекка?»: «Ритуалы и обряды вытекают из веры, а не определяют ее. Они вторичны». После чего Хакимов прибегает к авторитетнейшему мнению Абу Ханифы: «Верующих побуждает молиться, платить закят, соблюдать пост, устрем-

ляться в хадж и поминать Аллаха их вера в Аллаха, а не молитва, закят, пост и хадж побуждают их веровать в Аллаха. Это так, ибо сперва они веровали и лишь потом стали действовать. Вера в Аллаха побудила их исполнять религиозные обязанности, а не религиозные обязанности побудили их веровать». А потому «разногласия по поводу веры и неверия может решить только Аллах – все остальные люди в этом деле – посторонние... На пути к истине священнослужители [так у автора. – С.Г.] выполняют функцию указательных знаков на автобане, но они не должны быть лежащими полицейскими»²³.

Очевидно, что представители обоих лагерей в большей степени заняты обменом колкостями, чем обсуждением предмета. Характерно, каким образом В. Якупов, правда в сердцах, задается вопросом: а что, собственно, не устраивает? Пока ведь «рассуждения о необходимости модернизации и реформаторства носят общий характер, но конкретно что надо реформировать – непонятно». И дальше не без ехидства замечает, что если ислам состоит из пяти столпов, соответственно евроислам состоит из евронамаза, евроураза, евросадаки и т.д. Может быть, в этом и есть суть предлагаемых реформ? – спрашивает хазрат.

3.4. В отношении к примату политического господства. Это настоящий конфликт. Конфликт, который стал объектом пристального внимания власти как таковой, потому что это конфликт между исламом комлементарным и радикальным; исламом-цивилизацией, идущим на компромисс с глобальной цивилизацией и жадно ищущим с ней диалога, а не столкновения, и исламом «изначального предназначения». «Когда изначальное предназначение сталкивается с цивилизацией, ему суждена по-

²² Там же. С. 27.

²³ Хакимов Р. Где наша Мекка? Манифест евроислама. Казань: Магариф, 2003. С. 37.

С. Градировский

беда, какой бы долгой ни была борьба», – писал Саид Кутб²⁴.

Не секрет, что если для подавляющего большинства духовных лиц, символизирующих лояльный властям традиционализм, ислам – это в первую очередь культ, то для политического ислама – «стратегия последней войны». «Нам известно, – замечает в своем манифесте «Будущее принадлежит исламу» С. Кутб, – что в течение веков предпринимаются огромные усилия ограничить Ислам рамками интуитивной догмы, религиозных обрядов и обычаев, невмешательством в систему реальной жизни, помешать его полному господству над всей реальной деятельностью человеческой жизни, что противоречит истине, природе Ислама и его предназначению»²⁵. Ведь отличительными чертами ислама являются «универсализм, реализм и господство».

На Западе политический ислам считают движением, являющимся прямым наследником леворадикальных течений 1960-х годов с их идеей революции «бедного Юга» против «богатого Севера».

Действительно, политический ислам есть движение – на чем настаивает один из его российских лидеров Г. Джемаль, – ставящее вопрос о власти в контексте социальной справедливости. Поэтому политический ислам – это не просто оче-

редное протестное политическое движение, но, в первую очередь, практика политического мышления, претендующая на формирование универсального языка всех несогласных. Оно (это мышление) пытается аккумулировать энергию протеста, «оседлав» планетарный антропо-ток и порожденные им диаспоры. Оно также в гораздо большей мере находится в оппозиции так называемому традиционному исламу, чем христианство и структуры секулярного мира.

Политический ислам требует предельного политического самоопределения – «чем скорее мусульманин поймет, что его религия есть не что иное, как стратегия последней войны, тем лучше это будет в первую очередь для его личной судьбы»²⁶.

Таким образом, для Г. Джемалья и его единомышленников ислам – это не религия, а политический проект, аккумулирующий глобальный антисистемный протест против миропорядка. Ислам – это не цивилизация в ряду других цивилизаций, а то, что противостоит глобальной цивилизации, являясь для нее предельным антагонизмом. Ислам – это не культ, имеющий «непреходящее культурное значение», а огонь, пожирающий кесаря и утонченную культуру его двора.

²⁴ Кутб С. Будущее принадлежит исламу. М.: Сантлада, 1993. См. также на www.archipelag.ru.

²⁵ Там же.

²⁶ Джемаль Г. Ислам – сакральная оппозиция мировой системе // Революция пророков. М.: Ультраккультура, 2003. С. 360.

Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века

Рубеж XIX–XX веков – это время пробуждения исламского мира, которое затронуло и российское «мусульманство». Политические и духовные явления, происходившие в многомиллионной общине мусульман царской России, вызвали серьезную обеспокоенность в ее правящих кругах¹. Революции в Иране (1905–1907) и Турции (1908–1909) активно стимулировали разработку различных сторон мусульманского движения того времени государственным аппаратом монархии. Определенную роль в этом играло главное ведомство по общему управлению страной – Министерство внутренних дел. В историографии накоплен существенный опыт изучения мусульманского движения – труды А. Аршаруни, Х. Габидуллина, Л.И. Климовича, Р.Г. Ланда, Д.А. Аманжоловой, Л.А. Ямаевой и др.² Однако многие аспекты этой темы освещены пока еще недостаточно полно. Нам показалось целесообразным более подробно охарактеризовать организацию разработки мусульманского движения центральными и местными органами царского МВД, проанализировать способы и формы

¹ По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года, в Российской империи проживал 13889421 мусульманин.

² Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Б/м, 1931; Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936; Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995; Аманжолова Д.А. Мусульманское движение в России в начале XX в. // Религия и церковь в России и за рубежом. 1995. № 6; Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002; и др.

Дмитрий Юрьевич Арапов,
кандидат исторических наук,
доцент МГУ

Татьяна Викторовна Котюкова,
кандидат исторических наук,
ответственный секретарь
журнала «Исторический архив»

Д. Арапов, Т. Котюкова

систематизации собираемой ими крайне важной для исследователей информации. Следует сразу оговорить необходимость постоянного учета субъективности многих оценок и самого восприятия мира ислама в административном аппарате русской монархии.

В столице империи Санкт-Петербурге «мусульманским вопросом»³ в начале XX века в первую очередь занимались два подразделения МВД – Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и Департамент полиции (ДП), которые согласовывали свою деятельность по данному вопросу как друг с другом, так и с иными центральными ведомствами (министерствами финансов, иностранных дел, народного просвещения, Военным министерством, Святейшим Синодом)⁴. Важнейшей задачей для всех столичных и провинциальных чинов МВД монархии Романовых была необходимость обеспечения незыблемости «официальных» устоев «государственного православия». В то же время в связи с введенными в стране в 1773 году указом Екатерины II «началами» веротерпимости при надзоре над «иными верами», в том числе исламом, МВД поддерживало «принцип полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка»⁵.

Высшая ответственность за разработку «мусульманского вопроса» в МВД лежала на самом министре, руководство конкретными исполнителями в департаментах осуществлял его товарищ (за-

меститель), который курировал ДДДИИ и ДП. Среди глав МВД начала XX века, уделявших особое внимание «мусульманскому делу», следует выделить фигуру последнего крупного государственного деятеля царской России, министра внутренних дел в 1906–1911 годах П.А. Столыпина⁶.

Департамент иностранных исповеданий начал свою деятельность еще в первые годы XIX века. В 1810 году по замыслу выдающегося русского реформатора М.М. Сперанского было учреждено на правах отдельного ведомства Главное управление духовных дел разных (иностраных) исповеданий, под контроль которого были поставлены «все предметы», относящиеся к неправославным конфессиям, в том числе исламу, «исключая судебных их дел»⁷. В 1832 году это управление было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, он был включен в МВД, где и находился (за исключением короткого промежутка времени в 1880–1881 годах) вплоть до 1917 года⁸.

К началу XX столетия Департамент иностранных исповеданий являлся центральным правительственным органом, контролировавшим управление духовной жизнью российских последователей «магометанского закона». К этому времени сложилась определенная система непосредственно или косвенно подконтрольных ДДДИИ мусульманских духовных учреждений. Прямо МВД подчинялись действовавшие на территории Европейской России и Сибири Орен-

³ История становления понятия «мусульманский вопрос» раскрывается в докладе Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского. См.: «Ислам в Туркестане». 1899 г. Доклад генерала С.М. Духовского (Публ. Д.Ю. Арапова и Е.И. Лариной) // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 260. В современной историографии понятию «мусульманский вопрос» в имперской административной практике посвящено исследование: *Воробьева (Кэмпбелл) Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2001. Т. 2. С. 36–38, 63–75.

⁵ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901. С. 153.

⁶ Арапов Д.Ю. П.А. Столыпин о «мусульманском вопросе» в России // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных и экономических наук. М., 2002. Вып. 1.

⁷ Главное управление духовных дел иностранных исповеданий // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). М., 1996. Кн. 1. С. 182–183.

⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 23.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

бургский (1788) и Таврический (1831) муфтияты. Духовной жизнью мусульман Закавказья руководили Духовные правления суннитов и шиитов (1872), подведомственные царской администрации Кавказа, а в столице – Военному министерству и лично императору. Особые правила определяли организацию духовной жизни мусульман на территории Степного края (современный Казахстан). В правительственных и общественных кругах неоднократно ставился вопрос о создании суннитского муфтията для мусульман Северного Кавказа и духовного управления для «магометанства» Туркестана, но какого-либо конкретного решения вплоть до 1917 года по этому поводу так и не последовало. Принципиальные вопросы духовной жизни северокавказского и туркестанского «мусульманства» определяли местные имперские власти, подведомственные Военному министерству в Санкт-Петербурге. Последнее при необходимости координировало свои решения по «мусульманскому делу» с сотрудниками ДДДИИ⁹.

Анализ политики царских властей при создании системы мусульманских духовных правлений, на первый взгляд, позволяет предположить, что в противоречие традициям «магометанского закона» делалась попытка создать своего рода «Русскую Исламскую церковь». В известной степени это было действительно так, но светская власть преследовала здесь прежде всего «правительственные цели». Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к максимальному государственному контролю над всеми религиями (в первую очередь православием) на территории страны. Именно с этой практической целью с конца XVIII века монархия Романовых приступила к созданию (там, где это считалось нужным) религиозных исламских учреждений и форм организации их слу-

жителей. При этом царизм отталкивался во многом от опыта Османской империи и ее вассала – Крымского ханства с их «огосударственной» системой суннитских муфтиятов, генетически восходящих к XV веку и традициям Византийской православной церкви.

В огромной структуре МВД Департамент иностранных исповеданий был, пожалуй, одним из самых малочисленных – 30–40 человек. Большинство из них к началу XX века имело, как правило, высшее образование (Петербургский и Московский университеты, Училище правоведения и др.). В одном из отделов Департамента (номер которого неоднократно менялся) исламом ведали 3–4 штатных чиновника, несколько канцелярских служащих, на время к отделу могли «причисляться» другие служащие. Эти чиновники либо получали ориентальное образование, в том числе на курсах восточных языков при МИДе или Императорском обществе востоковедения, либо изучали восточные языки (арабский, татарский, персидский) на практике.

Среди сотрудников ДДДИИ, занимавшихся в начале XX века мусульманским движением, следует особо выделить фигуры А.Н. Харузина и С.Г. Рыбакова. Крупный этнолог и антрополог, Харузин давно и серьезно интересовался исламом. Еще в 1889 году, анализируя политические и духовные процессы, происходившие в Центральной Азии, он с тревогой писал об укреплении в жизни казахского социума позиций «мусульманства» и полагал, что имперским властям «не следует потакать враждебному нашим [т.е. российским. – Д.А., Т.К.] государственным началам направлению магометанско-татарскому»¹⁰. Как директор ДДДИИ в 1908–1911 годах, Харузин был одним из ближайших сотрудников Столыпина и практически вел в те годы «мусульманское дело» в системе МВД.

⁹ Там же. С. 276–282; Арапов Д.Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Ислам и право. М., 2004. Вып. I.

¹⁰ Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды. Антрополого-этнографический очерк. М., 1889. Вып. 1. С. 101–102.

Д. Арапов, Т. Котюкова

Глубокий исследователь мусульманской культуры народов России, Рыбаков был в 1913–1917 годах чиновником ДДДИИ, ведущим экспертом по исламу¹¹. Он являлся автором ценных своей информационной насыщенностью записок по этой тематике, в том числе труда «Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России» (1917). На наш взгляд, это лучшее описание профессиональной организации российского «мусульманства» накануне падения династии Романовых¹².

Важнейшей особенностью ДДДИИ как одного из ключевых звеньев (наряду со Святейшим Синодом) в системе охраны «имперского православия» была исключительно высокая требовательность к вероисповеданию его сотрудников. В других правительственных ведомствах «иноверцы» порой могли занимать самые высокие посты. В ДДДИИ служили только православные чиновники и служащие. Исключение делалось крайне редко, лишь для доказавших свою абсолютную лояльность «инородцев». Так, в середине XIX века внештатным экспертом ДДДИИ по делам «мусульманства» являлся известный ориенталист, профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета А.К. Казим-Бек, в молодости перешедший из ислама в христианство по пресвитерианскому учению¹³.

В круг вопросов «магометанства», которыми занимался ДДДИИ, в начале XX века стали более активно включаться темы, связанные с мусульманским движением. Это нашло свое отражение в наименовании разделов в описях фонда 821 «Департамент духовных дел иностран-

ных исповеданий», который хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. В первую очередь имеются в виду такие названия, как «Антиправительственная деятельность мусульманских организаций», «Мусульманские секты», «Мусульманская печать» и др. Необходимо отметить ряд архивных дел, где отложились особо значительные массивы документов, содержащих ценнейшие сведения о мусульманском движении начала XX века. Среди них выделяется громадное по своим размерам дело «О панисламизме и пантюркизме» за 1906–1911 годы (Ч. 1–4)¹⁴. Следует подчеркнуть, что в отличие от других подразделений МВД Департамент иностранных исповеданий не имел своих структур на местах, поэтому его деятельность по сбору информации проводилась прежде всего через территориальные административно-полицейские структуры.

Гораздо большими возможностями по накоплению сведений по «мусульманству» обладал Департамент полиции (ДП), который опирался на развитую сеть губернских и областных полицейских органов и жандармских подразделений¹⁵. Департамент полиции был образован в системе МВД в августе 1880 года и взял на себя значительную часть функций упраздненного тогда же III Отделения Собственной ЕИВ канцелярии. ДП являлся центральным учреждением государственной полиции монархии, он осуществлял разработку мер по «охране государственного строя», руководство, координацию и контроль за функционированием полицейских жандармских, охранных и сыскных органов и др.¹⁶ Огром-

¹¹ О С.Г. Рыбакове см.: Ислам в Российской империи. С. 332–335.

¹² Его современное переиздание см.: Ислам в Российской империи. С. 267–315.

¹³ *Рзаев А.К.* Мухаммед Алим Казим-Бек. Баку, 1989.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469, 470, 471, 472. Образцы документов по «мусульманству», подготавливавшихся чиновниками ДДДИИ см.: «Трудностей изучения мусульманского вопроса не отрицают сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Исторический архив. 2004. № 1.

¹⁵ *Перегудова З.И.* Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // Жандармы России. М., 2002.

¹⁶ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 278–279.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

ный комплекс документов ДП хранится в Москве в Государственном архиве Российской Федерации в фонде 102 «Департамент полиции».

Ведущую роль в ДП играл его Особый (политический) отдел¹⁷. Он занимался прежде всего вопросами политического розыска: вел наблюдение за политическими партиями и общественными движениями, руководил действиями местных розыскных органов, в начале XX века – районных охранных отделений, разработкой агентурных сведений, изданием розыскных циркуляров, готовил аналитические документы и т.п.¹⁸ К сожалению, личности сотрудников центрального аппарата ДП, непосредственно курировавших «мусульманство», пока недостаточно исследованы.

Подход военных и гражданских чинов монархии Романовых к «магометанскому закону» издревле сложился на основе негативистской европоцентристско-христианской традиции и устоявшихся исламофобских стереотипов и фантомов. Так, уже первые отечественные учебные пособия по истории, вышедшие в XVIII веке, изображали мусульманский мир как царство «косности и застоя». Типичным явлением в официальной литературе и публицистике было подчеркивание исключительного «фанатизма» Корана, пророка Мухаммеда и всех последователей основанного им вероучения¹⁹. Однако «мусульманский фактор» находился на протяжении почти всего XIX века в известной степени на периферии внимания властных структур империи. Войны с Ираном и Турцией шли на дальних окраинах и по большому счету не угрожали стратегическим центрам империи. Конечно, раздражитель-

ным явлением была длительная Кавказская война 1817–1864 годов, но и здесь имелись снижавшие «исламскую опасность» обстоятельства. Царские генералы и администраторы, например, были твердо уверены в том, что «закавказские татары» – шииты ни при каких обстоятельствах не поддержат антирусское движение «еретиков Омаровой секты» – суннитов Чечни и Дагестана и воспринимает притязания их предводителей (того же Шамиля) на имамат как чистой воды самозванство²⁰.

Последние десятилетия XIX века стали временем достаточно жесткого наступления сил «православного консерватизма» на духовную жизнь неправославного, в том числе мусульманского, населения империи²¹. Следует отметить, что именно в полицейских структурах монархии нашлись достаточно трезвые прагматики, которые без какого-либо восторга оценивали эту неразумную попытку церковно-миссионерских кругов. Так, например, в Казани, где действия подчиненных тогдашнего обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева носили особенно активный характер, руководство местного губернского жандармского управления в «Политическом обзоре Казанской губернии» за 1884 год писало о том, что «казанские купцы и торгующие преданы правительству и Государю, но их больное место религия [т.е. ислам. – Д.А., Т.К.], и если не трогать это больное место (его можно и не трогать), татары не примут участия ни в каком [антиправительственном. – Д.А., Т.К.] движении»²². Необходимо также подчеркнуть, что в целом и в эти годы позиции ислама, особенно на окраинах, были затронуты менее ощутимо, чем

¹⁷ См. *Пережудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 60.

¹⁸ Путеводитель. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX вв. М., 1994. С. 36–37.

¹⁹ *Арапов Д.Ю.* Россия и мусульманский мир // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155). С. 12.

²⁰ В этом, например, было твердо уверено руководство Кавказского жандармского округа // ГАРФ. Ф. 109 «III отделение Собственной ЕИВ канцелярии», 1-я экспедиция, 1885 г. Оп. 30. Д. 355. Л. 1–2.

²¹ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 117.

²² ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство ДП. 1884 г. Оп. 80. Д. 88. Ч. 33. Л. 56об.

Д. Арапов, Т. Котюкова

у других неправославных религий (например, католицизма и иудаизма). Так, на рубеже XIX–XX веков шел заметный процесс неуклонного усиления исламского влияния на еще полуязыческие казахские племена и татар Сибири²³. Практически нетронутым оставалось положение ислама в Туркестане²⁴. Конечно, в последнем не все было тогда спокойно. Произошедшее в мае 1898 года под лозунгом «джихада» Андижанское восстание вызвало заметное волнение в правящих сферах империи, в том числе и в прямо не отвечавшем за регион МВД²⁵. Весьма любопытен сам характер реакции на данные события руководства этого ведомства.

В последний день уходящего XIX столетия, 31 декабря 1900 года, тогдашний министр внутренних дел Д.С. Сипягин послал в МИД тревожный запрос по «мусульманскому делу». Министр писал о том, что, с его точки зрения, «опыт последнего времени показал, с какой осторожностью и бдительностью следует относиться ко всяким движениям в среде мусульманского населения империи». Критически воспринимая «новометодную» исламскую школу, Сипягин пытался осмыслить развертывавшееся движение либерально настроенной части мусульман в ее поддержку и хотел узнать, «не вдохновляется ли [это движение. – Д.А., Т.К.] из Турции или иного заграничного мусульманского центра»²⁶.

В данном обращении, на наш взгляд, отчетливо отразилась присущая отечест-

венной консервативно-почвеннической традиции привычка искать единый центр «вражеской интриги», действующий из заграницы, в этом конкретном случае – из «магометанского» угла «мировой закулисы». По поручению руководства МВД ответ на запрос Сипягина был подготовлен тогдашним русским послом в Турции И.А. Зиновьевым²⁷. Авторитетный знаток мусульманского мира, политик достаточно консервативных взглядов, Зиновьев был прежде всего реалистом-практиком. Он высказал свои глубокие сомнения в том, что развертывавшееся в России мусульманское движение «могло почерпать вдохновение» из какого-либо внешнего «мусульманского центра», и полагал, что его следует рассматривать как явление «совершенно самостоятельное», обусловленное «местными обстоятельствами»²⁸.

Последующие события начала XX века заставили царскую полицию существенно активизировать сбор сведений по исламскому движению. В бесценной для исследователя базе данных ДП – хранящемся в ГАРФе ее центрально-справочном аппарате (ЦСА) «мусульманство» заметно расширяло в те годы свое присутствие, прежде всего в предметно-тематическом каталоге. Здесь были обозначены следующие рубрики внутри раздела «Мусульманское движение»: «Мусульманские съезды»; «Всероссийский мусульманский союз»; «Мусульманские общества и организации: Акмолинская обл., Астраханская обл.,

²³ Бартольд В.В. Дневник путешествия по маршруту Оренбург – Башкирия – Сибирь – Кяхта // СПФРАН. Ф. 68 «В.В. Бартольд». Оп. 1. Д. 206.

²⁴ Данное обстоятельство признавал В.И. Ленин, который в эмиграции, изучая труды известного среднеазиатского исламоведца Н.П. Остроумова, писал в 1913 году о Русском Туркестане: «Свобода религии полная. Ислам здесь царит» (Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т. 28. С. 513).

²⁵ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998. С. 68–69.

²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3068. Л. 3об. Новометодные школы – низшие мусульманские учебные заведения, где, наряду с преподаванием основ шариата, некоторые предметы стали изучаться по европейским образцам. Создание данного типа школ, деятельность их защитников (сторонников «обновления» – «джадидов») вызывали резкое сопротивление почитателей старометодной мусульманской школы с обучением в сугубо традиционно конфессиональном духе.

²⁷ Об И.А. Зиновьеве более подробно см.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 446–447.

²⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3068. Л. 6об.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

Бакинская обл., Батумская обл., Бухара, Вятская губ., Дагестанская обл., Елисаветпольская губ., Закаспийская обл., Казанская губ., Киевская губ., Москва, Оренбургская губ., Пермская губ., Петербург, Рязанская губ., Самарская губ., Семиречинская обл., Симбирская губ., Сыр-Дарьинская обл., Таврическая губ., Тамбовская губ., Тифлисская губ., Томская губ., Уфимская губ., Ферганская обл., Харьков, Херсонская губ., Эриванская губ.»; «Мусульманские школы»; «Мусульманская литература и печать: журналы “Ак-Юй”, “Анч” (г. Казань), газеты “Бургани-Тараки” (г. Астрахань), “В мире мусульманства” (г. Петербург), “Вакт”, журнал “Ени-Феюзет” (г. Баку), газеты “Ени-Хагикат” (г. Баку), “Икбал” (г. Баку), “Иль” (г. Казань), “Казах” (г. Оренбург), “Кояш” (г. Казань), “Магометанин”, журналы “Мектеб”, “Миллет”, “Мусульманин”, газеты “Сада” (г. Баку), “Садай-хан” (г. Баку), “Сибирия” (г. Уфа), “Сюз” (г. Москва), “Тан-Юлдуз” (г. Казань), “Терджимен” (г. Бахчисарай), “Турмыш” (г. Уфа), “Ульфед” (г. Петербург), “Халк” (г. Астрахань), “Шехаби-Сагиб” (г. Баку), “Шура” (г. Казань)»; «Другие издания и распространение мусульманских изданий»; «Мусульманские организации за границей»; «Деятельность панисламистов на местах: Акмолинская обл., Астраханская обл., Бакинская губ., Батумская обл., Бухара, Вятская губ., Дагестанская обл., Елисаветпольская губ., Забайкальская обл., Закаспийская обл., Иркутская губ., Казанская губ., Карская обл., Киевская губ., Оренбургская губ., Пермская губ., Самарская губ., Самаркандская обл., Симбирская губ., Сухумская обл., Таврическая губ., Терская обл., Тифлисская губ., Уфимская губ., Ферганская обл., Херсонская губ.»; «Панисламизм за границей. Печать». В алфавитной картотеке ДП постоянно появлялись все новые фамилии участ-

ников мусульманского движения начала XX века.

Особое внимание «мусульманскому фактору» в жизни страны МВД стало уделять, как отмечалось выше, с приходом к руководству ведомством П.А. Столыпина в апреле 1906 года. В июле того же года он был назначен одновременно председателем Совета министров империи, что еще более расширило его властные возможности. Главу правительства царской России после начала революций в Иране и Турции все сильнее беспокоили движения в «мусульманстве» внутри страны и за ее пределами.

В 1909 году Столыпин писал руководству Святейшего Синода: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует... борьбу государственную, культурную... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным»²⁹. В своей записке от 15 января 1911 года он оценивал как «крайне вредные» для безопасности монархии Романовых планы реализации «панисламизма» (замысла объединения мусульман всего мира под властью турецкого султана-халифа) и «пантюркизма» (плана интеграции всех тюркских народностей под руководством Турции). Столыпин считал необходимым активно бороться с влиянием последних течений в российской мусульманской среде и наметил целый ряд мер по их «обезврежению для государственных интересов»³⁰.

При данных обстоятельствах процесс накопления информации о мусульманском движении в ДП принял иной качественный характер. В 1910–1917 годах Особым отделом стало вестись «головное» по исламу, многолетнее и многотомное дело «74». Начало этой работы совпало с временем окончательного приведения в стройную систему утвержденной в Особом отделе номенклатуры

²⁹ Цит. по: *Почта Ю.М.* Мусульманское общество в европейской философии. Рукопись докт. дис. М., 1995. С. 144.

³⁰ Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Восток. 2003. № 2. С. 127.

Д. Арапов, Т. Котюкова

дел³¹. Был принят следующий порядок их организации: первый номер «74» обозначал «Мусульманство» («Панисламизм»), так же как цифра «9» – эсеров, «12» – анархистов, «27» – кадетов и т.д. Губернский номер следовал за номером «партийной или общественной организации» например, «д. 74, ч. 28» означало «Панисламизм. Казанская губерния». На мусульман каждой губернии или области могли заводиться несколько дел с литерами, указывающими на их характер. В делах с литером «А» собирались материалы под общим названием «Разная переписка»; «Б» – материалы агентурного характера; «В» – списки членов местной организации и лиц, связанных с ней, которые попадали в сферу наружного наблюдения; «Г» – переписка о распространении «партийной литературы». Дела с литерами «Д» и «Е» были совершенно секретными, в них хранилась переписка о личном составе секретной агентуры и денежной отчетности³².

Следует учитывать, что подача информации о мусульманском движении в делах ДП часто носила чисто формальный характер. Так, встречающиеся названия «Панисламизм. Центрально-комитетское дело» или «Комитетское дело» были совершенно надуманными, ибо, насколько известно, в отличие от социалистических партий, никаких мусульманских ЦК, обкомов и райкомов никогда не существовало³³. Здесь можно констатировать проявление определенного канцелярско-полицейского штампа при систематизации поступающих в ДП сведений.

Центральные органы МВД находились в постоянном взаимодействии с территориальными административно-полицей-

скими структурами, которые на местах осуществляли практическую разработку мусульманского движения. В качестве примера нами рассмотрена розыскная деятельность по «мусульманству» в Туркестанском крае. Это образованное в 1867 году генерал-губернаторство в начале XX века охватывало огромные пространства Средней Азии и юга Казахстана. Здесь проживала почти половина мусульман империи, что делало исламскую тематику особенно актуальной и значимой для данного региона. Как отмечалось выше, Туркестан обладал особым статусом, он подчинялся не МВД, а Военному министерству, генерал-губернатор края был одновременно командующим войсками Туркестанского военного округа³⁴. Структуры МВД в регионе были формально автономны, но все их чиновники и офицеры, равно как и другие местные служащие по иным министерствам и ведомствам (финансов, путей сообщения, народного просвещения и т.д.), должны были неуклонно выполнять распоряжения и указания начальника Туркестанского края, который являлся главным представителем монархии Романовых в Центральной Азии. Многочисленные документы о мусульманском движении в Туркестане начала XX столетия сосредоточены в Ташкенте в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан³⁵.

Главным по объему информации здесь является фонд И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора». В его первом и третьем отделениях сконцентрированы материалы по темам «Панисламизм и пантюркизм», «Антиправительственная деятельность мусульманского духовенства», «Народ-

³¹ Перегудова З.И. Политический сыск в России. С. 97.

³² Там же. С. 98.

³³ Выдающийся русский исламовед академик В.В. Бартольд оценивал панисламизм как «утопию политического объединения всего мусульманского мира в виде одного государства или союза государств» и относился к его идее как к «доктрине не столько религиозной, сколько политической, большей частью...средству для достижения вполне определенных политических целей» (Бартольд В.В. Панисламизм (1914 г.) // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 402).

³⁴ Масальский В.И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 343–344.

³⁵ Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР. Ташкент, 1948.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

ные восстания и волнения», «Туркестан и мусульманская фракция Государственной Думы»³⁶ и др. Общая оценка мусульманского движения в крае и отдельных его районах была аккумулирована в хранящихся в этом фонде «всеподданнейших» докладах и отчетах военных губернаторов областей начальникам края³⁷.

Ведущую роль в полицейской разработке мусульманского движения в Средней Азии начала XX века играло Туркестанское районное охранное отделение (фонд И-461). В 1907–1917 годах оно ведало политическим розыском в крае. Его деятельность распространялась на Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Семиречинскую, Закаспийскую и Ферганскую области, вассальные от России Бухару и Хиву. Ташкентской охранке были подчинены отделения железнодорожных жандармских управлений края. В фонде Туркестанского охранного отделения можно встретить материалы по самым различным вопросам мусульманского движения. Это такие сюжеты, как «Руководящие циркуляры МВД и генерал-губернатора Туркестана», «Политическая обстановка в мусульманской общине Туркестана», «Деятельность джадидов и сторонников новометодного движения», «Донесения о настроениях мусульман Бухары и Хивы, сопредельных мусульманских стран»³⁸ и др. Особый интерес вызывают представленные в этом

фонде месячные и иные формы отчетов о «панисламистском» движении в Средней Азии. Наряду со штатными чиновниками и служащими к разработке мусульманского движения царскими полицейскими службами края привлекались и внештатные эксперты, в частности известный туркестанский исламовед Н.П. Остроумов³⁹.

Немалое значение для исследователей мусульманского движения имеют материалы о положении дел в столице края – Ташкенте. Документы полицейского управления самым большим городом Средней Азии отложились сразу в трех фондах: «Полицейское управление русской части Ташкента» (фонд И-462), «Сыскное отделение русской части Ташкента» (фонд И-464), «Полицейское управление старой (туземной) части Ташкента» (фонд И-463). В этих архивных комплексах сосредоточено большое количество «первичного» материала, анализ которого раскрывает механику организации и проведения повседневного надзора над подозреваемыми в склонности к «панисламизму» и «пантюркизму».

В ЦГА РУ хранятся фонды различных полицейских учреждений ряда других областей и городов Русского Туркестана, где присутствует значительный объем сведений о мусульманском движении в крае⁴⁰. Ценность ташкентского

³⁶ Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. (Публ. Т.В. Котюковой) // Исторический архив. 2003. № 3. С. 126–137.

³⁷ Среди подобного рода материалов выделяется «всеподданнейший» доклад Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского «Ислам в Туркестане». Его современную публикацию см.: Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. С. 237–275. В связи с анализом доклада, как и исследованием других документов по «мусульманству» (записки, отчеты, справки и др.), встает вопрос об их авторстве. Как правило, руководство выступало в качестве заказчиков этих текстов, реально же их готовили исполнители: чиновники, эксперты и консультанты. Так, доклад Духовского, судя по всему, составил его чиновник «по особым поручениям», выдающийся знаток среднеазиатского ислама В.П. Наливкин. О В.П. Наливкине см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974. С. 247–258.

³⁸ Чиновники политической полиции тесно сотрудничали с работавшей по «заграничному мусульманству» военной разведкой штаба ТуркВО. Более подробно см.: РГВИА. Ф. 1396 «Штаб Туркестанского военного округа».

³⁹ Н.П. Остроумов был прекрасным знатоком мира среднеазиатского «мусульманства», его труды по этой тематике использовали и полицейские практики, и политики до В.И. Ленина включительно. См.: Алексеев И.И. Н.П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сборник Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).

⁴⁰ Напр., материалы Скобелевского (б. Новый Маргелан в Фергане, сейчас г. Фергана. – Д.А., Т.К.) городского полицейского управления (фонд И-465), фонды полицейских приставов Андижана (фонды И-590 и И-620), Джизака (фонд И-531) и др.

Д. Арапов, Т. Котюкова

архива во многом связана также с тем, что в нем отложились копии (или копии с копий) многих документов самого МВД, его ДДДИИ и ДП, которые в силу ряда причин пока не выявлены или просто недоступны исследователям, работающим в московских и петербургских архивах.

Деятельность центрального аппарата МВД и его местных структур по разработке мусульманского движения породила обширнейшую и многообразную делопроизводственную документацию. Попробуем охарактеризовать некоторые наиболее существенные ее виды.

Важнейшим источником являются «всеподданнейшие» ежегодные (или специальные) доклады и отчеты министра внутренних дел, генерал-губернаторов и губернаторов на «Высочайшее имя». Взаимоотношения царя с его высшими администраторами были стержнем всей системы управления в Российской империи. В этих документах нередко освещались ключевые вопросы мусульманского движения⁴¹.

Установки в решении «мусульманского дела» давались в циркулярах, которые исходили из центра за подписью главы МВД, директоров ДДДИИ и ДП или адресовались местными администраторами своим ближайшим подчиненным. Примером подобной региональной директивы является секретный циркуляр Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова военным губернаторам областей края, российскому политическому агенту в Бухаре [представителю царского МИДа при бухарском эмире. – Д.А., Т.К.] и начальнику Аму-Дарьинского отдела⁴², который был датирован 28 октября 1912 года. В этом документе

Самсонов указывал: «Последние события на Балканском полуострове, когда четыре христианских союзных государства своими победами потрясают Турецкую империю⁴³, и когда турецкий шейх-уль-ислам [старшее духовное лицо суннитов, проживавших в Османской империи. – Д.А., Т.К.] объявил “священную войну” (джихад) против неверных, стали известны в России. Миллионы мусульман, живущих вне пределов Турции, в том числе и в России, несомненно, живо сочувствуют несчастьям, постигшим армию султана, как духовного главу мусульманского мира. Многомиллионное туземное население наших среднеазиатских владений⁴⁴, по-видимому, тоже приносит известную дань такого сочувствия туркам, и при известной впечатлительности, некультурности и потому легковерности местного населения возможны известные активные выступления по этому поводу, например: сбор пожертвований на цели “священной войны”, пропаганда активной поддержки турок и т.п. Ввиду сего, прошу Ваше Превосходительство предписать чинам уездной администрации усилить свое влияние к настроению туземных масс, вызываемому последними событиями на Балканском полуострове и неотлагательно доложить о всяких проявлениях сочувствия местных мусульман к Турции, а равно ни под каким видом не допускать появления в крае турецких выходцев, пропагандирующих идеи джихада, и вообще усиленной помощи султану, как халифу. Имея же в виду ст[атью] 256 т. II Св[ода] Зак[онов] (Общ[ие] инстр[укции] генерал-губернаторам) считаю долгом просить Вас также обратить внимание – поскольк[у] это возможно, – и на настроение

⁴¹ В первую очередь здесь имеются в виду отчеты губернаторов территорий с заметным присутствием «магометанского элемента». Это были Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Уфимская губернии, регионы Кавказа и Туркестана.

⁴² Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области был образован в 1873 году, занимал земли по правому берегу Аму-Дарьи и почти всю дельту реки // Масальский В.И. Указ. соч. С. 748–749.

⁴³ Данный циркуляр составлялся во время первой Балканской войны (9 октября 1912 года – 30 мая 1913 года), когда Болгария, Греция, Сербия и Черногория воевали с Турцией.

⁴⁴ По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года, в Средней Азии проживало 6988640 мусульман.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

мусульман пограничных с областью районов, донося мне о всех наиболее выдающихся случаях и происшествиях, вызываемых теми или иными распоряжениями таможенных властей, пропагандою местного духовенства или приезжих эмиссаров из Турции и т.п. явлениях, связанных с войной на Балканах и объявленную "священной войной" против неверных»⁴⁵.

Серьезное значение для понимания осмысления властями империи «мусульманского дела» имеют журналы Особых совещаний – межведомственных или внутриведомственных обсуждений исламской тематики. Журналы представляют из себя ежедневные записи заседаний и высказанных на них мнений, а также итоговые протоколы и списки предлагаемых рекомендаций. Подобные Особые совещания по «мусульманству» неоднократно с «Высочайшего благоволения» собирались в 1905–1914 годах, рассматривали общие проблемы и частные стороны происходящих в мусульманской среде процессов⁴⁶.

Ценнейшим видом источников по «магометанству» являются записки. Подобные документы готовились и в столице, и на местах по определенной сложившейся схеме⁴⁷. Вначале руководитель ведомства или территории ставил перед своими подчиненными – непосредственными исполнителями задания – общую задачу их работы, определял свое видение ее политической и практической направленности. На стадии завершения их труда над тек-

стом он мог внести в него свои коррективы и уточнения. Структура подобной записки выстраивалась по устойчивому порядку: «Изложение дела», «Справка», «Закон», «Мнение». После завершения внутреннего согласования текста записки и окончательного утверждения ее руководителем составлялся и подписывался ее «беловой» экземпляр⁴⁸. Далее зарегистрированный в канцелярии и получивший свой «исходящий номер» документ копировался: текст переписывался от руки, в начале XX века мог перепечатываться на пишущей машинке или набирался и размножался типографским способом. В случае представления записки на «Высочайшее благоволение» по старинному обычаю мог изготавливаться ее особый «императорский» экземпляр, который «перебевали» от руки лучшие «царские писари» – рондисты⁴⁹.

Значительное место среди документов о мусульманском движении занимают разнообразные справки. Следует особо выделить датированную апрелем 1910 года первичную справку ДП, которая затем широко использовалась в работе полицейских структур империи⁵⁰. Этот документ вплоть до Февральской революции применялся и в Особом отделе, и в местных полицейских управлениях при подготовке различных служебных бумаг по «мусульманству». Его содержание, как правило, включалось в состав преамбулы в отредактированном с учетом «новаций» виде в отчеты, проекты и иные документы, «ходившие сверху

⁴⁵ ЦГА РУ Ф. И–462. Оп. 1. Д. 414. Л. 260. О правах турецких султанов-Османов на халифат см.: *Бартольд В.В.* Халиф и султан (1912 г.) // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1966. Т. VI.

⁴⁶ Публикацию данного вида документов см.: Журнал Особого совещания для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае (1910 г.) // Красный архив. 1929. Т. IV, V.

⁴⁷ О технологии составления записок и другой делопроизводственной документации см.: *Шепелов Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 47–55.

⁴⁸ По данному классическому образцу была составлена изданная недавно записка Военного министерства по «мусульманству». См.: Об учреждении штатного магометанского духовенства в войсках (1906 г.) (Публ. Д.Ю. Арапова) // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 73–74.

⁴⁹ Рондисты-писари, специалисты по переписке особо торжественных бумаг: манифестов, грамот, документов на «Высочайшее имя» и др. Такие бумаги переписывались от руки, почерком «рондо», без помарок и подчисток. См.: *Мосолов А.А.* При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 217.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел ДП. 1910 г. Оп. 240. Д. 74. Ч. 1. Л. 38–46об.

Д. Арапов, Т. Котюкова

вниз и снизу вверх» между МВД и его территориальными подразделениями⁵¹.

Нами приводится последний по времени исполнения в ДП текст данной справки, датированный 12 июля 1916 года: «Идея панисламизма впервые зародилась в Африке в восьмидесятых годах прошлого столетия, явившись следствием захвата европейцами африканской территории, и последователями нового учения была образована партия под названием “Иттигат-Исламие” т.е. лига “Единения мусульман”⁵². С этим периодом связывается вообще пробуждение мусульманства, двинувшегося по пути преобразования и принявшего вид социально-политического движения. Главным принципом, около которого оно сосредотачивается и который, так сказать, составляет душу его, – это объединение всего мусульманского мира под эгидой Турции, т.е. панисламизма, с конечной целью в будущем образования всетюркской республики. Другие принципы, как, например, поднятие религиозно-нравственного уровня мусульманской народной массы, распространение образования, достижение вероисповедной и политической свободы и проч. суть принципы второстепенные и имеют цену настолько, насколько они служат целям панисламизма.

Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали, ближайшей же задачей их является сплочение всех мусульман для политической борьбы с существующим в империи государственным строем, который в глазах панисламистов служит главным препятствием к национальному самоопределению мусульман. Увлеченные идеей создания религиозного единства, вдохновленные проповедники ислама горячо стали про-

пагандировать панисламизм, а выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты со своей стороны занялись изысканием племен, принадлежащих к одной с ними [тюркской. – Д.А., Т.К.] расе, в целях присоединения их к общей мусульманской федерации. Наряду с данной пропагандой возникла специальная панисламистская печать с тенденцией создать общий для всех мусульман тюркский язык, который, будучи понятен, как туркам, так и татарам, объединил бы собою все тюркские народности в одну великую нацию⁵³. Признавая школу одним из могучих средств распространения среди мусульманского населения идей панисламизма, последователи этого учения обратили все свое внимание на начальные училища (“mekteby”) и высшие школы (“medrese”), стремясь создать из них национальные учебные заведения без преподавания в таковых русского языка, где воспитанникам прививаются учителями (“мугаллимами”) идеи панисламизма, подготавливая кадры будущих проповедников и вместе с тем вселяется ненависть к правительству и всему русскому. Горячо ведя дело пропаганды, панисламисты образовали в некоторых местах империи отдельные союзы (“Ислах” и “Бреги”), имеющие в виду, главным образом, распространение среди мусульман революционных идей и подготовку лиц, вполне опытных в деле политической пропаганды. В этих же целях в конце 1909 года в г. Константинополе возникло общество под названием “Бухарское благотворительное общество распространения знаний”, поставившее себе задачей дать мусульманской молодежи Туркестана и Бухары разностороннее и проникнутое духом панисламизма образование с вну-

⁵¹ Например, она была использована при написании предисловия «Краткого отчета о настроении мусульманского населения Туркестанского края к октябрю 1914 г.» // ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел ДП. 1914 г. Оп. 244. Д. 74. Ч. 84. Л. 18–19об.

⁵² Имелись в виду предшествующие и настоящие важные события в жизни мусульманского мира: 1) восстание махдистов в Судане в 1881–1898 годах, возглавленное проповедником Мухаммадом-Ахмедом, который провозгласил себя «махди» (мусульманским мессией); 2) создание политической организации буржуазных революционеров (младотурок) «Единение и прогресс», которая в результате революции 1908–1909 годов пришла к власти в Османской империи, причем в целом равнодушные к религии младотурки стали использовать чисто в политических целях доктрину панисламизма.

⁵³ Здесь имелась в виду, в первую очередь, деятельность ведущего мусульманского публициста конца XIX – начала XX веков Исмаил-бека Гаспринского. Более подробно см.: Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. М., 2001.

Архивные материалы Министерства внутренних дел

шением им той мысли, что Константинополь – центр современного ислама, куда каждый мусульманин, где бы он не находился, должен иметь постоянное тяготение. Это фанатическое движение, разжигаемое мусульманским духовенством и всемерно поддерживаемое младотурецкими (среди суннитов) и младоперсидским (среди шиитов) комитетами, получило распространение среди мусульманских народностей, возбуждая в темных массах мусульманского населения враждебное отношение к русским и стремление к освобождению от власти России.

С возникновением войны между Россией и Австрией и Германией турецкое правительство, в связи с подготовлением со своей стороны к войне в союзе с центральными державами⁵⁴, было озабочено возбуждением против России племен, населяющих главным образом Кавказ и Туркестан, и с этой целью командировало туда турецких эмиссаров для пропаганды среди мусульманского населения идей панисламизма и священной войны с неверными. Под влиянием этой пропаганды среди некоторой части мусульман Кавказа и Туркестана стало замечаться стремление к оказанию в той или иной форме активной помощи Турции, в виде денежной помощи на военные нужды, а среди сартовского⁵⁵ населения Туркестана образовались тайные комитеты («моджахеддины»), занявшиеся агитацией за восстание против России и вошедшие в сношения с афганским правительством, подстрекая последнее к выступлению против

России и обещая в случае объявления войны свою помощь⁵⁶. Остальная часть мусульманского населения, хотя и сохранила внешнюю лояльность, тем не менее сочувственно относится к туркам и немцам и с интересом следит за действиями турецких и германских войск, в надежде, что Турецкая империя всемульманского халифата при содействии Германии, постепенно развивая свое могущество и свое международное значение, рано или поздно освободит их от христианского ига⁵⁷.

Особым видом документов о мусульманском движении являются донесения и отчеты «внутренних» осведомителей царского МВД. Наряду с рядовыми агентами в среде мусульман действовали и крупные, в своем роде незаурядные фигуры. Наиболее значительным среди них, несомненно, был персональный информатор Столыпина, журналист и публицист Магомет Хаджет-Лаше. Он сумел настолько понравиться главе правительства империи, что получил из его личного денежного фонда 15 тыс. рублей на издание «рептильных» мусульманских изданий – журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства»⁵⁸. Хаджет-Лаше сотрудничал с царской полицией и после убийства Столыпина в 1911 году. Так, во время Первой мировой войны, в 1916 году, появился его проект организации «мировой антинемецкой и антитурецкой пропаганды», причем Хаджет-Лаше был готов лично возглавить эту деятельность при условии получения им серьезных казенных денежных субсидий⁵⁹.

⁵⁴ В русской дипломатии еще до начала Первой мировой войны – название союзных Германии и Австро-Венгрии.

⁵⁵ В дореволюционной литературе – название оседлого туркоязычного населения Средней Азии.

⁵⁶ По сведениям военных и полицейских структур Туркестанского края, афганская агентура в начале XX века активнейше работала среди мусульманского населения Средней Азии, причем царские спецслужбы оценивали подобную деятельность афганцев как гораздо более эффективную, чем деятельность турецких эмиссаров. См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел ДП. 1910 год. Оп. 240. Д. 74. Ч. 2. Л. 131об.–132.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 10. Особый отдел ДП. 1916 год. Оп. 246. Д. 74. Л. 81–83. Издание ее более раннего варианта за декабрь 1910 года см.: Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 году (Публ. Д.Ю. Арапова) // Сборник Русского Исторического общества. Т. 5 (153). С. 130–132.

⁵⁸ О редакторе «Мусульманина» Магомет-Беке Хаджет-Лаше // ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел ДП. 1913 год. Оп. 243. Д. 194.

⁵⁹ «Идет неуловимая пока работа политического перевоспитания мусульман». Департамент полиции о мусульманах в последний год монархии Романовых (Публ. Д.Ю. Арапова) // Источник. 2002. № 4. С. 52–54.

Д. Арапов, Т. Котюкова

В последние годы исследовательнице из Нальчика Р.Х. Хашхожевой удалось достаточно убедительно доказать, что под псевдонимом «Магомет Хаджет-Лаше» скрывался кабардинский писатель Кази-Бек (Юрий) Ахметуков⁶⁰. Однако ее попытки, как и стремление ряда других местных авторов, всячески «обелить» деятельность Хаджет-Лаше представляются недостаточно убедительными. Ренегат в вере (мусульманин, перешедший в православие), Кази-Бек-Юрий-Магомет был, несомненно, одаренным литератором и по-своему незаурядной личностью. Все же добровольное (!) сотрудничество с царской политической полицией, затем с императорской военной контрразведкой, предполагаемая работа на советские спецслужбы, на наш взгляд, свидетельствуют не о «романтической мечтательности» этого деятеля, а лишь о его потрясающей способности мимикрировать и приспосабливаться к меняющимся условиям русского бытия начала XX века. Авантюрист в политике и в жизни, Хаджет-Лаше вел себя крайне бесцеремонно по отношению к выдающимся представителям российской науки⁶¹. Следует также отметить, что блестящий знаток отечественного провокаторства В.Л. Бурцев еще до 1917 года стал подозревать Хаджет-Лаше в ведении «двойной игры»⁶².

Ценными источниками по «мусульманству» начала XX века являются донесения заграничной агентуры ДП. К сожалению, вне поля внимания исследователей пока остается деятельность бюро, заведовавшего заграничной агентурой ДП в Турции⁶³. Среди комплекса документов данной резидентуры особый интерес имеют материалы о поли-

тике руководства Турции по отношению к движению мусульман России.

Большое место в переписке чинов царской администрации по исламистской тематике занимают информационные письма. Образцом такого рода текста является секретное письмо начальника Туркестанского районного охранного отделения военному губернатору Сыр-Дарьинской области генералу А.С. Галкину, датированное 30 апреля 1912 года: «В настоящее время мусульманским комитетом из Тифлиса рассылаются печатные прокламации на турецком языке, направленные против России и призывающие мусульман объединиться и кровью защитить ислам, дабы не дать христианам восторжествовать и уничтожить мусульманство. Придавая особое значение этим воззваниям, стремящимся взволновать населяющие Туркестанский край мусульманские народности, прошу распоряжения о принятии подведомственными Вам административными лицами самых действенных мер к воспрепятствованию распространения подобных воззваний и к тщательному наблюдению за настроением мусульманского населения. В случаях обнаружения воззваний, а также при малейших признаках брожения среди мусульман прошу не отказать предписать чинам полиции немедленно поставлять меня в известность, по возможности телеграммами»⁶⁴.

В архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента отложились уставы и проекты мусульманских съездов и организаций, экземпляры (и вырезки) мусульманских газет и журналов. Особое значение среди последних чиновники царского МВД придавали бахчисарай-

⁶⁰ Хашхожева Р.Х. Одиссея Кази-Бека Ахметукова // Литературная Кабардино-Балкария. 2001. № 1.

⁶¹ В истории востоковедения известен злобный выпад Хаджет-Лаше в 1912 году против выдающегося русского исламоведа, академика В.В. Бартольда. См.: СПФАРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 162.

⁶² Дело по обвинению в провокаторстве Магомета-Бека Хаджет-Лаше, журналиста и редактора магометанских газет, издававшихся в Париже и Петербурге (1913) // ГАРФ. Ф. 5802 «В.Л. Бурцев». Оп. 2. Д. 456; Хашхожева Р.Х. Указ. соч. С. 170–171.

⁶³ ГАРФ. Ф. 529с. «Бюро заведующего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе». Вышеупомянутый Хаджет-Лаше действовал как осведомитель ДП и внутри России, и за ее пределами (комбинированная агентура).

⁶⁴ ЦГА РУ. Ф. И-462. Оп. 1. Д. 413. Л. 252. Как отмечалось выше в тексте, тифлиссский «мусульманский комитет» был лишь «полицейским фантомом».

Архивные материалы Министерства внутренних дел

ской газете «Терджимен», выпускаемой Исмаил-беем Гаспринским. Это издание во властных структурах империи оценивалось как «главный орган панисламизма в России»⁶⁵.

Наконец, МВД накапливало содержимое т.н. «черного кабинета», т.е. материалы перлюстрации переписки мусульман⁶⁶. Тогда вскрывались и читались письма всех: и леворадикально настроенных интеллигентов, и высокопоставленных консерваторов – представителей светской исламской элиты России⁶⁷.

Каков же итог всей этой многообразной бюрократически-бумажной деятельности чиновников царского МВД по разработке мусульманского движения?

Любопытно, что одна из первых оценок эффективности «мусульманского» направления в трудах царского МВД прозвучала в записке его непосредственного разработчика и, несомненно, лучшего знатока проблемы. Вскоре после Февральской революции С.Г. Рыбаков, стараясь всячески дистанцироваться от политики старой власти, попытался в апреле 1917 года проанализировать политику имперского МВД по «мусульманству». Он писал: «Панисламизм и пантюркизм как учения, имеющие целью объединение не только мусульман России, но и других стран, т.е. выделение русскоподданных мусульман из состава русского государства... слабо выражены в России и в этом смысле не представляют опасности для государства. Но администраторы не разбирались в этом и, подводя всякого рода идейные течения

среди мусульман, в том числе новометодное [т.е. культурно-просветительное. – Д.А., Т.К.] движение, под рубрику панисламизма, предъявляли к ним наиболее тяжелое обвинение в стремлении к сепаратизму, отделению от русского государства. Но такое обвинение не основано на действительных фактах. Русские мусульмане не давали поводов к обвинению их в наклонности к сепаратизму...»⁶⁸

Тем не менее, несмотря на все объективные и субъективные недостатки содержания материалов царского МВД, они остаются важнейшим, во многом незаменимым сводом информации по истории мусульман и мусульманского движения. Освоение комплексов этих архивных документов является первоочередной задачей тех исследователей, которые хотят изучать жизнь «мусульманского мира в России».

Полные названия архивов

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи, Москва
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва
 РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
 СПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург
 ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан, Ташкент

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел ДП. 1913 год. Оп. 243. Д. 74. Ч. 1. Л. 6.

⁶⁶ О деятельности данной структуры МВД более подробно см.: *Измозик В.* «Черные кабинеты» в России (XVIII – начала XX веков) // Жандармы России. М., 2002.

⁶⁷ Например, в 1906 году было перехвачено и скопировано частное письмо генерала от кавалерии Султан-Чингис-хана. См.: *Арапов Д.Ю.* Генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» // Родина. 2004. № 2. С. 72.

⁶⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 567. Л. 14–14об. Издание извлечений из этой записки см.: «На почве общей для них религии – ислама». С.Г. Рыбаков о мусульманском движении в России (Публ. Д.Ю. Арапова) // Источник. 2003. № 4.

Россия и Америка: социокультурные связи и влияния

*Денис Викторович Драгунский,
научный руководитель ИНП
«Общественный договор»,
главный редактор журнала мировой
политики «Космополис»*

Идентичность после конфронтации: поиски Другого в униполярном мире

Любовь и ненависть

Начнем с примера. На форуме сайта www.civitas.ru было две ветки. «Реформа ЖКХ» и «Почему русские не любят Америку». Разумеется, первая ветка скончалась, едва набрав сотню высказываний; вторая же набрала свыше 10 тыс. посланий. Оказывается, проблема выживания в условиях жесткой реформы социального обеспечения для русских (по крайней мере, для активных пользователей Интернета) психологически менее актуальна, чем отношение к далекой заморской державе. Америка остается вечной темой российского политического сознания. Над Америкой смеются, Америку ненавидят, в Америке видят источник зол и опасностей, Америке желают поражения – военного, экономического, морального. Эти чувства особенно обострились в последнее десятилетие, когда стало ясно, что мир на сегодняшний день является отчетливо униполярным. Однако настойчивая ненависть – это неосознанное или плохо артикулированное тяготение.

В многообразных взаимоотношениях России и Америки существует глубокий и весьма важный пласт, который можно назвать «идентификационным симбиозом». Обе страны являются друг для друга образом Другого Мира, относительно которого выстраивается собственная национальная (прежде всего ценностная) идентичность.

Центром национальной мифологии является образ себя, своей страны, своей культуры, своего уникального исто-

рического пути и т.п. Однако этот образ может существовать только в рамках противопоставления другому национальному мифу.

Образ Америки обладает особой важностью для России – российская самобытность «отстраивается» относительно некоторых специфических американских черт. Оппозиция «Россия – Америка» предрешена геостратегически. Страны – главные военно-политические противники, «морская», «атлантическая» держава против «континентальной», «евразийской». Русские считают, что Америка надежно защищена двумя океанами, в то время как Россия открыта с запада, юга и востока для классической сухопутной агрессии (это чувство особенно обострилось в связи с расширением НАТО и ЕС, отсутствием границы с Казахстаном, слабостью границы с Китаем). Однако и американцы переживают подобные чувства – меняется только географический ракурс. Генри Киссинджер в «Дипломатии» пишет, что Америка – это остров, зажатый между берегами гигантской Евразии.

Оппозиция предрешена и культурно – Третий Рим против Нового Израиля, традиция против «Selfmadenation». Санкт-Петербург (Град св. Петра) – это тот же Третий Рим, но в европеизированном обличье. Кстати, Россия тоже (что интересно, с XVII века, с реформ Никона, которые по времени совпали с эпохой первых поселенцев в Америке) считала себя Новым Израилем. Избранничество и мессианизм свойственны обоим нациям.

Точки идентификаций

Взгляд с российской стороны позволяет выделить следующие точки идентификаций. Америка – страна настолько далекая, что иногда репрезентирует «тот свет», некий абсолют «чуждости». Герой Достоевского, собираясь покончить с собой, говорит случайному свидетелю: «а если будут спрашивать, скажи: в Америку поехал». Америка – страна свободы (Радищев). Америка – страна «странная», нетрадиционная, где, на-

пример, женщинам дают призы за красоту (Чехов). Америка – страна «желтого дьявола», царство денег (Горький). Страна мещан и пошляков, «железный Миргород» (Есенин). Русские идентифицируют себя как нацию политически несвободную, традиционную, бескорыстную и духовную.

Взаимные упреки

Показательно отношение к истории друг друга. Русские (вместе с Европой) считают Америку «нацией без истории», искусственно созданной страной («Америка – это ошибка», З. Фрейд). Это совершенно несправедливо. Вряд ли какая-нибудь ныне существующая страна может похвастаться столь длительной непрерывностью политической истории – как минимум два с четвертью века. Тот же Фрейд (1856–1939), не выезжая из Вены, жил поочередно в Австрийской империи, в Австро-Венгрии, в Цислайтании, в Австрийской республике и в имперской области Остмарк. Далее Вена была 10 лет в зоне союзнической оккупации, и лишь в 1955 году была учреждена Австрийская республика в ее нынешних политических очертаниях. За сто лет – семь различных государственных состояний. В XIX и особенно в XX веке европейцы (включая русских) то и дело начинали свою историю с чистого листа; проблема исторической преемственности является весьма сложной и политически тревожащей. Меж тем в Америке правит 43-й президент. Поэтому упрек в «искусственности», «неисторичности» Америки, скорее всего, является бессознательной проекцией европейских и российских тревог по поводу собственной истории, почвы, традиций.

Американцы же считают Россию (современную) страной «осуществленной утопии» (Мартин Малиа), то есть возвращают упрек.

При этом признается, что у обеих наций есть и общие черты как база для компромисса, примирения и сотрудничества: бескрайние просторы, удаль,

Д. Драгунский

размах, почти синхронный отказ от рабовладения, история взаимопомощи. И самое главное – есть общий враг.

Граница и контейнер.

Рай и ад

Отсутствующая на карте, но существующая в мировой политике граница между СССР и Америкой была экстремальным выражением границы между европейским Западом и европейским Востоком, Атлантикой и Евразией.

Эта граница определяла идентичность наций и людей по обе ее стороны. За линию границы символически выбрасывалось все дурное, что находилось «по эту сторону»: капитализм выбрасывал свою трудовую рутину, превращая ее в «коммунистическую тоталитарность», коммунизм – свою нищету, говоря о «бедственном положении трудящихся в странах капитала». Сообществу – как и отдельному человеку – нужен своего рода контейнер, куда он выкидывает все, чем он недоволен в себе, чтобы приписать это Другому. И – то же самое – помещает туда же, только в другое, райское, так сказать, отделение этого контейнера – свои неисполнившиеся мечты. Западные диссиденты (левые) видели в Советском Союзе воплощение реального равенства, видели грандиозный полигон, на котором обкатывались самые смелые социальные проекты. Советские диссиденты (и просто недовольные жизнью люди) мечтали о «западных стандартах» в политике, экономике и особенно в повседневной жизни.

Без стены

Довольно скоро после разрушения формальной границы между Востоком и Западом (символом чего стало разрушение Берлинской стены) люди испытали сильнейший шок. Оказалось, что мы все – и «атлантический», и «евразийский» регионы – живем в одном мире, общем для всех европейцев. И что социализм и капитализм – две попытки осуществить одну и ту же индустриаль-

но-националистическую утопию, замешанную на изоляционизме (или, как минимум, на тенденции отфильтровать чуждые влияния). «Два пути к одному обрыву», как в свое время выразился Шафаревич. Проблема национальной (и шире – цивилизационной) идентичности Запада и России стала особо актуальной, поскольку военно-политическое противостояние завершилось, но зато у жителей обнаружили сходные человеческие черты. Согласно Фредрику Барту, наличие границы обуславливает появление культурных различий, а не наоборот. Снятие границы вызывает необходимость реорганизовать систему этих различий, а также искать новую границу.

Проекция

Как мы уже отмечали, до начала 1990-х национальная и даже цивилизационная идентификация СССР и Европы-Америки осуществлялась путем приписывания негативного (или идеального) противостоящему военно-политическому блоку. После падения Берлинской стены надо было искать подходящие контейнеры где-то в другом месте.

Американцы и европейцы (включая русских) стали приписывать этническим меньшинствам, и прежде всего иммигрантам, особенно представителям Юга, свою собственную нечистоплотность, лень, жуликоватость. Разумеется, не каждый иммигрант является образцом опрятности, трудолюбия и честности. Повод может быть реален – но масштаб приписывания превосходит реальность, и не в реальности дело, а в собственной идентификации как чистого, честного и трудолюбивого. И точно так же активизировались своего рода «диссиденты», которые, напротив, утверждают, что культура и мораль иммигрантов может стать примером для страны-реципиента, что иммигранты имеют право на сохранение и развитие собственной этнокультурной идентичности, и страна-реципиент должна приложить максимум усилий для обеспечения этого права.

Таким образом, ксенофобия и политкорректность стали инструментами создания новой (постблоковой) идентичности.

Терроризм

Международный терроризм как идентификационный миф закономерно возник после окончания военно-политической конфронтации между Америкой и Россией. Ассоциируясь с Востоком и Югом, международный терроризм позволяет сконструировать образ Другого, который не только грязен и нечестен, но и безмерно жесток, бесчеловечен и подл. Этот образ не только пугает, но и заставляет сплотиться страны, которые ранее были по разные стороны американо-российской баррикады, заставляет народы сплотиться вокруг своих правительств и простить им нарушения демократических прав и свобод. Этот образ дает индульгенцию на собственную жестокость по отношению к чужакам.

Надо отметить, что есть существенная разница между терроризмом как деятельностью террористических организаций и терроризмом как инструментом политической мобилизации.

Попытки точно определить, чем является терроризм как таковой, пока успеха не принесли. Политологические определения («мотивированное насилие с политическими целями» или «суррогатная война») остаются слишком общими. Юридические же определения страдают излишней дробностью. Например, статья 205 УК РФ или статья 3 Федерального закона РФ «О борьбе с терроризмом» представляют собой набор преступных деяний, за каждое из которых полагается соответствующее уголовное наказание по другим статьям. Российское законодательство различает терроризм (ст. 205 УК РФ) и террористический акт, то есть посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 227 УК РФ). Взрывы и поджоги являются терроризмом, если они совершены в целях устрашения населения и давления на органы

власти. Если же взрывы и поджоги совершены в целях подрыва экономической безопасности или обороноспособности страны – то это диверсия (ст. 281 УК РФ). Таким образом, терроризм определяется через умысел сеять страх и диктовать государству свою волю. Именно этот умысел и делает, например, поджигателя террористом (а не диверсантом или злостным хулиганом). Итак, терроризм – это то, что делают террористы. Террористы, в свою очередь, – люди, которые принадлежат к террористической организации. То есть к организации, которая сама идентифицирует себя как таковая.

Террористические организации – это весьма широкая и многообразная реальность. Но «международный терроризм» – это реальность особого рода, еще более широкая и всеобъемлющая. Между этими реальностями, разумеется, есть связь. Но она примерно такая же, как связь между базами НАТО и «мировым империализмом», между Западной группой войск и «коммунистической угрозой». Вторая реальность существует скорее в массовом политическом воображении. Когда-то восприятие политической действительности структурировалось по оси «клерикализм – просвещение». Потом – «реакция – прогресс». Далее – «тоталитаризм – демократия». Теперь настала очередь оси «терроризм – безопасность». Негативная составляющая предыдущих осей загружается в следующие. Реакция подразумевает клерикализм, тоталитаризм реакционен, и если не клерикален впрямую, то исполнен квазирелигиозного мракобесия. Терроризм, разумеется, и тоталитарен (поскольку там действуют леваки-троцкисты), и мракобесно-клерикален (поскольку ассоциируется с религиозным фундаментализмом).

Отражение

Но в том мире, где якобы правит бал «международный терроризм», возникает схожая ситуация: все дурное проеци-

Д. Драгунский

руется на развитые демократические страны. Отношения становятся симметричными. Терроризм в равной степени мобилизует и Север, и Юг, и христианский, и исламский культурные ареалы, а также воинствующее меньшинство и лояльное большинство в отдельных странах.

Конкурс проектов и следующий шаг

В годы, предшествующие Второй мировой войне, мировое сообщество было осведомлено не только о взаимных претензиях демократического Запада, коммунистического СССР и нацистской Германии, но и об их «позитивных программах». Демократический, коммунистический и нацистский проекты существовали в тысячах книг, статей, речей, фильмов. Были подробно (пусть не всегда откровенно) описаны и представлены планы политических, экономических и социальных преобразований, которые вынашивала каждая из сторон. Это знание не помогло предотвратить войну. Но оно помогло победить и особенно помогло избавляться от наследия нацизма. И позже, в эпоху «холодной войны», стороны также были осведомлены об идеалах, ценностях и конкретных планах друг друга. Диалог помог

удержать противостояние на грани допустимого.

Сегодня нам – то есть России, Европе и Америке – совершенно неясно, что представляет собой «другой» проект, носителем и как бы «немым глашатаем» которого выступает международный терроризм. Впрочем, об универсальном демократическом проекте тоже пока нечего сказать, если только не сводить его к борьбе с международным терроризмом. Диалог с противником необходим. Молчаливая обоюдная мобилизация исчерпала себя. Нужно знать ценности и цели тех, кого мы называем международными террористами. Это позволит нам уточнить свои собственные планы и сохранить базовые демократические принципы.

На повестке дня – формирование неконфронтационной идентичности. Нация (группа наций или даже цивилизация) должна ощущать себя хорошей не потому, что противостоящая ей нация (идеология, культура, религия) плоха, а потому что она способна на диалог и сотрудничество. Российско-американский опыт выхода из конфронтации трудно назвать полностью позитивным. То, что конфронтация закончилась, – разумеется, хорошо. Но не следует ограничиваться поиском и фиксацией нового глобального врага.

Трансформация университетов в условиях глобального рынка

Эпоха глобализации весьма зримо воздействует на высшее образование во всех странах мира, и в этом отношении Россия отнюдь не является исключением. Причем речь идет не только и не столько о самоочевидных последствиях процессов глобализации, сколько об изменении самой внутренней *парадигмы* университетского образования, то есть о возникновении в высшей школе новых образцов, норм, ориентиров и мотиваций.

ИЗМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗНАНИЯ

Изменения базовых парадигм восприятия мира, связанные с процессами глобализации (преобладание перманентных изменений над состоянием стабильности, индивидуализация единого исторического времени, своего рода сокращение географических пространств, новые типы взаимодействия локальных и глобальных практик, возникновение горизонтальных сетевых структур, виртуализация многих сфер жизни, гибридизация культурных феноменов и др.), привели к формированию концепции знания, существенно отличной от предшествующей. При более детальном рассмотрении это позволяет говорить о кристаллизации нового «идеального типа» (в смысле Вебера) университетского образования, преобразующего все составные компоненты университетской структуры и превращающего университет в нечто иное в сравнении с тем, что мы хорошо знаем из прошлого.

Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира

Никита Евгеньевич Покровский,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей социологии
Государственного университета –
Высшей школы экономики,
Former Fulbright Scholar

Н. Покровский

и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие «полезного знания» (*useful knowledge*), то есть знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду.

Это приводит к «перенастройке» основных параметров и всей системы университетского образования, а также влечет за собой развенчание образа ученых (равно как и преподавателей) как людей, приобщенных к недоступным другим истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений. Отныне университет – это не храм науки, а *market place* в самом широком смысле этого понятия.

Вступление университетов в эпоху глобализации способствовало возникновению разнообразных виртуальных форм знания и образования, противостоящих фундаментальности в традиционном смысле этого слова. Доминирование хорошо обоснованных теорий исчезает, уступая место искусственно гибридируемым форматам практических навыков и технологий с ограниченной зоной социальной ответственности. Подобные гибриды – яркие по форме, привлекательные, хорошо упакованные – легко разрушаются, распадаются на составные части, но зато столь же быстро возникают в новой конфигурации.

На фоне этого фундаментальные знания вытесняются на периферию, приобретают, если угодно, эзотерический характер, представляя интерес для немногих и, соответственно, обслуживая их интересы.

УНИВЕРСИТЕТ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ

В течение многих веков университетское образование воспринималось как известного рода священнодействие. И хотя во все времена университеты развивались

и в экономическом отношении, но просветительская задача распространения разумного, доброго, вечного превалировала над всем остальным. Экономическая сторона университетской жизни в основном сводилась к достойному поддержанию инфраструктуры и деятельности профессуры. Ныне мы наблюдаем несколько иную картину. Практически во всех западных странах университеты, лишившись своей исключительной роли, находятся под подозрением. Государство и общество априорно подозревает их в том, что университеты несправедливо и незаконно тратят общественные средства, обучают *не так*, воспитывают не в нужной системе норм и ценностей, способствуют растрате общественных средств и т.д. В качестве универсального средства предлагается снять с университетов особый статус и приравнять их к любым иным субъектам рыночных отношений по принципу: *то, что не продается, просто не производится*.

Скажем, в США все без исключения (государственные и частные) учебные заведения выступают самостоятельными игроками на рынке образовательных услуг. Государственная финансовая поддержка даже государственных вузов (как на федеральном уровне, так и на уровне штатов) покрывает не более 30% всех расходов. Оставшиеся средства должны быть в любом случае мобилизованы из других источников. Это принципиально меняет природу высшего образования. Отныне оно становится *предпринимательством* со всеми вытекающими последствиями. Альтернативой может стать только самоуничтожение вуза точно так же, как это происходит с любыми другими игроками на рынке.

Эти внешние макроизменения немедленно сказываются и на внутренней структуре университетов, и на характере их образовательной деятельности. Университеты под воздействием внешних факторов преобразуются в экономические *корпорации*, которые управляют как корпорации, но корпорации особого рода – связанные с производст-

Трансформация университетов в условиях глобального рынка

вом и распространением знаний. Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам *конкурентоспособности и доходности*. И хотя эти принципы, применяемые к управлению университетами, не во всем звучат так же жестко, как в традиционных корпорациях, но от этого суть не меняется. Ссылки на то, что образование – это принципиально иная форма деятельности, где не все определяется прямой экономической выгодой, не имеют последствий.

В широком смысле слова университеты рассматривают корпорации как образец для творческого подражания. Даже в обиходной речи в университетском лексиконе все чаще встречаются такие выражения, как «корпоратизация» (*corporatization*), «академическое/научное предпринимательство» (*academic entrepreneurialism*), «студенты как клиенты» (*students as clients*).

Это, в свою очередь, влечет за собой превращение финансирования и построения бюджета в главный рычаг управления всей структурой. Внутренний финансовый контроль и аудит во всех звеньях университетского технологического «производства» становятся повседневностью. Приходит и такое понятие, как тотальное управление качеством учебного процесса (*total quality management, TQM*). Эта стратегия имеет своей целью охватить все без исключения клетки университетской структуры, добиваясь от каждой из них самой высокой эффективности.

Факультеты, лаборатории, научные центры и даже отдельные профессора рассматриваются теперь под углом зрения того, сколько «доходоприносящих» студентов они смогли привлечь, столько внешних грантов и дотаций они «внесли в общую копилку», каков их вклад в бренд университета на рынке образовательных услуг. Все сказанное сполна касается и традиционно гуманитарных, «чистых» областей знания. Американские авторы, в частности Джон Стур (John Stuhr), ссылаются как на почти

официальное понятие, имеющее широкое хождение, на *Humanities, Inc.*, что означает гуманитарные дисциплины, инкорпорированные в рынок знаний.

Это существенно меняет и стратификацию в среде преподавателей. Бесспорными лидерами в университетских сообществах становятся те из них, кто *любыми способами* (иногда далекими от академических) привлекает массы студентов, мобилизует грантовую поддержку со стороны фондов и частных доноров, а также постоянно работает над своим личным брендом на внешнем рынке, включая престижные премии, шумные публикации, связь со средствами массовой информации и пр. В рамках университета выживает тот, кто не только может произвести новое знание, но и обладает способностями выгодно его реализовать на рынке. В этом смысле предполагается, что каждый преподаватель должен иметь *хотя бы минимальные таланты* и в области менеджмента. Чисто академическая стратификация по-прежнему имеет значение, но она ни в коей мере не может быть альтернативой тенденции к повышению роли предпринимательских дарований.

Обнаруживают себя и новые роли студентов (магистров, аспирантов). Теперь они выступают в качестве *клиентов* корпорации, *покупателей* на рынке образовательных услуг, предлагаемых университетом. И хотя известные дисциплинарные ограничения в отношении студенчества по-прежнему существуют, но по всем позициям изменился статус студентов. Корпорация оказывается как никогда зависимой от своих клиентов – от их запросов, желаний, жизненных целей и даже капризов. «Покупатель всегда прав!» – эта старая истина, пришедшая к нам из мира торговли, явственно заявляет о себе и в корпоративных университетах.

Поэтому и от профессуры, и от управляющих требуется овладение «мягкими» технологиями и бесконфликтность в отношениях со студентами-клиентами. Любые проблематические ситуации,

Н. Покровский

возникающие в учебном процессе, заведомо будут разрешаться в пользу студентов по принципу «Надо делать так, чтобы конфликт не возникал вообще». Да и сам учебный процесс ныне подразумевает новые потребительские качества – полуразвлекательный характер, доступность и легкую усваиваемость сложных вопросов, создание у клиентов приятного чувства полноты полученного знания, упакованность в красивые формы (игровые методы преподавания, мультимедийность и пр.).

Это особенно проявляет себя на уровне бакалавриата, т.н. общего образования (*general education*), несколько сокращаясь в магистратуре и аспирантуре, но в целом оставаясь неизменным принципом построения нового университета. Исключение студента рассматривается как чрезвычайное обстоятельство со всеми вытекающими последствиями. Это потеря клиента. В случае, если студент по тем или иным причинам не справляется с учебными программами, ему подыскивается щадящий режим работы, облегченная программа, персональное сопровождение со стороны преподавателя и т.д., но студент удерживается всеми доступными способами, чему способствуют и многочисленные промежуточные образовательные форматы.

Но все это происходит не за счет снижения общего уровня требований и несоблюдения образовательного стандарта. Качество образовательных услуг поддерживается на абсолютно высоком уровне, хотя, быть может, и иными средствами – прежде всего за счет динамичности учебного процесса и наличия многообразных форматов получения знания.

Университет-корпорация максимально вовлекает в свою деятельность все ресурсы расширения клиентуры. Помимо виртуозно отлаженной системы привлечения поступающих и «работы» с их родителями, университет уделяет большое внимание контактам с теми студентами, которые по тем или иным причи-

нам покинули университет, но могли бы вновь включиться в его программы для получения итоговой степени. Для таких студентов (*drop-outs*) организуется целая система скидок, подбирается удобное время занятий и пр. Всемерно поощряются и т.н. «нетрадиционные студенты» (*non-traditional students*) – чаще всего пенсионеры, решившие расширить свой кругозор в той или иной науке, но без сдачи экзаменов и получения степени. В заметной части университетов США доля нетрадиционных студентов постоянно возрастает.

Вообще говоря, традиционные и строгие форматы преподавания (лекция, семинар, дипломная работа, получение степени и пр.) трансформируются в широкие и, как их характеризует современная социология, «перетекающие формы» (*liquid forms*). Это весьма неопределенные рамки того, кого можно считать студентом; самые различные формы обучения, соединяемые вместе, в одной программе; предоставление университетом широкого спектра услуг обществу и многое другое. «Каждый может быть любым» – этот тезис современного общества в полной мере проявляет себя и в сфере высшего образования.

Ныне университеты и колледжи управляют настоящими менеджерами, хотя и обладающими академическими степенями и званиями, но профессионально выступающими в совершенно иной роли. *Дух менеджериализма* пронизывает все звенья высшего образования. С одной стороны, это приводит к большим потерям в областях знания, не имеющего прямой рыночной оборачиваемости. А с другой – академические круги университетов, по всей видимости, воспринимают новое положение дел как данность, которую нельзя изменить, но в которой можно попытаться найти свою интеллектуальную нишу.

Университет как корпорация стремится задействовать ресурс связи с местными сообществами, называя это «служением обществу». Как бы ни был

Трансформация университетов в условиях глобального рынка

грандиозен университет, стремление решать местные проблемы и быть любимым местными жителями весьма важно (принцип обратного воздействия локального на глобальное). И это стремление – не просто благое пожелание. Оно вполне прагматично. Местные сообщества, обладающие разветвленной сетевой структурой, могут стать либо важным союзником университета во всех его начинаниях, либо (в случае конфликта) его значимым противником.

ПРИЗНАКИ ИЗМЕНЕНИЙ

Корпоративная природа нового образования заявляет о себе не только в общих вопросах управления университетами, но и в деле формирования конкретных учебных программ и воздействия на учебный процесс.

Междисциплинарность. *Multidisciplinary* и *Interdisciplinary* – вот два самых популярных понятия, циркулирующих в университетах. Они (особенно последнее) означают, что практически ни один традиционный предмет преподавания, традиционная специальность или область знания в чистом виде никого не устраивают, и прежде всего студентов. Постоянно и в большом числе требуются новые *составные* образовательные продукты, *гибриды*, которые в любой комбинации будут содержать компонент бизнес-образования и менеджмента.

Скажем, мало кого устраивает традиционная фундаментальная социология. Она не собирает необходимого числа специализирующихся студентов. Весьма ограничены возможности применения чисто социологического знания по окончании вуза. Социологические факультеты, например в Дюкском университете – одном из ведущих частных университетов США, уже не могут конкурировать с другими факультетами по числу привлеченных студентов и объемам внешнего внебюджетного финансирования. Поэтому в этом университете традиционная факультетская структура нашла свое спасение в открытии обще-

университетской и межфакультетской программы «Организации и мировая конкуренция». В этой весьма успешной программе традиционные дисциплины фундаментальной социологии существенно трансформировались (и прежде всего в своих названиях) в предметы, более привлекательные для студентов и обеспечивающие им будущую работу. Многие естественнонаучные, инженерные и медицинские специальности отныне соединяются с конкретными обществоведческими специальностями в рамках единых образовательных программ с последующим присуждением степени.

Не исключается, что в скорой перспективе факультеты (а в России и кафедры) как самостоятельные структурные единицы начнут отмирать, уступая место динамичным междисциплинарным программам, открывающимся и закрывающимся в соответствии с запросами внешнего рынка и опирающимся на подвижный состав профессоров, привлекаемых на договорной основе. В целом университеты в современных условиях всемерно снимают с себя груз гарантий и обязательств перед штатным составом профессоров, приглашая профессуру к участию во временных междисциплинарных программах (часто весьма успешных в экономическом отношении, но заведомо временных), где все зависит от рыночной эффективности этих программ при минимуме ответственности администрации за возможный неуспех в будущем.

Это требует и нового типа профессора – умеющего легко перенастраивать свое преподавание, специалиста в нескольких смежных областях знания, находящего контакт с любой аудиторией вне зависимости от уровня ее подготовки, владеющего мультимедийными технологиями и полностью интегрированного в Интернет.

Переподготовка преподавательского состава. Тенденции к междисциплинарности, динамичности, рыночной ориентированности вступают в конфликт

Н. Покровский

с традиционными ценностями преподавания в университетах. А поскольку успехи университета-корпорации в большой степени зависят от качественного состава преподавателей, то университеты в спешном порядке и не жалея средств организуют программы переподготовки преподавателей по наиболее привлекательным направлениям. Фактически развертывается тотальная система «переобучения обучающихся» (*re-education of educators*). Ее призваны поддерживать и открывающиеся новые центры методики преподавания, технической поддержки образования и пр. Это императив, связанный с превращением университета в современную корпорацию. Причем лидирующие университеты стремятся захватить рынок этих услуг в национальном и даже международном масштабе.

Снижение значимости системной фундаментальности и поиски экзотики. Все в меньшей степени фундаментальное знание (прежде всего в гуманитарных и социально-экономических дисциплинах) сохраняет свою привлекательность для студентов и университетских структур.

Его место постепенно занимает знание экзотическое, то есть ориентированное на необычность, неповторимость, уникальность и при этом раскрывающее свои новые потребительские качества на рынке профессий. На поиски новых комбинаций и междисциплинарного синтеза направлены усилия руководителей академических программ. В известной мере сами фундаментальные знания, прежде всего в области социально-экономических наук, тоже приобретают экзотический характер, ими занимаются лишь немногие студенты и столь же немногочисленные профессора, по разным причинам не вписавшиеся в основной поток корпоративной деятельности. Разумеется, внутри корпоративно устроенного университета по-прежнему остаются подразделения и профессора, отвечающие традиционным требованиям и не

приносящие прямых доходов корпорации. Их статус и дальнейшая судьба в каждом отдельном случае определяются по-разному. Иногда их оставляют в покое, не требуя практической эффективности, по соображениям престижа университета в целом (опять же «экзотика»), особенно если благоприятная экономическая конъюнктура дает для этого основания. Но в случае ухудшения конъюнктуры подобные островки чистой науки приносятся в жертву в первую очередь. В то же время университет-корпорация по-прежнему выступает и в роли центра экспертизы по тем или иным научным вопросам, то есть того, что называется *think tank*. Для поддержания этой функции университета также нужна узкая экзотическая специализация, основанная на фундаментальном знании, но в его, так сказать, точечном варианте.

Характерно и то, что перспективные работодатели в современных условиях более не нуждаются во всех случаях в выпускниках университетов, обладающих фундаментальным знанием. Для работы в современной фирме или корпорации этого просто не требуется. А требуется другое. Способность динамично перенастраиваться на другие программы, владение некими базовыми умениями, обладание общим уровнем культуры, не переходящим в сверхобразованность.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ И ИНФРАСТРУКТУРА

Корпоративные требования диктуют поддержание инфраструктуры на высочайшем уровне. И действительно, университеты за последние годы вложили весьма существенные средства в новое строительство, расширение и обновление компьютерной базы, пополнение библиотек.

Аудиторный фонд и офисные площади факультетов постоянно расширяются. В целом можно сказать, что универ-

Трансформация университетов в условиях глобального рынка

ситеты-корпорации растут быстро – буквально на глазах. Каждый год поднимаются новые аудиторные, лабораторные корпуса и общежития. Большинство аудиторий оснащены средствами мультимедиа и прямым доступом в Интернет. Это стало своеобразным признаком стиля современного университета. Особое значение придается офисам профессоров. Как правило, каждый из них имеет свой кабинет, оснащенный компьютером, подключенным к LAN, множительной техникой и большой личной библиотекой. Своими офисами располагают и доценты. Только младшие преподаватели и аспиранты размещаются по два человека в одном офисе. Практически таков стандарт любого корпоративного университета. Следует признать, что этот стандарт предопределен и интенсивными формами преподавательской деятельности. Без личного пространства, закрепленного за преподавателем, трудно ожидать от него высокой эффективности преподавания, а также соответствия требованиям рациональной организации труда.

Компьютеризация достигла весьма впечатляющих масштабов. Доступ студентов и аспирантов к компьютерным классам поддерживается чуть ли не 24 часа в сутки. Все новейшие программные продукты закупаются факультетами (или университетом в целом) и размещаются в локальной сети. Серверы факультетов и университетов превращены в многоцелевые информационные порталы, обеспечивающие имеющих доступ к ним всем необходимым. В каком-то смысле можно говорить о том, что компьютеризация в корпоративном университете достигает своего возможного максимума. Конечно, совершенствование техники и программных продуктов будет происходить и далее, но формы их включения в учебный процесс и научную работу, как кажется, уже достигли полного раскрытия.

Особого упоминания заслуживают мультимедийные средства в аудиторном преподавании. Психология восприятия, присущая современным студентам, подразумевает усвоение информации в основном визуальными рецепторами. Преподавательские стратегии динамично отозвались на это. Теперь без поддержки программой *PowerPoint* или технологии *Black Board* не читается ни один курс. Причем речь идет не о визуализации тех или иных материалов, а о существенном их переструктурировании в связи с включением в процесс визуализации. Иными словами, *PowerPoint* не просто размещает картинки на экране монитора или на большом экране, он требует совершенно нового взгляда на концепцию лекции, ее структуру, тезисного характера изложения материала, включения звуковой дорожки, видео и пр. Все материалы курса размещаются на сайте профессора, и студенты имеют круглосуточный доступ к этому сайту, где они также общаются со своим профессором и оставляют ему послания и готовые письменные работы. Многие лекционные курсы оцениваются студентами в основном со стороны зрительного эффекта, который они производят, и более высокие рейтинги получают те профессора, которые более удачно *визуально* преподносят свои курсы.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Можно наметить несколько конкретных перспективных тенденций развития современного университета¹.

- Отношение студентов и их родителей к университетскому образованию становится все более *потребительским*. Большое значение приобретают такие компоненты выбора университета, как широко известный бренд, красивый и убедительный каталог, хорошая реклама, наличие современного сайта и пр.

¹ С использованием материалов Дж. Ритцера (George Ritzer).

Н. Покровский

Кроме того, а быть может, и в первую очередь, принцип «цена-качество» превращается в ведущий в определении высшего учебного заведения будущим студентом и его родителями. Университет должен быть *мегамаркетом* потребления знания со всеми вытекающими последствиями.

- Для большинства студентов университетское образование потеряло характеристику «судьбоносности» (экзистенциальности). Обучение в университете – это всего лишь эпизод в их жизни, разветвляющийся параллельно с другими, не менее важными эпизодами: параллельная работа, личная жизнь, наполненная удовольствиями потребительского общества, и пр.

- Университет должен быть *удобным*, то есть от него требуется безусловно хороший *сервис* во всех его инфраструктурных и основных компонентах: (а) доступность и инвайронментальная дружелюбность (хорошее расположение кампуса в городе или пригороде, удобная парковка автомобилей, развитая природная среда, комфортность и экологичность помещений, прекрасное питание, наличие торговых точек и индустрии рекреации непосредственно в кампусе и др.); (б) легкая усваиваемость предметов; (в) сквозная ясность состава образовательного продукта с заранее ожидаемыми свойствами (дисциплины, учебные программы, биографии профессоров); (г) *полное соответствие* требованиям рынка труда; д) наличие в учебном плане спецпредложений, то есть особых эксклюзивных предметов («изюминки»), недоступных студентам других вузов; е) «праздничность» – организация праздников и фестивалей самого различного рода, необременительность университетской жизни.

- Университет должен находиться на гребне технического и технологического прогресса, предлагая студентам новейшие достижения в организации учебного процесса и студенческой жизни.

- Университетское образование включается в процесс *виртуализации*, то есть все больший вес приобретают программы дистантного образования, телеконференции, образование через интернет-сайты и пр. Для любого студента университет и преподаватель (в том числе и профессор) должны быть *оперативно* доступны. И даже традиционные формы обучения уже не будут мыслимы без максимальной поддержки в Интернете и виртуальных библиотек.

- Постепенно трансформируются и другие, казалось бы, вечные формы университетского преподавания. На смену поточным лекциям приходят дискуссии со студентами по типу «ток-шоу», возникает сеть промежуточных форм вовлечения клиентов в университетское образование: семинары для публики и местного сообщества, консультации фирмам и общественным организациям и многое другое. Иногда за участие в этих, чаще всего платных, формах работы могут начисляться кредиты, то есть зачетные баллы, которые в итоге войдут в учебный план, ведущий к присуждению степени. За всем этим стоит принцип: все средства хороши для привлечения новой клиентуры, но при соблюдении высокого стандарта предоставляемых образовательных услуг.

- Деятельность университета-корпорации имеет четкие регулирующие нормы и принципы. Все обуславливается контрактами и договорами, за каждой формой взаимодействия со студентами-клиентами стоит юридическое сопровождение.

- Университет должен предлагать многочисленные программы за рубежом и иметь свои кампусы-базы в различных привлекательных регионах мира. В этом смысле процесс обучения и туризм постепенно сближаются. Так, Бостонский университет имеет программу обучения на океанском лайнере, барражирующем в мировом океане и встающем на якорь в различных портах. Причем речь идет не об обучении океанологии, а о сугубо гуманитарных

Трансформация университетов в условиях глобального рынка

и экономических дисциплинах. В процессе обучения студенты хотят быть в *движении*, меняя координаты своей географической и социально-культурной локализации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Метаморфозы, происходящие в университетах, в данном тексте несколько акцентированы и заострены. В реальности их обнаружить можно лишь при достаточно внимательном анализе, опирающемся на сравнение того, что было, к примеру, 15 лет назад, и того, что есть теперь.

Кроме того, тенденции развития университетов наших дней, как представляется, не требуют оценки по принципу «хорошо – плохо», «нравится – не нравится». Это объективные параметры системы, которая перенастраивается в новых условиях глобализации и постиндустриального общества. И хотя реакции на эту перенастройку могут быть самыми различными (в том числе резко негативными), следует признать, что высшее образование в современном мире, скорее всего, идет уже новым, кратко обрисованным выше путем.

Борис Михайлович Шпотов,
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Former Fulbright Scholar

Помощь в строительстве социализма пришла из-за океана

В конце 1920-х – начале 1930-х годов на «великие стройки социализма» торопился рабочий люд. Ехали инженеры из Москвы и Ленинграда. В международных вагонах прибывали солидные специалисты из Европы и Америки. В наркоматах, лабораториях, конструкторских бюро звучала разноязыкая речь. Люди в заграничных костюмах и русских косоворотках сутками не отходили от чертежных досок и столов, заваленных технической документацией. Пароходы и железнодорожные составы везли горы ящиков с товарными знаками иностранных фирм и русскими надписями «Тракторострой», «Востокосталь», «Автострой», «Главметалл»...

В страны Запада выезжали советские инженеры, техники, рабочие изучать новейшие технологии, заказывать и принимать заводское оборудование, проходить практику на производстве, в среднем от шести месяцев до года. Валюту советское государство на эти цели выделяло. Тогда и завязались беспрецедентные по характеру и числу участников деловые отношения между русскими и американцами. Заметим – не на высшем уровне, а между американскими фирмами и советскими организациями «среднего звена».

В СССР поступали выполненные американскими компаниями проекты заводов и фабрик. Указания Cooper Engineering Company использовались при проектировании «Днепрогэса», за что глава фирмы получил орден Ленина. Десятки инженеров, техников и мастеров руководили строительством Сталинградского тракторного завода,

Помощь в строительстве социализма пришла из-за океана

Американский мастер обучает комсомолку на Сталинградском тракторном заводе. 1931 год. РГАКФД.

Нижегородского автомобильного завода, Магнитогорского металлургического комбината и др. Приезжали, по индивидуальным контрактам, невзлюбившие капитализм рабочие, чтобы получить работу в лихолетье «великой депрессии» и помочь «братьям по классу». Русские «открывали Америку» не только за океаном, но и управляя гусеничными тракторами «кэтерпиллер», которые выпускал Челябинский тракторный завод под названием «Сталинец», импортными или советской сборки «фордами», работая на предприятиях, построенных по американским проектам¹. Советское руководство высоко оценивало помощь иностранных специалистов, среди которых

самыми многочисленными были американцы и немцы².

Производственный опыт фирм США считался в советской стране наилучшим для модернизации добычи и переработки нефти, промышленного строительства, массового производства автомобилей, тракторов, авиационных двигателей, электрооборудования и др. В сентябре 1927 года в Политбюро ЦК ВКП(б) была создана постоянная комиссия по техническим и научным связям с Америкой³. Такой открытости для восприятия заокеанских достижений, как в 1930-е годы, такой веры в американскую технику (кумиром был Генри Форд), не знала последующая советская история.

¹ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930. Stanford (Calif.), 1969; *idem*. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford (Calif.), 1971. См. также: Шпотов Б.М. Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации) // Электронный журнал «Мир истории». 2002. № 3 [<http://www.historia.ru/2002/03/shpotov.htm>]; *он же*. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 191–232; *он же*. Малоизвестные страницы истории советско-американских отношений (техническая помощь конца 1920-х – начала 1930-х гг.) // Americana. Вып. 6. Волгоград, 2004. С. 80–92.

² Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы / Под ред. С.С. Хромова. Ч. II. М., 1999. С. 246–250.

³ Там же. С. 226.

Б. Шнотов

Договоры о технической помощи не требовали от зарубежных фирм рискованных инвестиций, а советские инженеры, техники и рабочие имели возможность овладеть передовой техникой в кратчайшие сроки. Получив проектное задание, иностранная фирма должна была изготовить эскизный (предварительный) и подробный строительный или технологический проект предприятия с описанием оборудования, станков и механизмов; передать советскому заказчику свой производственный опыт (патенты, лицензии и др.); прислать своих специалистов в СССР для наблюдения за строительством и пуском объекта; допустить советских инженеров и рабочих проходить практику на предприятиях компании.

Советский заказчик (обычно государственный трест или управление, ответственное за постройку крупного объекта), должен был возместить фирме, с которой заключил договор, ее расходы по проекту и выплатить вознаграждение в виде определенного процента от сметной стоимости постройки или твердой суммы наличными. (Советская сторона настаивала на твердой сумме, поскольку сметная стоимость в ходе работ возрастала.) Изготовление проектов, консультирование, выезд специалистов в СССР оплачивались валютой, но монополия внешней торговли позволяла экспортировать все, что пользовалось спросом за границей: зерно, лес, нефтепродукты, пушнину, руды цветных металлов, антиквариат и др. Советские организации обеспечивали рабочую силу, сырье и материалы, финансировали строительные работы, закупали оборудование, оплачивали поездки своих стажеров. Их специалисты работали в тесном контакте с иностранными, формулировали проектные задания, вносили поправки и изменения в проекты, проводили их приемку.

Из американских компаний наиболее крупную техническую помощь СССР

оказали International General Electric, Ford Motor Company, International Harvester, Arthur McKee of Cleveland, Albert Kahn, Inc., Austin Company, Radio Corporation of America, Winkler-Koch Corporation, Alco Products, Inc. Большая часть советских заводов и фабрик работала на электрооборудовании от International General Electric. Необходимые в машиностроении шариковые и роликовые подшипники делались в СССР на нескольких крупных заводах. Московский ГПЗ-1 получил техническую помощь от итальянской фирмы RIV (дочерняя компания Fiat), управлялся с участием шведских специалистов компании SKF, а проектировала его американская фирма Albert Kahn, Inc. По оценке А. Саттона, фирмы США играли ведущую роль в проектировании советских предприятий, а примерно половина оборудования делалась в Германии, в основном по американским спецификациям. По объему поставок в СССР оборудования первое место занимала, по-видимому, Германия, второе – США, третье – Великобритания⁴.

Наиболее трудный, «форсированный» этап индустриализации пришелся на первую пятилетку (1928–1932). Тогда в СССР царил обстановка «модернизационного рывка» – особой торопливости, чрезвычайщины, проб и ошибок⁵. Происходила нелегкая «притирка» друг к другу западной и советской производственных культур, стилей поведения, умений и навыков. Представителям компаний и зарубежным рабочим приходилось иметь дело с необычными клиентами из мира командной экономики, сталкиваться с дефицитом самого необходимого, плохими бытовыми условиями, технической отсталостью и всевластием ОГПУ.

Приведем отрывок из частного письма, отправленного из Свердловска американским инженером – консультантом Гипроцветмета: «Это что-то невозмож-

⁴ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930–1945. P. 144–149, 163–165, 343.

⁵ Американский экономист Наум Ясный говорил о «вакханалии» форсированной индустриализации. См.: Jasný N. Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago, 1961. P. 7, etc.

Помощь в строительстве социализма пришла из-за океана

Два фордовских мастера (слева) с группой советских рабочих на Нижегородском автозаводе. 1932 год. РГАКФД.

ное, а не отель. Моя жена говорит, что она не будет удивлена, если увидит в один прекрасный день корову, идущую вверх по лестнице... Работа у меня легкая. Все равно, что тренировать собаку. Жизнь настолько скверная, что мы едва сидим и готовы в любое время выехать. С другой стороны, деньги не таковы, чтобы чихать. Я получаю ежемесячно больше, чем я зарабатывал в месяц за последние несколько лет, но это единственный довод оставаться с несчастными потомками Чингисхана»⁶.

В советских работах, посвященных индустриализации, фактическая сторона вопроса изучалась главным образом по решениям партии и правительства, за которыми не виден реальный ход событий со всеми проблемами и трудностями. Положение на местах зависело не столько от формальных директив и решений центральной власти, сколько от конкретных исполнителей разного ранга и стечения обстоятельств. То, что мешало американским специалистам трудиться с полной отдачей, нашло отражение в их жалобах в советские инстанции⁷. Инженеры компании Austin из Кливленда, штат Огайо, осуществлявшие техническое руководство строительством Нижегородского автозавода, столкнулись со следующими трудностями:

- нехваткой важнейших строительных материалов;
- сопротивлением американским методам строительства, игнорированием указаний специалистов компании;
- плохими условиями работы и быта;
- низкой трудовой дисциплиной на стройке;
- переделкой планов и проектов, согласованных с американской фирмой;
- распылением ответственности, множественностью советских подрядных организаций, подчиненных только своим ведомствам.

Ситуацию в стране Советов комментировали самые серьезные люди в Соединенных Штатах – бизнесмены. Они давали, наряду с резкой критикой методов большевизма, и благоприятную оценку «деловым» сторонам социализма. Лейтмотив их рассуждений таков: Соединенные Штаты дают всему миру наглядные уроки прогресса и процветания. Передавать свой опыт другим народам, оказывать помощь, если они в ней нуждаются, – благородная, цивилизаторская миссия. Те, кто перенимает американский опыт, поступают разумно. В ранней Америке все население, от мала до велика, тоже боролось за выживание, но техника во много раз подняла производительность труда, и это сделало страну процветающей и богатой. Русские, похоже, пошли тем же путем, начав создавать с американской помощью свою собственную индустрию, основанную на новейших технических достижениях.

Вот строки из интервью Генри Форда журналу «Nation's Business» (1930): «Русские начинают строить [заводы и фабрики]. Неважно, какой теории они придерживаются. Судить можно только по результатам. Я же считаю своим долгом помогать любой стране, которая захочет своим трудом обрести самостоя-

⁶ Американские предприниматели, специалисты и рабочие на Урале, 1921–1936, 1987–1989 гг. / Сост.: Г.И. Степанова, М.А. Торопова. Екатеринбург, 1999. С. 40.

⁷ Будни великих строек: что мешало американским инженерам работать в СССР // Американский ежегодник. 2002. М., 2004. С. 299–318 (документальная публикация Б.М. Шпотова).

Б. Шпотов

«Форд-А» советского производства сходит с конвейера. 1934 год. РГАСФД.

тельность... По моему мнению, система экономической зависимости одних стран от других должна исчезнуть... Как только станет ясно, что каждая нация может производить, мы впервые увидим цивилизованную мировую экономику... Если Россия, Китай, Индия, Южная Америка обрели покупательную способность, что им нужно делать? Надеяться, что Великобритания и Соединенные Штаты будут снабжать их? Но они не всемирные фабрики! Стоит немного подумать, чтобы понять: каждая нация должна создать собственную промышленность, чтобы снабжать себя. А наша задача помочь им в этом»⁸.

Вскоре после подписания договора о технической помощи 31 мая 1929 года Форд сообщил газете «New York Times»: «Русские уже изучают наши заводы в Дирборне и методы производства. Скоро их приедет больше, а мы пошлем наших людей помогать Советам. Вначале они получат большое количество

американской техники, но вскоре научатся делать такую технику сами... Строить заводы на девственной земле – это великое и беспрецедентное начинание... Я не вижу ничего такого, что могло бы помешать русским столь же успешно делать автомобили, как и другим народам. Автомобиль преобразит Россию. Ее прогресс зависит от развития транспорта... Русские – целеустремленные и предприимчивые люди, и им потребуется не меньше автомобилей, чем американцам. Почему бы и нет? ... Я предвижу очень быстрые успехи русского народа от внедрения автомобиля, а трактора дадут особую выгоду, ибо улучшат земледелие. Мы умножаем богатство Америки строительством дорог и автомобилей. России с ее расстояниями потребуется даже больше грузовых и легковых машин, чем нам. Это лишь вопрос организации и времени»⁹.

Американская промышленность опиралась на высокую культуру производства. Сталкиваясь с бесхозяйственностью в СССР, даже рабочие-политэмигранты забывали о своей антипатии к капитализму, говоря, что «у нас в Америке все это делают намного лучше», и старались передать свой опыт. Самым антигуманным из увиденного в Советском Союзе американцы считали привлечение к тяжелому физическому труду женщин, а самым нелепым – организацию ударных бригад как панацеи от плохой организации труда¹⁰.

В советской хозяйственной практике нередко проявлялись консерватизм, недоверие к новым методам, элементарное головотяпство. Вместе с тем возникали гигантомания, вера в моментальный успех от внедрения американской техники или от постройки нового завода на месте старого. Одного инженера из США коллектив завода «Серп и Молот» осудил за... положительный отзыв об этом

⁸ Цит. по: Wilkins M., Hill F.E. American Business Abroad. Ford on Six Continents. Detroit, 1964. P. 226.

⁹ Ford's Views on Europe's Needs // New York Times. 1929. June 23. Section IX.

¹⁰ Шпотов Б.М. «Болезни роста» или «синдром кнопки»: как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки // Русское открытие Америки. Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2002. С. 319–327.

Помощь в строительстве социализма пришла из-за океана

предприятия, который сами рабочие считали плохим¹¹.

Иностранные компании, в том числе американские, слабо знали советские условия, но считали свой опыт проектирования наилучшим. Если легко осуществимый в США проект оказывался слишком дорогим для СССР, то требования его «удешевить» оборачивались дополнительными расходами для фирмы, как, например, проект Нижегородского автозавода для компании Austin. Но наибольшие издержки понесли строители автозавода, не заготовившие необходимых материалов.

Американская культура производства являлась *передающей*, не испытывая обратного влияния. Молодая советская производственная культура, как *воспринимающая* по сути (и по команде свыше!) и еще во многом традиционная, реагировала на заокеанскую помощь более сложным образом: от безграничного доверия до полного отрицания. Русские, посетившие завод Форда, считали «бездушным», подавляющим человека не только напряженный ритм труда, но и стерильную чистоту цехов: «тут человек чувствует себя винтиком». Некоторые специалисты полагали, что американские методы, основанные на стандартизации, – «нетворческие», «механические» или неприемлемые для СССР. По этим и другим причинам возникали споры с американскими фирмами, вплоть до разрыва контрактов. Но были и примеры слаженной работы, вполне товарищеских отношений. Советские инженеры и рабочие, отправленные в США на стажировку, единодушно говорили, что администрация американских предприятий оказывала им всяческое содействие.

Американские специалисты обычно невысоко отзывались о русских рабочих и инженерах, порицали «демократию» на производстве, когда люди могли на собрании «завернуть» решение руководства или устраивать перекуры в ра-

бочее время. Тем более заметны отдельные похвалы. Ч. Соренсен, один из управляющих компанией Форда, с большой теплотой отзывался о заместителе председателя ВСНХ СССР В.И. Межлауке, с которым ему довелось общаться. Токарь объединения «Азнефть» Ф.П. Мирошников, отправленный для повышения квалификации в США, получил в июне 1926 года «похвальную грамоту» от Э.С. Макклелланда, директора по кадрам Westinghouse Electric Manufacturing Company. Ее архивную копию мы воспроизводим полностью, в переводе с английского:

«Всем, кого это касается.

Г-н Р.П. [в документе опечатка; нужно Ф.П. – Б.Ш.] Мирошников завершил, согласно графику, свое производственное задание. Его работой мы довольны. Он тщательно и добросовестно выполнял свои обязанности и показал себя очень хорошим рабочим. Все мастера без исключения дают г-ну Мирошникову самые лучшие отзывы. Он хорошо поработал у нас и, по нашему мнению, достойно завершил свой практический курс»¹².

Специалисты из США не сомневались, что русские быстро учатся и идут вперед, но стиль их работы вызывал, мягко говоря, недоумение. Американцев удивляло, почему русские строят так много и такими бешеными темпами. Невозможно за три месяца превратить крестьянина, никогда не видевшего электродрели, в квалифицированного рабочего. И не лучше ли расширить и переоборудовать старый завод, чем возводить новый? Русские, говорил вице-президент компании Austin Дж.А. Брайант, работают рывками – вместо последовательного движения вперед ждут какого-нибудь ЧП и тогда создают ударные бригады. Если, скажем, бригадир прикажет русскому рабочему засыпать канаву, не зная, что на дне ее остался лед, то рабочий молча выполнит приказ, а когда лед растает и канава наполнится грязью, пойдет в профком и об-

¹¹ Straus K.M. *Factory and Community in Stalinist Russia*. Pittsburgh, 1997. P. 50.

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5740. Оп. 1. Д. 319. Л. 96.

Б. Шпотов

винит своего начальника. Американский же рабочий обязательно объяснит ситуацию бригадиру и вначале уберет лед, а потом засыпет канаву.

Начальник Автостроя С.С. Дыбец отмечал, что американцам трудно приспособиться к психологии и условиям труда русских. В России нужны специалисты из США, но их следует нанимать на индивидуальной основе, включать в советские организации на равных правах с советскими инженерами и перебрасывать туда, где они больше нужны. Брайант утверждал, что если русские приобрели проект у фирмы с хорошей репутацией, то она обязана послать для его осуществления компетентную группу. Отдельные специалисты, даже самые опытные, не смогут действовать слаженно, наподобие футбольной команды. Русские доказывали, что трудности строительства в СССР – это болезни роста, издержки быстрого развития. Американцы отвечали им: вы одержимы идеей «кнопки». Увидев, что в США достаточно нажать кнопку – и все сделано, вы хотите иметь такую же. Однако ваша «кнопка» без механизма: чтобы она сработала, нужна, наверное, волшебная лампа Аладдина. В Америке множество чудесных «кнопок», но прежде чем они появились, прошло не менее четверти века индустриального прогресса¹³.

К концу первой пятилетки многие предприятия, построенные по американским и западноевропейским проектам, вступили в строй. Отказавшись от продолжения технической помощи «по всему фронту», советское правительство сделало ее более адресной.

Так, для строительства «второго Баку» – нового и обширного региона добычи и переработки нефти в Урало-

Волжском районе – в 1936 году были подписаны договоры с американскими компаниями. Стране требовался высокооктановый бензин, и за 1938–1940 годы с участием инженерно-конструкторского отделения компании American Locomotive (Alco Products), а также Lummus Company и Universal Oil Products вступил в строй мощный нефтехимический комплекс для производства авиационного и моторного топлива. Журнал «Нефтяное хозяйство» высоко оценил их вклад в проектирование и строительство новейших крекинг-установок и разместил на двух полосах рекламные объявления фирм Alco и Lummus¹⁴. В годы второй пятилетки (1933–1937) ряд советских заводов потребовалось расширить, чтобы увеличить их производительность. Строились и новые. В 1935 году нарком внешней торговли СССР А.П. Розенгольц получил сообщения о закупках оборудования для автозаводов ЗИС и ГАЗ в США¹⁵.

Хотя главным и очевидным результатом заимствования Советским Союзом новейших технологий было укрепление социализма, да еще в сталинском варианте, ход событий показал способность американцев и русских идти на диалог, развивать между собой отношения (как отношения между людьми, а не только между правительствами). Исследование вклада американских компаний в индустриализацию СССР может дать богатейший материал о сотрудничестве и контактах между людьми и организациями из противоположных систем, заново осветить события и факты, которые ранее замалчивались по идеологическим причинам.

¹³ Bennett M. Perplexing Problems of the Twenty U.S. Engineers at Nizhni Novgorod // Every Week Magazine. 1931. August.

¹⁴ Нефтяное хозяйство. 1937. № 7. С. 80–81.

¹⁵ Россия и США: экономические отношения, 1933–1941. Сб. документов / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Е.А. Тюриной. М., 2001. С. 98–101. В архиве компании Austin имеется перечень из 102 (!) американских фирм, от которых Горьковский автозавод получал оборудование во второй половине 1930-х годов. См.: Automobile Plant and Workers' City «Autozavod». Nizhni Novgorod (Gorki), USSR. Doc. 66 // The Austin Company Archives, Cleveland, Ohio, USA.

Советско-американские шахматы: к истории межгосударственного интеллектуального противостояния¹

В 1900 году австрийский шахматист И. Бергер составил «Шахматный календарь». Перечисляя ведущие в шахматном отношении страны, он не упомянул Россию. Тогда в России было только два сильных шахматных мастера, М. Чигорин и Э. Шифферс, не проводились международные турниры.

Очевидно, что реально в борьбу за шахматную корону Россия вступила в 1914 году, когда в Санкт-Петербурге состоялся крупнейший международный шахматный турнир. После его окончания Николай II провозгласил четырех победителей – Эм. Ласкера, Х.-Р. Капабланку, А. Алехина и Ф. Маршалла – «гроссмейстерами». Со дня возникновения это слово стало, как ни странно, символом не удачной игры, а интеллектуальной мощи.

В том же 1914 году было создано Всероссийское шахматное общество. На первых порах в него входило 65 единичных членов и около 800 групповых. Было образовано 22 местных отделения.

Первый печатный орган советских шахматистов назывался «Листок шахматного кружка Петрогубкоммуны» и издавался тиражом 200 экземпляров. В 1920 году Всеобучем была проведена в Москве Всероссийская Олимпиада. Дело в том, что в этом году комиссар

Борис Александрович Ланин,
доктор филологических наук,
профессор Всероссийской государственной
налоговой академии, заведующий
лабораторией литературного
образования Института содержания
и методов обучения РАО,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar

¹ Методологическая канва работы следует известной книге историка советского спорта Роберта Иделмана (R. Edelman «Serious Fun»), который, впрочем, никогда не писал о шахматах.

Б. Ланин

Всеобуча А. Ильин-Женевский² переехал из Петрограда в Москву, отдав всю свою фанатичную преданность шахматам пропаганде любимой игры. Он был сильным мастером, до революции успел обойти вокруг Женевского озера, громя попадавших под руку любителей шахмат, после чего сменил свою фамилию на более экзотичную. Победителем олимпиады стал А. Алехин, тогда еще советский шахматист.

В июле 1923 года в Москве состоялся Всероссийский шахматный съезд с участием представителей 22 городов. На нем было объявлено о восстановлении Всероссийского шахматного союза, объединившего 32 отделения, которые представляли 1159 шахматистов.

Первым иностранным шахматистом, приехавшим с выступлением в СССР, стал в феврале 1924 года экс-чемпион мира д-р Эм. Ласкер, сыгравший семь тренировочных партий с советскими мастерами.

В августе 1924 года в Москве был проведен Всесоюзный шахматный съезд, избравший председателем шахматной секции при Всесоюзном совете физической культуры (ВСФК) заместителя наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко.

В ноябре – декабре 1925 года в зале гостиницы «Метрополь», вмещавшем 1500 зрителей, прошел первый Московский международный шахматный турнир (всего до войны было организовано три таких соревнования). Обстановку на этом турнире и вокруг него хорошо передает фильм Всеволода Пудовкина «Шахматная горячка». Фурор произвели победы А. Ильина-Женевского и Б. Верлинского над действующим чемпионом мира Х.-Р. Капабланкой. Принял участие в турнире и американский чемпион Ф. Маршалл, занявший

четвертое место. Победил Ефим Боголюбов, вскоре эмигрировавший.

Благодаря энергии и, говоря современным языком, «аппаратному весу» Крыленко, шахматы обрели в СССР статус государственного вида спорта. Шахматисты получали практически пожизненную стипендию (в отличие от спортсменов, занимавшихся игровыми видами спорта). Организация шахматного «бизнеса» была нужна для демонстрации нового культурного феномена – гармоничного советского человека, «человека коммунистического будущего», «нового человека». Именно синтетическое сочетание элементов спорта, науки и искусства сделало шахматы невероятно привлекательными для выполнения этой задачи.

До середины 70-х годов гроссмейстеров было так мало, что зрители программы «Время» запоминали их фамилии без всяких усилий³. Фактически в шахматном мире элитные советские игроки находились в привилегированном положении – им назначались бесплатные тренеры, за границу командировались переводчики и даже «руководитель делегации» из КГБ. Были созданы шахматные специализации в институтах физической культуры – сначала в Москве, а затем и во Львове. Шахматист, участвовавший в международном турнире, получал досье на своих соперников, собранное студентами Государственного центрального института физической культуры. Вся система должна была удержать одного советского шахматиста – чемпиона мира – на шахматной вершине.

Заметим, спортивные соревнования в СССР всегда имели идеологический подтекст. Так, организованные еще в 30-х годах футбольные матчи с баскскими футболистами должны были

² А.Ф. Ильин-Женевский (1894–1941) был братом Ф.Ф. Раскольников. Так как его реальные инициалы совпали с одним из псевдонимов Ленина «А. Ильин», он решил «удлинить» свою фамилию. В 1914 году он стал чемпионом Женевы по шахматам, учился в местном университете. Подробнее см.: *Иванов С., Кентлер А., Файбисович В., Хропов Б.* Шахматная летопись Петербурга. СПб.: Фирма Коста, 2003. С. 42.

³ Звание гроссмейстера прежде вообще присваивали очень редко. К примеру, Виктор Корчной, главный «враг» советских шахматистов, называвшийся в печати кличкой «Претендент» (с 1976 по 1982 год), получил в 1956 году гроссмейстерский билет только за № 17.

Советско-американские шахматы

демонстрировать преимущества советского физкультурного движения, но закончились большим конфузом. Судей заставляли судить не по правилам, а по заказу. Во время одного из матчей баски демонстративно покинули футбольное поле и вернулись только после часовых уговоров и заверений в том, что судейство будет нормальным. Что и говорить, судья никак не мог сдержать слова.

До войны лишь два великих американских шахматиста посещали СССР: Ф. Маршалл и С. Решевский – выходец из Польши, начинавший вундеркиндом и дававший успешные коммерческие сеансы одновременной игры уже в 6-летнем возрасте. Весь мир обошла фотография, на которой маленькому шахматисту в таком сеансе противостоит Чарли Чаплин.

Но только с радиоматча СССР–США 1945 года началось «государственное» шахматное противостояние. Этот матч стал столь «высокотехнологичным» из-за визовых проблем. Команды СССР и США были готовы встретиться, но, не договорившись о визах, две державы решили помериться интеллектом на расстоянии.

Десять участников с каждой стороны сыграли по две партии, причем из-за разницы во времени советским шахматистам пришлось играть в ночное время. Технически партии оказались весьма нелегкими. Передача одного хода занимала до 10 минут. До войны американ-

С. Решевский и Ч. Чаплин за шахматной доской. Фото из книги: На первенство мира. Матчи претендентов. Белград, 1969.

цы четыре раза становились победителями командных чемпионатов мира – в 1931, 1933, 1935, 1937 годах. Однако на этот раз общий счет был разгромным для американской команды – 15,5:4,5.

В 1946 году национальная команда США приехала в Москву и вновь проиграла, хотя несколько улучшила счет. Возглавил ее Сэмюэль Решевский – основная угроза гегемонии советских шахмат, но он проиграл свой микро-матч. Надо сказать, что Александр Алехин, высоко оценивая другого американского шахматиста Ройбна Файна и предсказывая ему «совершенно исключительную шахматную будущность», скептически отзывался о Решевском – ведь «от стиля его веет такой непроходимой скукой, отсутствием полета и – если бы дело не шло о таком изначала одаренном индивидууме – я бы сказал, даже бездарностью...»⁴

Когда Алехин завоевал звание чемпиона мира по шахматам, выиграв матч у Капабланки, он уже был эмигрантом. Вся подготовка Михаила Ботвинника, создание для него совершенно особенных условий (в том числе с 1936 года – личный автомобиль с оплачиваемым шофером) имели целью сделать звание чемпиона мира достоянием СССР. Эта задача была выполнена в 1948 году после смерти Алехина. Ботвинник с присущей ему колоссальной энергией добился проведения матч-турнира сильнейших шахматистов, которые должны были разыграть звание чемпиона мира. Советская спортивная дипломатия колебалась, стоит ли советским шахматистам участвовать в этом матч-турнире, не лучше ли организовать матч Ботвинник – Эйве (голландец Макс Эйве был последним чемпионом мира, у которого Алехин, избавившись от алкоголизма, вновь отобрал чемпионский титул).

В воспоминаниях Ботвинник рассказывает, что был вызван к Молотову, где ему задавали вопросы о шансах Решевского. Ботвинник разъяснил Моло-

⁴ Алехин А. Наша смена // Последние новости. Париж, 1933. 1 и 30 декабря. Цит. по: Шахматы в России. 1996. № 3. С. 40.

Б. Ланин

тову, что Решевский – «натуршпицер», стало быть, против «научного метода подготовки», разработанного советской шахматной школой (а на деле – самим Ботвинником), не устоит.

В 1947 году советская шахматная федерация вступила в международную шахматную федерацию – ФИДЕ. После того как Москва стала соорганизатором матч-турнира на первенство мира 1948 года, второй сильнейший американский шахматист и выдающийся математик Р. Файн от участия в турнире в последний момент отказался. Первым кандидатом в списке был Мендель Найдорф, польский шахматист, потерявший в Холокосте всю семью. Найдорф остался жив лишь потому, что в 1939 году играл в Аргентине и домой после начала Второй мировой войны уже не вернулся. Он натурализовался в Аргентине, стал, согласно испанской транскрипции, Мигелем Нахдорфом, организовал с другим шахматистом, по фамилии Каплан, страховую компанию и биржу в Буэнос-Айресе, неслыханно разбогател, обзавелся новой семьей и прожил долгую шахматную жизнь, не жалея денег на посещение шахматных турниров по всему свету. Но Найдорф ошибся в 1946-м: он предложил гроссмейстеру Сало Флору пари на 500 гульденов, что выиграет у Ботвинника, – и выиграл! Об этом узнал Ботвинник, который никогда не прощал подобных вещей⁵. Он настоял на том, чтобы Найдорфа в числе соискателей чемпионского титула не было.

Матч-турнир проводился в Гааге и в Москве, большинство игр и три пятых приза обеспечивала Москва, где и должна была пройти вторая, решающая часть соревнования.

Ботвинник пытался если не дисквалифицировать, то хотя бы осложнить жизнь Решевскому. По религиозным соображе-

нием тот не играл по субботам (начиная с вечера пятницы)⁶. Шахматисты и организаторы соревнований всего мира шли ему навстречу. Ботвинник предложил советским шахматистам Паулю Кересу и Василию Смыслову выступить с совместным заявлением о недопустимости таких «изменений в нормальном расписании». «Соотечественники» отказались, чем вызвали гнев Ботвинника.

Во время таможенного досмотра в Бресте при переезде из Гааги в Москву у М. Эйве пропала тетрадь с «секретными» анализами дебютных разработок. Она отсутствовала полтора часа, после чего ее вызволил... Ботвинник, не меньше хозяина заинтересованный в ее содержании. Эйве занял последнее место в турнире.

Живший «на оккупированной территории» эстонский шахматист Керес играл в немецких турнирах, так же как и Алехин, – иначе им не на что было существовать. Главный соперник Алехина в матчах 30-х годов Эйве категорически отказывался играть в оккупированной Голландии, хотя ему нужно было кормить троих детей. Однако Эйве имел профессию – он преподавал математику и получал относительно приемлемую зарплату. Доктор юриспруденции Алехин давно сделал шахматы своей специальностью. Более того, он «отличился» антисемитскими статьями в немецкой печати, в которых рассуждал о превосходстве «арийских шахмат» над «еврейскими шахматами». Были предложения бойкотировать и Алехина, и Кереса, но ни Ботвиннику, ни Кремлю полученное таким образом чемпионство было вовсе не нужно. Курс на матч с Алехиным был возобновлен, но после его смерти пришлось устранить угрозу в лице Кереса.

Эмигрировать в Швецию Керес не успел. В 1944 году он находился там на

⁵ *Бронштейн Д.* Исповедь нонконформиста / Записал С. Воронков // Шахматы в России. 1996. № 8. С. 27.

⁶ Шахматы стали очевидной составляющей современной духовной жизни, что позволило некоторым раввинам облегчить жизнь шахматистов. Так, чемпион СССР, а затем США Борис Гулько может играть по субботам, но он не записывает партию: ведь шахматы – «это игра», но записывать партию – значит работать. Другие отказываются играть по субботам с использованием электронных часов, так как, нажимая на кнопку, они посылают импульс, подобный электрическому, а стало быть, совершают действие, подобное зажжению огня. Механические часы у них возражений не вызывают.

Советско-американские шахматы

шахматном турнире, но вернулся в Эстонию за семьей – женой, двухлетним сыном и годовалой дочерью. В маленькой рыбацкой деревушке в 100 км от Таллина собрались представители эстонской культурной элиты, включая семьи классика эстонской литературы Ф. Тугласа и оперного певца Т. Куузика. Была там и семья Кереса. За ними должны были прийти быстроходные катера и доставить их в Швецию. Торжественно одетые, эстонцы ждали несколько суток, но катера так и не появились.

Кроме шахмат, Керес ничего не умел. У него отобрали звание гроссмейстера СССР, затем, перед матч-турниром, вернули. Он написал Молотову, прося «спортивной реабилитации». Кереса неоднократно вызывали в КГБ, иногда старшие офицеры приходили к нему домой и беседовали с ним. Содержание бесед неизвестно⁷. Однако очевидно, что партии Кереса с Ботвинником, сыгранные в матч-турнире, отличаются беспо-

мощностью Кереса и даже нежеланием сопротивляться. Зато когда Ботвинник обеспечил себе звание чемпиона мира, Керес буквально разгромил его, продемонстрировав свою истинную шахматную силу.

Итак, в 1948 году звание чемпиона мира завоевал Ботвинник. Родившийся в 1911 году, он находился в расцвете творческих сил. Разработанный им спортивный режим, исключительная дисциплинированность, железная воля к победе, незаурядные ум и талант, уникальные способности подчинять себе трудноуправляемую машину государственного спорта – все это вместе позволяло надеяться на то, что шахматная корона надолго останется за ним, а значит, у советских шахматистов⁸. Внимание было перенесено на командные соревнования, на так называемые шахматные олимпиады.

В 1950 году ФИДЕ официально утвердила звание международного гроссмей-

С. Решевский, М. Ботвинник, Р. Файн. Нью-Йорк, 1983.

Фото из книги: Ботвинник М. У цели. Воспоминания, партии. М., 1997.

⁷ Хеуэр В. Тайна Пауля Кереса // Шахматы в России. 1996. № 1–2.

⁸ Действительно, Ботвинник был чемпионом мира 15 лет, на время уступая корону В. Смыслову, М. Талю и уже окончательно, после принятия «антиботвинниковского» решения об отмене матч-реванша, – Т. Петросяну.

Б. Ланин

стера. В 1952 году советская команда впервые приняла участие в шахматной олимпиаде в Хельсинки. Американцы оказались на пятом месте, хотя сумели сделать ничью в финальном матче с командой СССР.

У каждого мемуариста – свой срок давности для сверхсекретных материалов. В 2002 году претендент на мировое первенство 1951 года гроссмейстер Давид Бронштейн рассказал, что в 1953 году угроза «Решевский» все еще преследовала советские власти. Во время турнира претендентов в Цюрихе, где разыгрывалось право играть матч с Ботвинником, руководитель делегации приказал Бронштейну обыграть Решевского черными и сделать белыми ничью со Смысловым. Бронштейн сказал, что надеется выиграть у Смылова, на что услышал риторический вопрос «комиссара» от КГБ по фамилии Мошинцев: «Вы что же, всерьез думаете, что мы приехали сюда в шахматы играть?!»⁹ Эти закулисные маневры закончились победой в турнире Смылова и публичной потасовкой с участием некоторых советских участников и руководителей делегации.

После шахматной олимпиады в Хельсинки американцы официально пригласили советскую команду посетить США. Матч был назначен на 15 июля 1953 года. Команда в составе 10 человек в сопровождении официальных представителей и тренеров отправилась в Париж. В Шербуре они должны были пересечь на океанский лайнер и продолжить свой путь. Обращало на себя внимание отсутствие в команде Давида Бронштейна, который после сыгранного вничью матча на первенство мира стал личным врагом Ботвинника¹⁰.

Однако из Парижа пришлось возвращаться домой.

Восьмого июля А. Вышинский, бывший в ту пору заместителем министра иностранных дел СССР, сделал заявление временному поверенному в делах США в СССР. В заявлении было указано, что советское руководство не устроило визовые ограничения, наложенные на советских участников. Так, не было разрешено выезжать из Нью-Йорка, а стало быть – посещать в свободное время дачу советского представительства при ООН. Конечно, это была откровенная дипломатическая придирика: вряд ли кому-то было интереснее «отдыхать» на прослушиваемой и проглядываемой «даче», нежели гулять по Нью-Йорку и набираться впечатлений. Однако грозное письмо протеста, основанное на этой придирке, вынуждены были подписать все советские участники несостоявшегося матча. Бронштейну повезло – он стал законным «неподписантом».

После изменения визовых условий матч состоялся через год. На этот раз Ботвинник не поехал, что открыло путь Бронштейну. Сейчас, спустя полвека, интересно проследить маршрут: Москва – Ленинград – Хельсинки – Стокгольм – Осло – Глазго – Нью-Йорк. Ночной перелет Глазго – Нью-Йорк был не самым удобным. Тренер советской команды И. Бондаревский отмечал в путевом очерке: «Пора ложится спать, но на 14 человек, входящих в состав делегации, удалось достать только три спальных места. Остальные полулежат в откидных креслах с подушечками под головами, покрытые одеялами»¹¹.

На таможне не пропустили палехские шкатулки и кубок. Перестарались: сувениры оказались столь изящными, что их признали произведениями искусства и потребовали уплатить крупную пошлину.

⁹ Бронштейн Д., Воронков С. Давид против Голвафа. М.: РИПОЛ Классик, 2002. С. 459.

¹⁰ Давнишний друг Д. Бронштейна гроссмейстер И. Болеславский так описывал тренировочный сбор перед этой поездкой: «В работе сбора приняли участие почти все гроссмейстеры Советского Союза, которых тогда было значительно меньше, чем сейчас. Не участвовало только трое: чемпион мира Ботвинник, занятый работой по своей специальности – электротехнике, Левенфиш – из-за преклонного возраста и Бронштейн – по неизвестным причинам» (Болеславский И. Зарубежные баталии // Дома и за рубежом. Сост. М.Б. Павлюченков. Минск: Польшья, 1968. С. 18).

¹¹ Бондаревский И.З. Советские шахматисты в США, Англии, Швеции. М.: Физкультура и спорт, 1955. С. 14.

Советско-американские шахматы

Матч, проходивший в отеле «Рузвельт» на Манхэттене, был прекрасно организован. Присутствовало около 1500 зрителей. Забавно, что Бондаревский пишет о том, что он познакомился «с женой Капабланки, превосходно владеющей русским языком». Речь идет о княжне Ольге Чегодаевой, которую Капабланка увез из Москвы как раз во время шахматного турнира. Имя «эмигрантки» нельзя было упоминать...

Победный счет был 20:12, и Бондаревский с Котовым отправились в Канаду, где были потрясены тем, что по одному лишь звонку канадского консула в Нью-Йорке иммиграционные власти пропустили их без всяких виз и формальностей. Это невозможно представить сейчас, но советские шахматисты приехали 28 июня, задолго до 11 сентября...

Эйфория от победных матчей длилась недолго. Шахматная «разведка» заметила появление на американском небосклоне новой звезды. Неудачливый школьник, с IQ около 180 пунктов, говорящий на двух неродных языках и читающий на пяти – но только шахматные книги. В 1956 году официальное приглашение посетить СССР было направлено Роберту Фишеру. Еще в 1954 году его старший друг Кармин Нигроу (Carmino Nigro) привел Фишера в отель «Рузвельт» посмотреть на матч США – СССР. Мать Роберта Регина училась с 1933 по 1938 год в Первом медицинском институте в Москве, знала русский язык. Предполагалось, что она будет сопровождать сына в поездке. Пребывание оплачивала советская шахматная федерация, но у Фишера не было денег на авиабилеты.

Фишер всегда требовал экстра-гоноары за свое участие в турнирах, ругался в пух и прах с организаторами за повышение призов, за оплату дорогих номеров в гостиницах, настаивал на бо-

лее комфортных условиях игры. Этим он подавал повод для бесконечных слухов о его стяжательских особенностях. Гроссмейстер Александр Котов был потрясен, что мать 14-летнего Фишера попросила открыть для него счет в советском банке, потому что Роберт хотел издать книгу со своими партиями в СССР¹². Однако, став впервые чемпионом США, он отказался от спонсора по фамилии Бланкер, просившего упоминать его в интервью с благодарностью «за решающий вклад в победу», отказался получить 500 долл. от производителя роялей за фотографию с шахматами на рояльной крышке, категорически запретил своей матери продавать «кошельки Фишера», заказанные ею и уже изготовленные в Аргентине, – с золотым тисненым профилем и факсимиле 16-летнего гроссмейстера¹³.

Поездка в Москву состоялась лишь через год после приглашения. Фишер приехал со своей сестрой Джоан. Отношения с ней были много лучше, чем с матерью. Когда позже организаторы турнира в Монтевидео пригласят Фишера вместе с матерью, гроссмейстер попросит циркуль, воткнет его в точку на карте, обозначающую город, проведет окружность и объявит: «Ближе ее не подпускать!» Многочисленные экскурсии, культурная программа – все это Фишер категорически отверг. Из гостиницы он ранним утром приехал на Гоголевский бульвар в Центральный шахматный клуб и целыми днями играл блиц-партии, сокрушая своих партнеров.

И все же Фишер уехал недовольный: Ботвинник отказался с ним играть. Однако для советских шахматистов приезд Фишера оказался чрезвычайно полезным. По итогам этой поездки у советских шахматных функционеров сложилось представление о том, что угроза потерять шахматную корону для СССР

¹² Справедливости ради, заметим, что и в Америке ему не удалось издать ту книгу, но посещавшая вместе с ним издательство сестра Джоан познакомилась там со своим будущим мужем – вице-президентом издательского дома.

¹³ Brady F. Bobby Fischer: Profile of a Prodigy. N.Y.: Dover Publications, Inc., 1973. P. 30–31.

Б. Ланин

реальна. Была создана специальная группа по исследованию творчества Фишера и разработке рекомендаций для советских шахматистов, встречающихся с ним. В числе знатоков творчества Фишера были гроссмейстеры Ю. Балашов и Е. Васюков, помнившие наизусть едва ли не все сыгранные им когда-либо партии (хотя только официальный сборник насчитывает более 740 партий).

В 1970 году сборная СССР с минимальным преимуществом выиграла матч у сборной мира в так называемом «Матче века». Советскую команду должен был возглавлять Спасский, сборную мира – Фишер. Но он неожиданно уступил лидерство датчанину Ларсену, отсрочив матч со Спасским до 1972 года. Фишер выиграл свой микроматч у Петросяна (3:1).

Отлично работавшая в течение полувека советская шахматная машина начала давать сбои. В 1970 году гроссмейстер и профессиональный пианист Марк Тайманов проигрывает Фишеру четвертьфинальный матч претендентов со счетом 6:0. Государственная система была бессильна. Тайманов и Фишер просто играли в разные шахматы. Тренерами Тайманова были гроссмейстеры Васюков и Балашов. Свои глубокие аналитические разработки по Фишеру предоставил Ботвинник, прежде сам готовившийся играть с ним товарищеский матч. Во время одного из доигрываний тренеры Тайманова были уверены в ничьей: к выигрышу вели два десятка единственных ходов. Фишер же не анализировал отложенной позиции, все время находился на людях. Придя в турнирный зал, он быстро воспроизвел все необходимые ходы. Для Фишера они были органичны, он не понимал, как можно сыграть иначе. Тайманов, выступавший с фортепьянными концертами, стал для него легкой добычей. Еще до матча на вопрос, насколько силен Тайманов, Фишер ответил: «На рояле он играет прекрасно». Фишер ни-

огда не боялся опытного советского гроссмейстера. Однажды спросил его, сколько времени тот тратит на музыку. Услышав ответ: «Три-четыре часа ежедневно», Фишер недоумевал: ведь тогда ничего не остается на шахматы!

После матча Тайманов почувствовал на себе, каково оказаться под государственным катком. Его исключили из сборной СССР, лишили звания «Заслуженный мастер спорта» и государственной стипендии, фактически – зарплаты. Даже Ботвинник, не пожалевший для Тайманова своих разработок, уверял знакомых, что тот специально проиграл «всухую», так как сделал соответствующую ставку на тотализаторе. На обратном пути у Тайманова «при пристранно-придирчивом досмотре в московском аэропорту» был обнаружен «Раковский корпус» Солженицына и 1100 голландских гульденов (279,09 инвалютных рублей), которые президент ФИДЕ Макс Эйве передал гроссмейстеру Сало Флору за две опубликованные в Голландии статьи¹⁴. Конечно, дело не в книгах и не в «контрабанде». Шахматисты всегда привозили «интересные» книги. Начальник таможни, к которому был отведен провинившийся гроссмейстер, «сочувственно сказал: “Что же Вы, Марк Евгеньевич, так неосторожны. Сыграли бы с Фишером получше, я бы сам хоть полное собрание сочинений Солженицына донес бы Вам до такси...”»¹⁵.

Итоги матча разбирались на коллегии Спорткомитета в присутствии двух последних чемпионов мира – Тиграна Петросяна и действующего чемпиона Бориса Спасского. Накал риторики был столь высок, что Спасский воскликнул: «А когда мы все проиграем Фишеру, с нами тоже так будут разговаривать?», на что получил мрачный ответ Петросяна: «Тогда с нами будут разговаривать в другом месте».

В июле 1971 года был проведен специальный сбор при участии четырех

¹⁴ См. опубликованные документы со снятым грифом секретности: Партийный гамбит // Известия. 1992. 27 октября.

¹⁵ Тайманов М. Я был жертвой Фишера. СПб.: Шахфорум, 1993. С. 44.

Советско-американские шахматы

Карикатура из журнала «Чесс лайф». На столе газета с результатами матчей Фишера с Таймановым, Ларсеном и Петросяном. Рядом со Спасским – дебютные справочники на 1.e4. Напротив – генсек Л. Брежнев и премьер-министр А. Косыгин. Мудрый вождь спрашивает: «Но Борис, а что будет, если он не сыграет 1.e2-e4?»

крупных гроссмейстеров – И. Болеславского, Л. Полугаевского, Л. Шамковича и Е. Васюкова, – на котором был проанализирован опыт последних партий Фишера, включая матчи с Таймановым и Ларсеном. Итоговый доклад, и сегодня являющийся образцом шахматной методической мысли, был передан для подготовки Т. Петросяну и Б. Спасскому.

В ближайшие два года оба проиграли свои матчи Фишеру, и шахматная корона перешла к американскому шахматисту. В свое время Фишер никак не мог

решиться начать матч со Спасским, пока, наконец, ему не позвонил Генри Киссинджер, сделавший неформальное заявление от имени президента США. Один из исландских организаторов матча Г. Тораринссон вспоминал: «Киссинджер позвонил Бобби Фишеру и сказал ему: “Мы хотим, чтобы вы победили русских! Мы хотим, чтобы вы сразились за Америку!” <...> Прибыв в Рейкьявик, он заявил журналистам: “Я понял, что интересы моей страны выше моих личных интересов! Говорят, что этот чемпионат мира – матч столе-

Б. Ланин

Рейкьявик, 1972. Рисунок из книги: Воронков С., Плисецкий Д. Русские против Фишера. М., 2004.

тия, это битва свободного мира против лживых и лицемерных русских»¹⁶. После этого вдохновленный Фишер поспешил начать матч и даже принес извинения Спасскому.

Фишер опоздал на открытие, не пришел на вторую партию матча при счете 1:0 в пользу Спасского. Фактически давая фору в два очка, Фишер выиграл матч с огромным перевесом¹⁷. Свое поражение Спасский по горячим следам объяснял так: «Я оказался во власти гипноза, будто Фишер хочет сорвать матч, и, спасая это важнейшее соревнование, рас-

считывал на продолжение борьбы в духе чистых шахматных традиций. Это было большой психологической ошибкой»¹⁸.

Когда во время церемонии награждения Фишеру надоели речи, он вытащил карманные шахматы и начал что-то анализировать. В этом не было никакой рисовки: просто шахматы были для Фишера абсолютно всем на свете.

Позже он заявил: «Я не держу зла на русских шахматистов. Видите ли, дело не в них. Всею виной советские власти. И шахматисты тут ни при чем – у них просто не было выбора»¹⁹.

¹⁶ Цит. по: Воронков С., Плисецкий Д. Русские против Фишера. М.: Рипол Классик, 2004. С. 368–369.

¹⁷ Десятки книг описывают различные обстоятельства этого матча: Edmonds D., Eidinow J. Bobby Fischer Goes to War: How the Soviets Lost the Most Extraordinary Chess Match of All Times. Ecco, 2004; Soltis A. Bobby Fischer Rediscovered. Batsford, 2003; Hays L. Bobby Fischer. Second edition. Hays Pub., 1995; Agur E. Bobby Fischer: His Approach. Everyman Chess, 1992; Waitzkin F. Searching for Bobby Fischer: The Father of a Prodigy Observes the World of Chess. Penguin, 1993; Roberts R., Wyndham F., Alexander C.H.O., Fischer R., Spassky B.V. Fischer/Spassky: The New York Times Report on the Chess Match of the Century. Times Books, 1973; Darrach B. Bobby Fischer Vs. the Rest of the World. Stein & Day Pub., 1975; Denker A., Parr L. Bobby Fischer I Knew and Other Stories. Hypermodern Press, 1975; Donaldson J., Tangborn E. The Unknown Bobby Fischer. International Chess Enterprises, 1999; Gligoric S. Fisher Versus Spassky: Chess Match of the Century. Fontana, 1972; Alexander C.H.O. Fisher v. Spassky, Reykjavik, 1972. Penguin, 1972; etc.

¹⁸ 64. 1972. № 40. С. 2.

¹⁹ Цит. по: Воронков С., Плисецкий Д. Указ. соч. 4-я ст. обложки.

Советско-американские шахматы

Итак, Фишер вернулся на родину герою. Его пригласили в Белый дом, где он был принят президентом США. Фишер преобразил статус шахмат в Америке, да и во всем мире. Спасский позже называл его «председатель профсоюза профессиональных шахматистов»²⁰. Впервые они начали играть в нормальных помещениях, а не на задворках казино. Фишер изобрел электронные шахматные часы, которые позволяют добавлять время после каждого сделанного хода и таким образом избегать роковых случайностей цейтнота. Он заставил платить шахматистам полновесные призы. Конечно, и сейчас они уступают призам за победу в соревнованиях по боксу и теннису. Однако стоит напомнить, что призовой фонд матча Фишер – Тайманов был всего 3 тыс. долл., а матча Спасский – Фишер – лишь через год! – уже 125 тыс., к тому же английский банкир Слэйтер удвоил эту сумму накануне матча. Когда П. Керес, так и не сыгравший ни одного матча на первенство мира, узнал о том, что участники спорят о месте проведения матча, он воскликнул: «Да за такие деньги можно играть и на Северном полюсе!»

Роберт Фишер превратился в легенду.

После проигрыша Спасского вся государственная машина была направлена на воспитание «анти-Фишера». Таким должен был стать Анатолий Карпов. Заметим, что в 1972 году Спорткомитет отказался командировать его стажером на чемпионат мира в Рейкьявике. Безусловно, это был недальновидный шаг, так как именно Карпов вышел в 1975 году на Фишера. Однако этот матч так и не состоялся. Фишер никогда не защищал своего титула. Не добившись того, чтобы чемпион мира сохранял титул при счете 9:9 (требование, очевидно неспра-

ведливое, ибо заставляет претендента выигрывать матч с перевесом в два очка!), он отказался играть с Карповым и ушел из шахмат, как тогда казалось – навсегда. Он ушел непобежденным, и звание чемпиона мира без игры перешло к Карпову.

В этот период началось бегство крупных шахматистов в США: в течение нескольких лет уезжают гроссмейстеры А. Лейн, Л. Шамкович, не возвращаются с турниров В. Корчной и Л. Альбурт²¹, который вскоре становится одним из самых успешных шахматных тренеров, затем уезжает С. Палатник, и, наконец, звездная пара: чемпионы СССР Б. Гулько и А. Ахшарумова, семь лет жившие в отказе. Даже будучи без работы Гулько не согласился ни работать на Карпова, ни подписывать письмо против Корчного. Последним шахматным невозвращенцем стал вундеркинд Г. Камский, несколько лет входивший в тройку сильнейших шахматистов мира. После него официально уехали будущий чемпион США А. Ермолинский, любимец Таля юный гроссмейстер А. Шабалов, гроссмейстер Г. Кайданов и другие.

Когда в интернациональной компании шахматистов разгорелся спор, что же такое «советская шахматная школа», слушавший молча Спасский вдруг резко заявил: «Хватит глупости говорить. Я вам сейчас скажу, что такое советская шахматная школа. Это когда вы каждую партию играете так, как будто она у вас последняя в жизни!»²² Большинство участников национальной команды США 90-х годов родились в СССР. Они подтвердили высокий международный статус американских шахмат, равно как и уникальность феномена «советская шахматная школа». Наши победили.

²⁰ Бейлин М. Мои встречи в шахматном королевстве. М.: Терра-Спорт, 2003. С. 107.

²¹ См.: Лев Альбурт: «Мой час стоит сто долларов, звоните» (Запись Ю. Васильева) // Шахматы в России. 1995. № 4. С. 26–27.

²² Бронштейн Д., Воронков С. Указ. соч. С. 434.

Б. Ланин

В 1992 году югославский меценат Василевич предложил провести на своем острове неподалеку от Черногории матч-реванш на первенство мира между Спасским и Фишером и 5-миллионный призовой фонд. Для Спасского возможность получить почти два миллиона даже в случае поражения стала подарком судьбы. К счастью, Фишер согласился. Но Балканский конфликт был в самом разгаре, и Госдепартамент запретил ему играть этот матч в Югославии. На пресс-конференции в Югославии Фишер публично разорвал предупреждение Госдепартамента, предварительно плюнув на него. Впервые после 20-летнего перерыва он сел за шахматную доску. Фишер выиграл матч, но с тех пор не возвращался в Америку. Вскоре Василевич (как прежде Слэйтер) обанкротился²³.

Фишер жил какое-то время в Венгрии. Он выбрал эту страну из-за своего старого друга Андре Лилиенталя, отказавшись переехать в подаренный ему Кирсаном Илюмжиновым дом в Элисте. Однако здесь кроется еще одна загадка. Существует версия, что отцом Фишера, родившегося в 1943 году, был не Герхардт Фишер (с которым его мать не виделась с 1939 года и лишь теоретически могла встретиться с ним в Мексике в 1942 году), а венгерский инженер Пол Феликс Неменьи, переехавший в США в 1939 году. Во всяком случае, узнав о рождении сына у Регины Фишер, он начал ежемесячно пересылать ей деньги. Сын Пола по имени Питер также знал эту семейную тайну. В досье ФБР на Регину Фишер Пол Неменьи часто упоминается, в отличие от Герхардта Фишера.

Затем Фишер довольно свободно путешествовал по свету, в 1997 году полу-

чил новый паспорт. С 2000 года он поселился в Токио, где заключил контракт с корпорацией «Seiko Watch» на выпуск «противодействующих» шахматных часов по собственному дизайну. Однако 15 июля 2004 года Фишер был задержан в токийском аэропорту Нарита, после чего ему объявили о предстоящей экстрадиции в США.

Близкая подруга Фишера Мияко Ватаи, руководитель шахматной федерации Японии, обратила внимание общественности на то, что в 1992 году Фишер играл уже не с советским, а с французским шахматистом (Спасский к тому времени сменил гражданство). Главным арбитром матча был немецкий гражданин Лотар Шмидт. Хотя и Франция, и Германия поддерживали эмбарго против Югославии, претензий к своим гражданам они не выдвинули. Возможно, Фишер спровоцировал такое отношение к себе, неоднократно враждебно высказываясь в отношении США. Так, в прямом эфире филиппинского телевидения он восторженно отозвался о событиях 11 сентября 2001 года²⁴.

Исландская шахматная федерация создала сайт в поддержку Фишера www.freebobby.org, на котором собраны уже 1100 подписей гроссмейстеров и любителей шахмат с поддержкой великого шахматиста. Из места своего заключения в токийском международном аэропорту Нарита Фишер обратился к общественности с просьбой «предоставить ему политическое убежище в дружественной третьей стране мира». Его давний соперник Борис Спасский предложил выдать шахматы и поместить их с Фишером в одну камеру – за совершенное ими обоими 12 лет назад «преступление». Однако иммиграционные власти Японии приняли решение об экстрадиции Роберта Фишера.

²³ Подробнее об этом матче см.: *Shamkovich L., Cartier J.* Fischer – Spassky 1992. World Chess Championship Rematch. Everyman Chess, 1993; *Davies N.* Bobby Fischer: \$5,000,000 Comeback. Everyman Chess, 1992; *Seirawan Y., Stefanovich G.* No Regrets: Fischer – Spassky 1992. International Chess Enterprises, 1992; *Gufeld E.* Bobby Fischer: From Chess Genius to Legend. Thinkers Press, 2003; *Fishbein A.* Fischer: The Chess Career of Bobby Fischer (Chessbase University American Grandmaster Series). R & D Pub., 1996.

²⁴ См.: *Доспехов А.* Партия Бобби Фишер – США переходит в эндшпиль // Коммерсантъ-Daily. 2004. 23 июля. С. 13.

В продолжение темы

Единица

Приглашение прислать эссе на тему «Личность – история – творчество», или, как она формулировалась редколлегией на первых порах устно, «Проблемой современной самоидентификации», пришло ко мне с опозданием. Я не успел попасть в 5-й выпуск кеннановского «Вестника», но то, что прочел в нем, побудило послать несколько страниц вдогонку.

* * *

Самоотождествление, каждый знает по опыту, предприятие двухэтапное. Первый этап, в подавляющем большинстве судеб длящийся всю жизнь, – противопоставления себя другим. Это отталкивание от *всех* сопровождается – что одинаково важно и продуктивно для процесса – встречным отталкиванием: *всех* от нас. Мы занимаемся не столько собой, сколько *не-собой*, настойчиво и скрупулезно выстраиваем и уточняем то, что *не я*. Оно, по определению будучи косным до враждебности, своей неуступчивостью помогает нам в этом.

Второй этап, если вообще возникает, укладывается в гораздо меньший срок. Мы убеждаемся, что соответствуем имени, которое носим, – той звезде, которая зажглась при нашем появлении на свет и луч от которой никуда не девается и после нашей смерти. В этом случае дата и место рождения, хотя внешне и остаются «клеймом и гуртом», превращаются в знак нашей отдельности, непринадлежности ничему, кроме *я*. Так же как язык, среда обитания или культура, в которых мы участвуем, превращаются в окончательно личные

*Анатолий Генрихович Найман,
поэт, писатель,
Former Kennan Institute Short Term
Scholar*

А. Найман

и через это, строго говоря, исключительно индивидуальные. Как заметил Толстой, числитель – наши способности – становится равен знаменателю – нашим представлениям о себе: в результате, независимо от величины того и другого, человек становится единицей, целым. Обыкновенно такое самосознание приходит ближе к концу жизни.

* * *

Как схему, поиски и того, и другого – и оценки своего потенциала, и самооценки не без участия воображения – можно уподобить последовательности операций при подборе числа, тождественного некоей уже существующей, но еще не известной величине. Во-первых, оно не мнимое, не отрицательное, не целое, а среди действительных, положительных, дробных конкретно не это, не это и не это. Когда же оно чутьем наконец найдено и рассудком несомненно подтверждено, уже не имеет значения, что оно действительное и положительное и находится конкретно в этом месте числового ряда. Смысл случившегося прежде всего в том, что оно выражает именно *эту* величину.

Следует оговориться, что главная опасность, подстерегающая ставших на этот путь, – остановка. Когда представляется уже бесспорным, что ты и твое имя – одно, что ты и есть оно, поведение интуитивно начинает это тождество подтверждать. Человек ведет себя как тот, кто называется этим именем. Между тем оно не может иметь конечного выражения. Каждый следующий миг – это следующий шаг, приводящий к уточнению. Каждая новая цифра после запятой вызывает еще одну – подобно тому, как число π не укладывается в стихок «кто и шутя и скоро пожелаетъ пи число узнать ужъ знаетъ».

* * *

Уже из столь несовершенного описания очевидно, что природа самоотожествления – творческая. Для поколений моего, моих родителей и моих детей оно

начиналось, насколько я мог наблюдать, с выбора позиции относительно власти. Нельзя упускать из вида, что ситуация *выживания* – а она сплошь и рядом определяла действительность – убийственна для *творчества*. Тяга к самоопределению заменяется тягой к стаينности. Сопrotивление и преодоление насилия, казалось бы, всемогущего – это так называемый нулевой цикл, без которого немислимо постижение *собственной* судьбы. Правящий режим оптимально выражал себя в государстве, государство же выбрало приоритетом идеологию. Точнее, набор правил, а еще точнее, запретов, почти всегда неписанных. Чтобы не запутаться, имело смысл или принимать, или отвергать их все, без разбора. Принятие – на которое еще надо было получить позволение сверху – означало не только получаемые выгоды, но и разделение ответственности за действия власти. Отказ автоматически переводил в разряд «бедных, но честных». На языке идеологии выбор происходил между *советским человеком* и *антисоветским*. Разница между ними была, по существу, не в самом содержании, более или менее одинаковом у того и другого, а в знаке плюс или минус, которые они ставили перед содержанием.

На практике же в выбор вмешивалось могучее силовое поле *несоветского*. За исключением относительно небольшого процента идейных, экзальтированных идейных и натаскивающих себя на идейность людей, основная масса *советских* и много меньшее, хотя и не такое уж малое, число *антисоветских* были ни то, ни другое. Проявлялась нормальная отчужденность индивидов, искусственно втягиваемых в стороннюю для них сферу. Несоветскость была и более органична, и натуральна. При тотально сбитых и тем не менее предлагаемых для руководства в обыденной жизни мерках, она еще не значила порядочность, но, по крайней мере, задавала курс на нее. («Не потому я тебя люблю, что ты воруеть, – сейчас все воруют. И не потому, что блудишь, – сейчас все на сто-

рону ходят. И не потому, что сексот, – сейчас все стучат. А потому я тебя люблю, что ты кристальный ленинец».)

* * *

Другое притяжение, так или иначе ориентировавшее каждого, исходило от принадлежности поколению. Его влияние было сильнее и неотменимее, поскольку навязывалось не политикой, всегда временной, а временем как таковым. У наших родителей была закваска начала века, у нас – эпохи террора и войны, у наших детей – названия вещей не своими именами. Соответственно складывались и представления о подлинности и фиктивности. Наше поколение жило, в общем, в убеждении, что а) при царе было хорошо и б) сейчас все вранье. Если мы слышали от отцов, что горбатиться на хозяина еще хуже, чем на государство, это сейчас же объяснялось их запуганностью или ангажированностью. Если читали в газете, что американцы выжигают напалмом вьетнамские деревни, это автоматически записывалось в разряд пропаганды.

Портрет поколения вырабатывался постепенно. «Физики и лирики», печать таинственности на сверстниках-атомщиках, романтика геологов, авторская песня, шестидесятники. Уточнение позиции, размежевание проходило по трудно уловимым линиям: я такой потому, что поколение такое, я – его выразитель; и – поколение такое потому, что я такой, я и есть поколение. Василий Аксенов – шестидесятник, Венедикт Ерофеев – нет, хотя действовали в одни годы. Москва 1960-х – шестидесятническая, Ленинград – нет, хотя и там и там были чужаки, представители другого лагеря. Литобъединение Горного института в Ленинграде выбрало пригласить к себе не Ахматову, а Ольгу Бергольц: выражаясь символически – не «жизнь прошлым», а «жизнь современностью». Разделялись и по предпочтению истоков. Та же Ахматова записала тогда в дневнике: «Дети пришли, нашли стихи Осипа Мандельшта-

ма и сказали: это наш поэт». Были и другие дети, которые сказали так про Хармса.

* * *

В систему координат идеологических, опосредованно – политических, вписывались не менее, хотя и по-другому расплывчатые классовые. Эти сводились не к декларированному пролетариату и крестьянству с пристегнутой к ним интеллигенцией, а к количеству и качеству реальных привилегий или же лишений. Высшая пенсия у городского человека была 120 рублей; у деревенской старухи, всю жизнь почти бесплатно проработавшей на колхоз, – 12 рублей; у крупного номенклатурного начальника могла доходить – суммарно – и до 1200. Соответственные и зарплаты. Но, несмотря на такую вызывающую разницу, все три находились внутри одного экономического и культурного пространства. Классовых, тем более сословных, *противоречий* не существовало, даже материальные были относительно сглажены. Радио, впоследствии телевидение, доставалось одно и то же генеральному секретарю и бойлерщику ЖЭКа. У одних был стульчак с подогревом, у других дощатый сортир во дворе, но отхожим местом были, так сказать, обеспечены все. Возможно, имеет смысл предложить такую формулу: гражданам СССР предлагалось записаться в один из двух метафизических классов – тех, кто, отдавая себе в этом отчет или не отдавая, ест из чужих рук, и кто предпочитает худо-бедно кормиться самостоятельно. Граница между ними постоянно размывалась, переход из одного в другой мог произойти незаметно для человека и не по его воле. В частности, работник искусств, который на предлагаемых властью условиях вчера печатался, выставлялся, исполнялся, не говоря уже, сами условия вырабатывал, завтра в наказание за поступок или высказывание, расцененные как наплевательские относительно

А. Найман

этих условий, вылетал из всех издательств, выставок, консерваторских залов и в конце концов, действительно, плевать на них хотел.

* * *

Совершалась также идентификация и, как говорили тогда, «по национальному признаку». Эта и хотела бы, не могла не совершаться. Чем чаще проносилось широковещательно «дружба народов» и «многоязычная братская семья», тем злее становился шовинизм и – под спудом – национализм. «Да мы их стоя писать научили!» – русские про республики Средней Азии. «Говорите по-русски!» – на улицах Прибалтики. Ответной реакцией было, кроме неприязни, граничащей с ненавистью, – «держаться вместе». Однако внутри национальных, обеспеченных этой центристремительной тенденцией единств шло то же центробежное расслоение, что и в «Москве». Местное население вступало / не вступало в партию, в разрешенные, при этом постоянно нацеленные на то, чтобы перейти черту, патриотические, краеведческие, фольклорные организации, в открытое диссидентство. Это создавало сложные и забавные коллизии вроде того, что, скажем, латыш – член Коммунистической партии мог и внутренне, и чуть ли не официально считать себя русским, правда, беспартийным. Но даже у тех, кто сознательно брал курс на ассимиляцию, волей-неволей обострялось чувство крови.

Похожая запутанность обнаруживалась и в области религии. С точки зрения и власти, и общества – какую бы степень сервильности или независимости оно ни выражало, – верующий выглядел прежде всего инакомыслящим. Государство записывало такого, естественно, в неблагонадежные, и, ходя в церковь, он это сознавал и на это соглашался. В дело вмешивалась и традиция:

еврей или татарин, принявшие православие, числились среди «своих» отступниками, даже если до того были атеистами и к вере абсолютно индифферентны. Для христиан-славян они навсегда оставались хоть чуть-чуть, а чутьжими. Иначе говоря, они шли на удвоение своей социальной недостаточности. В то же время на Западе господствовало убеждение, что этот шаг сделан ими ради того, чтобы компенсировать их нерусскость.

* * *

Таковы, огрубленно, главные направления, по которым личность методом анализа и проб продвигалась к своей идентичности в описанное время. Понятное дело, в журнальном очерке не ставится задача охватить подобную картину целиком. Остается несколько аспектов не только не рассмотренных, хотя бы так же поверхностно, как перечисленные здесь, но вообще не затронутых – тех, что можно назвать, весьма условно, второстепенными. Отношения семейные, половые, профессиональные, ведомственные. С одной стороны, более частные, с другой – менее специфически присущие именно этой, а не любой эпохе.

Намеренно не включено в рамки беглого обзора и самое интересное в становлении индивидуальности – то окончательное совпадение с именем, о котором упомянуто в начале. Не включено опять-таки как частное: у одного оно случилось через озарение, у другого – через созерцание, у третьего – через крах, у четвертого – через самопожертвование, подвиг, и так далее. Из свидетельств на эту тему состоит библиотека мировой литературы. Среди относительно недавних – и самых достоверных – не только героика «Колымских рассказов», но также и книга Бродского, которая не случайно называется «Меньше единицы».

Хроника

Календарь событий весны – лета 2004 года

Встреча выпускников

19 апреля 2004 года, г. Москва

Московский международный дом музыки

Ежегодный вечер встречи выпускников Института Кеннана

Лекция

20 апреля 2004 года, г. Москва

Американский центр

Сообщества международных мигрантов в странах бывшего СССР

Блэр А. Рубл, директор Института Кеннана

Конференция

2–4 июля 2004 года, Московская область

Учебный центр Российского государственного

социального университета «Доброе»

Российско-американские отношения в условиях глобализации

Российско-американские отношения в условиях глобализации

2–4 июля 2004 года в Подмоскowie состоялась девятая конференция выпускников Института Кеннана. Она была посвящена российско-американским отношениям в условиях глобализации. Выбор этой темы не случаен – свой ежегодный научный форум кеннановцы решили приурочить к 70-летию восстановления дипломатических связей США с Советской Россией, 100-летию посла Дж. Ф. Кеннана и 30-летию Института Кеннана.

По традиции на конференцию были приглашены не только те, кто стажировался в Институте, но и Alumni других обменных программах, финансируемых Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США. Среди 70 участников из 23 городов России¹ были специалисты в разных областях – историки, социологи, политологи, экономисты, дипломаты, юристы, журнали-

сты и даже литературоведы. Такой междисциплинарный подход позволил рассмотреть многие аспекты взаимоотношений России и США под разными углами зрения.

На пленарном заседании выступили руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН академик Николай Болховитинов, главный редактор журнала ми-

¹ Барнаул, Владивосток, Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Йошкар-Ола, Москва, Новороссийск, Новосибирск, Омск, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Славянск-на-Кубани, Томск, Тула, Челябинск, Ярославль.

ровой политики «Космополис» Денис Драгунский и посол Анатолий Адамишин. Их доклады были посвящены соответственно историческим связям двух стран, проблеме формирования новой национальной идентичности после конфронтации и перед лицом угрозы терроризма, а также комплексу вопросов, которые возникают в двусторонних отношениях в контексте борьбы с этим явлением.

Эти и многие другие темы обсуждались в последующие два дня на заседаниях пяти секций: «Культурно-ценностные основы российско-американских отношений», «Российско-американские отношения сквозь призму истории», «Геополитические и экономические аспекты современных российско-американских отношений», «Сотрудничество или соперничество на постсоветском пространстве», «Борьба с терроризмом: российский и американский подходы».

Один из выводов, который можно было сделать, послушав доклады на самые разные темы, состоит в том, что исторически, геополитически, экономически и культурно наши страны имеют особую значимость, притягательность друг для друга. В истории их отноше-

ний – как периоды плодотворного сотрудничества и помощи, так и целая эпоха противостояния. И в Соединенных Штатах, и в России существует множество мифов относительно друг друга. Развеивать эти мифы, показывать точки соприкосновения и искать сферы возможного взаимодействия – достойная задача специалистов и исследователей в области гуманитарных и общественных наук.

Благодарим всех, кто способствовал организации и успешному проведению конференции: Лоренса Уолерса, Дебору Сиссбаро, Наталью Митусову, Анну Поплавко и других сотрудников Посольства США в Москве, директора Программы Фулбрайт в Российской Федерации Эда Рослова, членов оргкомитета Юрия Батурина, Владимира Якимца и Дениса Драгунского, а также ведущих пленарного и секционных заседаний Александра Кубышкина, Вильяма Смирнова, Ольгу Волкогонову, Людмилу Попкову, Ивана Куриллу, Ольгу Буторину, Виктора Супяна, Ревекку Вульфович, Эмиля Паина и Сергея Бабуркина.

Екатерина Алексеева

Совет Товарищества

Батурин Юрий Михайлович

*председатель, д.ю.н., летчик-космонавт
Московская обл., Звездный городок*

Вульфович Ревекка Михайловна

*д.политич.н., профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Северо-западной академии госслужбы
г. Санкт-Петербург*

Дежина Ирина Геннадьевна

*к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики
переходного периода
г. Москва*

Кубышкин Александр Иванович

*д.и.н., профессор кафедры региональных исследований
и международных отношений
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Якимец Владимир Николаевич

*заместитель председателя, д.социол.н., к.т.н.,
ведущий научный сотрудник
Института системного анализа РАН
г. Москва*

Вести с Woodrow Wilson Plaza

Лето – горячая пора

Если вам когда-нибудь повезет получить полугодовой грант Программы Фулбрайт и Института Кеннана, то перед вами окажется выбор: начинать свою заокеанскую часть жизни в сентябре, чтобы закончить ее в марте, или сделать ровно наоборот.

Преимущества осенне-зимнего варианта понятны: вы синхронизируете свое пребывание с учебным годом в американских университетах, а значит, получаете возможность принять участие в многочисленных конференциях и семинарах, прочесть кучу лекций в различных учебных заведениях и, что немаловажно, получить за это так называемый «modest honorarium». Кроме того, на этот период приходится и наиболее активная часть политического года со всевозможными сенатскими и прочими слушаниями, презентациями, открытиями, закрытиями, награждениями, присуждениями и т.д. и т.п. Наконец, не будем сбрасывать со счетов и климатический фактор: вашингтонская зима куда мягче российской, тогда как вашингтонское лето лишь незначительно уступает традиционной русской бане по температуре, но зато превосходит по влажности.

Правда, у весенне-летнего варианта тоже есть свой плюс, а именно: в этот период никто и ничто не будет отвлекать вас от работы в тиши и прохладе Библиотеки Конгресса или, скажем, Национальных архивов. Кроме того, поскольку в Международном исследовательском центре имени Вудро Вильсона, в состав которого входит Институт Кеннана, все нормальные люди

Михаил Александрович Федотов,
доктор юридических наук, профессор,
вице-президент Фонда ИНДЕМ,
Fulbright-Kennan Scholar (2004)

М. Федотов

тоже предпочитают иметь отпуск летом, постольку и здесь вашим уединенным занятиям ничто не мешает. Правда, с другой стороны, вам гарантированы дефицит профессионального общения и невероятные трудности в организации встреч с интересующими вас чиновниками и экспертами, ибо все они предпочитают реализовывать свое право на отдых тоже летом и тоже вдали от своих офисов.

Именно так рассуждал я, отправляясь в конце марта на полгода в Институт Кеннана. После бесконечной московской суеты хотелось покоя и тишины, уединенного кабинета с книгами, компьютером, Интернетом и возможностью в обеденный перерыв забежать в один из ближайших (а они тут все – ближайšie) музеев.

Однако лето 2004 года выдалось в Институте Кеннана таким же горячим, как и прочие времена года. В чем причины? Во-первых, думаю, в том, что предвыборная президентская гонка уже к началу лета успела набрать высокие обороты, и Вильсоновский центр, естественно, не мог оставаться в стороне, поскольку изначально был задуман как солнечное сплетение интеллектуальных сил современной политологии. Нет, здесь, конечно, не проводились предвыборные мероприятия, но общее напряжение межпартийной борьбы не могло не сказаться на общей атмосфере.

Во-вторых, одним из главных центров политической активности стала в это время так называемая «Комиссия 9/11», созданная Конгрессом и президентом США на паритетной двухпартийной основе для расследования обстоятельств террористической атаки 11 сентября 2001 года. Если принять во внимание, что заместителем председателя Комиссии 9/11 был не просто представитель Демократической партии, а именно Ли Хамилтон, директор Вильсоновского центра, то становится понятно, почему Институт Кеннана и другие структуры Центра особенно активно работали все это лето. Причем

не на сиюминутные политические заказы, а на проекты, которые призваны принести стратегические и глобальные результаты.

Конечно, проект моего соседа по офису Сергея Журавлева, на первый взгляд, не рассчитан на глобальный эффект. Ну какой, казалось бы, смысл ворошить истории американцев, ставших жертвами сталинского режима в 20–30-х годах прошлого века? А он, бедолага, перетряхивает архивные папки, чтобы найти документы, которые можно было бы состыковать с российскими архивными материалами и в конечном итоге установить... Установить что? Где, когда и по какому надуманному основанию был лишен жизни тот или иной владелец американского паспорта?

Да, мой коллега по Институту Кеннана может теперь ответить на эти вопросы. Но он не может – с гуманистических позиций сегодняшнего дня – объяснить ту холодность, которую проявляли американские власти к жалобам своих граждан, попавших в лапы сталинских инквизиторов и моливших тогдашний госдеп помочь им вернуться домой, за океан. Видимо, у госдеповских чиновников того времени опасение заразить Америку «большевистской чумой» было сильнее, чем чувство ответственности за каждого соотечественника, оказавшегося в беде за рубежом.

Конечно, история ведет счет не единицами человеческих судеб, а сотнями тысяч, если не миллионов. Но все-таки каждый проживает именно одну, единичную жизнь, и равнодушие к каждой отдельной судьбе в конечном итоге вырастает в огромную проблему. Вот почему мне кажется столь важной американская работа российского историка Сергея Журавлева. Вот почему я не удивляюсь, встречая его в кеннановских коридорах во внеурочное время, по субботам и воскресеньям: человек работает на общее благо, не надо ему мешать.

Хочется надеяться, что и мои скромные исследования имеют некоторый шанс не остаться просто академическим

мудрствованием об особенностях общественного телевидения в США, а помогут реализоваться гражданской инициативе Союза журналистов России по созданию общественного телерадиовещания в нашей стране на федеральном, региональном и локальном уровнях. К слову сказать, даже расслабляющая летняя жара не помешала специалистам собираться в Институте Кеннана, Гарвардском университете, Университете Висконсин-Мэдисон и в других научных учреждениях для обсуждения вопроса: возможно ли общественное вещание в России. Слишком важен сегодня этот вопрос для судьбы российской демократии, а следовательно, в конечном итоге – для судеб многих и многих. Людей, народов, правительств...

Стоит ли после всего этого удивляться, что на небосклон Института Кеннана – даже в летние месяцы – захаживают звезды самой первой величины? Одна из них – Мадлен Олбрайт, занимавшая во времена Билла Клинтона сначала пост постоянного представителя США при ООН, а потом и государственного секретаря. Конечно, сегодня она не находится у руля государства. Но для людей такого уровня отставка является не изгнанием с Олимпа, а переходом на другие его круги. Вот почему к ее соображениям и сегодня прислушиваются главы государств и правительств. Тем более что прислушиваться есть к чему.

На первый взгляд, выступая в Вильсоновском центре, Мадлен Олбрайт говорила исключительно о книге своих воспоминаний «Madam Secretary: Memoir». Однако сама эта книга являет собой не только рассказ о судьбе чешской девочки, вывезенной в Америку, подальше от ужасов коммунистического режима, и занявшей впоследствии ранее не достигаемый для женщин пост в традиционно мужской сфере деятельности – внешней политике и национальной безопасности. Перелистывая страницы истории девятидесятых годов, автор предлагает свое видение событий, свое понимание важней-

ших проблем современного мироустройства. Вот почему у участников этой встречи было столько вопросов к госпоже Олбрайт, причем в основном не о прошлом, а о настоящем и будущем: о роли США в глобальной политике, перспективах ближневосточного урегулирования, расширении НАТО, отношениях с союзниками, реформировании ООН и т.д.

Не буду, конечно, пересказывать всех ответов госпожи Олбрайт. Но уже один только ее тезис о межпартийных различиях в оценке российско-американских отношений дорогого стоит. Если республиканцы, по ее мнению, готовы дружить с российскими властями на любых условиях, то демократы – не на любых, поскольку для них важно продолжение трансформации России в правовое государство с современной рыночной экономикой. Только такое государство может быть надежным союзником США в борьбе с глобальной террористической угрозой.

Не менее важен и тезис госпожи Олбрайт о необходимости укрепления отношений с союзниками. Конечно, без США сейчас в мире ничего не происходит, подчеркнула она, но это не значит, что Америка должна в одиночку нести свое бремя ответственности. Напротив, Америка становится сильнее, когда опирается на поддержку союзников, а не пытается расколоть их, противопоставив «новую» Европу «старой». Вот почему для стратегических интересов США важно использовать и усиливать существующие международные организации, а не пытаться их игнорировать.

В формате книжной презентации прошла этим летом и встреча с директором Библиотеки Конгресса Джеймсом Биллингтоном. Будучи одним из крупнейших американских специалистов по российской истории, он представил свой новый труд «Россия в поисках себя», посвященный, в первую очередь, современному состоянию нашего общества и государства.

М. Федотов

К этой же теме обратился Питер Ставракис в своем докладе «Власть, богатство и идентичность в современной России». Недавний сотрудник Института Кеннана, а ныне профессор Университета национальной обороны и Вермонтского университета, господин Ставракис отметил, что западные ученые не смогли правильно понять происходившие в постсоветской России перемены, поскольку не улавливали принципиального различия между Россией и Западом. А это различие он усматривает прежде всего в том, что в нашей стране государство всегда более глубоко проникало в повседневную жизнь людей, чем это происходило и происходит на Западе.

После распада Советского Союза, по его мнению, была надежда на то, что государство сократит свое влияние на жизнь людей до приемлемого уровня, чтобы граждане смогли обрести свою идентичность вне связи с властью, стать более независимыми от нее, а значит, более самостоятельными в своей экономической деятельности и политическом

выборе. Однако последующие события показали, что бюрократия крайне неохотно оставляет свои позиции и, напротив, пользуется любой возможностью для их укрепления и расширения.

Правда, профессор Ставракис нашел и немало оснований для оптимистических прогнозов. В частности, он опроверг утверждения некоторых ученых о том, что россияне авторитаризм предпочитают демократии. По его мнению, просто наши соотечественники предпочитают адаптироваться к существующим порядкам, а не пытаются изменить их. Причем в этом может быть как залог стабильности, так и одна из причин стагнации. В то же время докладчик высказался за продолжение исследований политических, экономических и социальных проблем современной России, поскольку она сохраняет свое место как среди приоритетов американской внешней политики, так и в мировом сообществе в целом.

И с этим безусловно согласны все, кто так или иначе входит в большую семью Института Кеннана.

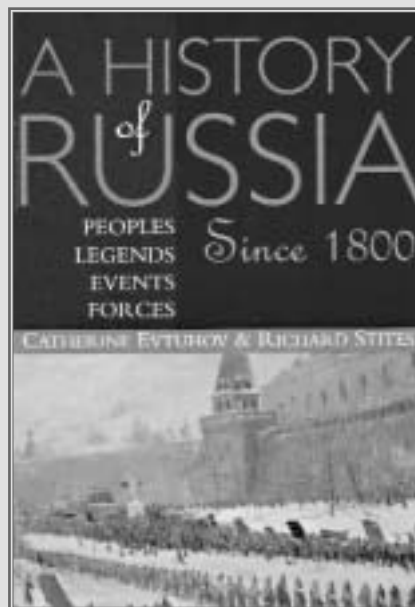

КНИГИ

История России в европейском контексте

На предстоящем в 2005 году Международном конгрессе исторических наук в Сиднее одно из специальных заседаний предполагается посвятить обсуждению темы «Учебники: от нарратива нации к нарративу граждан», что в очередной раз показывает значимость проблемы создания учебной литературы по истории. В этот процесс все чаще вовлекаются профессиональные историки, наглядным примером чего стала публикация нового учебника по истории России авторитетных исследователей из Джорджтаунского университета Екатерины Евтуховой и Ричарда Стайтса. Е. Евтуховой написаны гл. 1–3 (1796–1855), 6–13 (1855–1914) и 28 (российская эмиграция в XX веке); Р. Стайтсом – гл. 4–5 (российские общество и империя в 1800–1861 годах) и 14–27 (от Первой мировой войны до президентства В.В. Путина). Уже само название: «История России с 1800 года: народы, легенды, события, движущие силы» выделяет этот учебник из длинного ряда подобных сочинений на английском языке, помогает точно расставить акценты и определить иерархию авторских приоритетов. Отличительной чертой книги является принципиальный отход от русоцентризма и подчеркнутое внимание ко всем народам, участвовавшим в созидании общероссийской истории.

Выбор авторами исходного хронологического ориентира объясняется сверхзадачей книги – представить картину исторического развития России как европейской державы. Россия по настоящему вошла в Европу при Екате-

Евтухова Е., Стайтс Р. История России с 1800 года: народы, легенды, события, движущие силы.

Evtuhov C., Stites R. A History of Russia: Peoples, Legends, Events, Forces Since 1800.

Boston – N.Y.: Houghton Mifflin Company; 2004. 532 p.

В. Носков

рине II, в царствование которой свершилась Французская революция. С нее авторы и начинают российский «долгий девятнадцатый век», или «европейский век России», хотя и датируют его 1796–1914 годами (с. 1). Эпоха Великой Французской революции, включая и Наполеоновские войны, действительно явилась тем временем, когда Россия стала наконец Россией в современном смысле слова, постепенно трансформируясь в империю нововременного типа, истории которой посвящена первая часть книги.

Другой заданный авторами ориентир – историографический. В первой же строке предисловия они обращаются к авторитету Марка Блока. Нередко сноски на него носят ритуальный характер, но в данном случае память знаменитого французского историка потревожена не напрасно. Впрочем, ссылка на автора «Апологии истории» – не единственный ориентир в океане исторического знания, в чем легко убедиться при дальнейшем знакомстве с текстом. «Новая» (для того времени, когда она считалась таковой) экономическая и социальная история в различных ее проявлениях также входит в историографический арсенал авторов. Например, гл. 4 «Российское общество и повседневная жизнь в полумраке крепостничества, 1800–1861» написана в традициях англо-американской «социальной истории», сформировавшейся под влиянием уже следующего поколения «Анналов». Глава выделяется на фоне окружающих, выдержанных в более традиционном, большей частью культурологическом духе, но и здесь мы находим важное указание на культурные сокровища, которые накапливались в помещичьих усадьбах. Это был целый пласт русской культуры, безвозвратно утерянный после 1917 года и потом надолго забытый историками. Особый раздел главы посвящен также провинциальным городам России, само существование которых обычно игнорировалось авторами «больших нарративов».

Не чужд авторам и социоисторический подход в духе Э. Хобсбаума, призванного коллег от изучения аморфной «социальной истории» переходить к более конкретной «истории общества». Российская империя в своей последней стадии, по мнению Е. Евтуховой и Р. Стайтса, «может рассматриваться как вариант» того общего сценария имперского развития, который был нарисован этим британским историком. Глава об экономическом развитии России конца XIX – начала XX века написана под несомненным влиянием давно превратившейся в анахронизм теории «модернизации», хотя авторы относятся к трудам ее основоположников с изрядной долей критики. Еще более критически они оценивают теорию «тоталитаризма», указывая на ее бесполезность и даже контрпродуктивность при изучении конкретных режимов, объявленных «тоталитарными». Сложная историческая реальность действительно не поддается объяснению с помощью столь примитивных политологических теорий, что наглядно показано при сопоставлении сталинизма с нацизмом.

Авторы решительно ставят на центральное место в исторических исследованиях историю культуры. При этом «культура» понимается здесь в самом широком, современном смысле этого слова, во всех возможных ее проявлениях, раскрытых в мировой историографии последних лет. «Новая интеллектуальная история» также оказала свое воздействие на творческую манеру авторов. Больше, чем обычно, внимания уделяется в книге «чувству места» и вообще географическим аспектам истории – опять же, в самом современном их понимании. При характеристике Российской империи, например, учитывается ее «воображаемая география», изучение которой относится к числу наиболее перспективных направлений современной исторической географии. Не упускаются из виду и геополитические аспекты российской истории. В полной мере используются возможности исторической

История России в европейском контексте

компаративистики, поскольку, как отмечают авторы, нынешний «интерес к мировой истории обеспечивает широкий компаративный контекст». Следует также отметить пристальное внимание авторов к «исторической памяти». Напомним, что проблемы ее изучения были одной из основных тем на последнем Международном конгрессе исторических наук в Осло, где работала специальная секция «Память и идентичность».

И, наконец, красной нитью через весь текст проходит тема исторической мифологии, которая станет основной на следующем Международном конгрессе исторических наук в Сиднее. Мифологическое измерение российской истории показано в полном объеме – начиная с изображения А.В. Суворова в военной мифологии России до созданного советской пропагандой мифа о научно-технической революции. Рассматриваются российский монархический миф и различные «мифологии империи»; «влиятельный миф о декабристах как героических борцах за свободу», принявший экзальтированные формы в советской мифологии, и сибирские «мифы всякого рода»; процессы мифологизации штурма Зимнего и Октябрьской революции в целом; а вся советская повседневность изображается как колоссальный театр, порождающий собственные мифы. При этом авторы не ставят своей целью разоблачение мифов как таковых. Они скорее скрупулезно фиксируют их наличие в историческом сознании и воспринимают их как объект серьезного изучения, равноценный с реальными событиями. Авторы, с одной стороны, исподволь избавляют от незаслуженного ореола такие мифологизированные фигуры российской истории, как А.М. Горчаков, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, а с другой стороны, отдают должное К.П. Победоносцеву, которого, наряду с Витте, считают «символом нового периода русской истории».

Таким образом, рецензируемая книга написана с учетом всех важнейших историографических направлений и тен-

денций последнего времени. Следует, правда, оговориться, что внешнеполитические аспекты российской истории освещаются с более традиционных, а иногда даже архаичных позиций. Чувствуется, что история международных отношений – малознакомая авторам стихия. Примечательно, что они исключают из рассмотрения военную историю как таковую, показывая только общеисторическое значение важнейших военных событий или процессов, порожденных войнами. Война предстает как комплексное, многомерное, не сводимое к чисто боевым действиям явление. Широкая историографическая культура, продемонстрированная авторами, основана на сочетании традиционализма и последних историографических новаций. Этим объясняется некоторый эклектизм, ощущающийся при внимательном прочтении книги, который можно охарактеризовать как «разумный эклектизм», поскольку при такой многоплановости изучаемого объекта невозможно придерживаться какой-то единой методологии. В построении текста порой не хватает органичности, но это вряд ли решаемая задача в нарративе такого масштаба и сложности.

В предисловии авторы обещают пересмотреть историческое прошлое России под новым углом зрения и во многом оправдывают ожидания читателя. При этом пересмотр истории с позиций современности не становится для них самоцелью. Здесь нет и следа пресловутого «презентизма». Авторы лишь стремятся дать цельное представление об истории России, отвечающее современным потребностям. В методологическом плане они ставят своей целью «сконструировать нарратив». Но это не «конструктивизм» в постмодернистском смысле и не «нарративизм» в духе «лингвистического поворота». Свою задачу авторы видят в том, чтобы выстроить такой нарратив, который, представляя «ясную и сбалансированную хронологию основных событий, включает в себя те аспекты истории, которые в наибольшей степени

В. Носков

пленили воображение нынешних студентов и историков». Обратим внимание, что введенное в оборот Р.Дж. Коллингвудом и развитое Х. Уайтом понятие «историческое воображение» выдвигается здесь на первый план. При этом речь идет о воображении не только историков, но и людей, история которых изучается историком (то, что Коллингвуд очень точно определил как «воображение воображаемого»).

Авторы стремятся сбалансировать «политический нарратив и экономическую историю с исследованием повседневной жизни, социальных ролей и идентичностей, культурной динамики и гендерных проблем». Постановка задачи, как видим, вполне современная и решается она в целом удачно, насколько это вообще возможно в учебной литературе. Следует отметить точность и осмысленность используемой авторами терминологии, как традиционной, так и самой новейшей. При этом их отличает вполне инструментальный подход к применению понятий, недавно вошедших в историографическую моду (прежде всего категорий «гендер» и «идентичность»), а не их бездумное заимствование, что происходит гораздо чаще.

Книгу Е. Евтуховой и Р. Стайтса с полным основанием можно было назвать «Россия и Европа: двести лет вместе», поскольку сверхзадача авторов заключается в том, чтобы представить Россию в качестве европейской державы. История России разворачивается в европейском контексте, в постоянном сопоставлении с европейским Западом. В связи с этим принципиально важно, как показано зарождение оригинальной русской культуры, сформировавшейся в первой половине XIX века. Авторы подчеркивают, что такие переломные моменты истории, как Французская революция и Наполеоновские войны, становились временем интенсивного духовного творчества и расцвета культуры. Не являлась исключением и Россия. Это «было время национального самоопределения для России, когда кризис идентичности сто-

летия, открывшегося с Петром I, начал кристаллизоваться в осознание Россией своего места в мире». Наступал «золотой век» русской культуры, которая, отличаясь самобытностью, включала в себя не только традиционное наследие (прежде всего православный «апокалипсизм» XVII века), но и элементы западноевропейской культуры того времени. Результатом стала «оригинальная, синкретическая культура с огромным творческим потенциалом».

Заслуживающей внимания, в контексте данного нарратива, представляется тема «Россия и революции 1848 года», поскольку это был момент теснейшей связи западноевропейской и российской истории. Разразившаяся вслед за тем Крымская война показана как «полномасштабная Европейская война», что обычно недооценивается в исторической литературе. Подчеркивается большое значение голода 1891–1892 годов, которое не получило должного отражения в существующей учебной литературе. Между тем эти трагические события стали вехой в отечественной истории и дали сильнейший импульс к переменам буквально во всех сферах российской жизни. Важное место в книге занимает имперская тема. Империя предстает как многомерное явление, во множестве его внешних и внутренних аспектов. Сам термин «империя» используется авторами нейтрально, в отличие от либеральных сочинителей, которые превратили его из категории исторического исследования в пропагандистский ярлык с однозначно негативным значением. Показана также специфика Советской империи по сравнению с собственно Российской.

«Культурный взрыв» в России начала XX столетия рассматривается в тесной взаимосвязи с развитием мировой культуры. Указав на специфические национальные особенности этого феномена, авторы вместе с тем проследили, насколько глубокие корни русский ренессанс «серебряного века» имел в духовной и интеллектуальной истории

История России в европейском контексте

человечества – вплоть до античности и самых «начал истории». Творцы «серебряного века» «стремились опереться на самые основополагающие элементы мировой культуры, которые они искали в истории, и, делая это, прочно утвердить свое собственное творческое предприятие в этой универсальной традиции». В связи с революцией 1905 года ставится проблема самосознания эпохи и осмысления современниками происходящих на их глазах исторических перемен. Перипетии первой русской революции, замечают авторы, относятся к числу «наиболее отрефлектированных и самоосознанных в современной европейской истории».

В главе о Первой мировой войне, помимо привычных сюжетов, упомянуты геноцид армян в Турции и среднеазиатское восстание 1916 года, что не часто можно встретить в литературе учебного назначения. Освещение событий 1917 года, особенно октябрьских, отличается наглядностью и точно выверенными оценками как революции в целом, так и отдельных ее эпизодов. В истории Гражданской войны намного больше места, чем в существующей литературе такого рода, отводится «зеленым», в связи с чем ставится более общая проблема «народного антикоммунизма». Таким образом, происходит обогащение привычной красно-белой картины, которая оказывается гораздо более многоцветной. Применительно к Средней Азии вводится специальный раздел о басмачах, что еще больше расширяет палитру. Значительный интерес представляет также рассмотрение проблемы «бывших людей» после социалистической революции.

Советский период российской истории трактуется в целом как отступление из Европы – но все же в постоянном сравнении с нею. Россия как Европа – вот объект исследования авторов, ведь даже «большевики были европеизированной элитой», что продемонстрировал Р. Стайтс в своих предыдущих работах. Сложнейшая диалектика советской истории получила благодаря этому адекват-

ное освещение. Очерк о повседневной жизни в Советской России представляется более удачным (благодаря показу исторической динамики), чем аналогичный раздел о 1800–1861 годах. Излагая советскую историю, особое внимание авторы уделяют национальным меньшинствам и политике поощрения их культурного развития. Этот процесс определяется ими как «отуземливание» (*indigenization*), которое нередко принимало форму культурного ренессанса малых народов, причем зачастую за счет местного русского населения. Таким образом, заключают Е. Евтухова и Р. Стайтс, в СССР происходило не только построение единой империи, но и созидание новых наций, благодаря чему новая империя оказывалась еще более неоднородной, чем прежняя Российская. Проанализировав политическую культуру сталинизма, они приходят к выводу о его существенном отличии от нацизма – в противовес распространённым ныне упрощённым оценкам, игнорирующим историческую специфику двух режимов.

В соответствии со своей основополагающей концепцией авторы пишут не о Великой Отечественной, а о Второй мировой войне. Тем не менее всемирный масштаб и громадное историческое значение войны СССР с гитлеровским блоком показаны очень наглядно. Подчеркивается, что на Советский Союз обрушились «крупнейшие силы вторжения в военной истории», сражение под Курском стало «крупнейшей битвой в истории», а сама война – «величайшей войной в истории». В книге дается тщательно сбалансированная оценка роли ленд-лиза в достижении победы и указывается, что советские потери в 70 раз превышали американские. При этом авторы не закрывают глаза и на те жестокости, которые происходили на территории Германии после ее занятия советскими войсками. В разделе «Священная война и современная память» культ Великой Отечественной войны рассматривается в том числе и как средство легитимизации коммунистического режима.

В. Носков

О хорошем знакомстве авторов с реалиями послевоенной советской истории свидетельствует использование ими знаковых понятий «стиляги», «хрущобы» и т.п. Они отдают должное таким действительно важным явлениям в сфере культуры, как «оттепель» и «деревенская проза». Авторы протестуют против упрощенного изображения культурной жизни брежневского периода, когда даже официальная культура была намного богаче, чем это представлялось на Западе, не говоря уже про складывавшиеся тогда «контркультуры». Реформы М.С. Горбачева, не добившегося особых успехов, оцениваются довольно снисходительно. Имя Б.Н. Ельцина ассоциируется с кровопролитием в Москве и Чечне, в первую очередь, и с определенными достижениями в сфере политики и экономики, во вторую. Параграф о В.В. Путине представляет собой простую компиляцию официального биографического мифа с либеральной критикой отдельных его действий, поэтому его нельзя отнести к числу творческих удач авторов, что, впрочем, вполне объяснимо. Последняя глава книги, «Другая Россия: эмиграция в двадцатом столетии», несет, без сомнения, важную смысловую нагрузку, однако оставляет впечатление некоего дописка к основному тексту.

При написании нарратива такого масштаба, каким является рецензируемая книга, неизбежны отдельные ошибки. В частности, указывается, что фрегат «Паллада» совершил свое знаменитое плавание в 1830-е годы (с. 50), хотя в действительности это происходило в 1850-е. Публикация чаадаевского «Письма», согласно авторской версии, состоялась в промежутке «между “золотым веком” русской поэзии и расцветом философии» (с. 52). Не совсем понятно, почему эти процессы разделены во времени. В момент публикации первого «Философического письма» (1836) еще были живы А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, а философия уже начинала с успехом утверждаться на русской почве, о чем упоминается на той же странице. Эти явления

вообще трудно разделять, поскольку и расцвет поэзии, и подъем философии представляли собой различные аспекты единого процесса становления самобытной национальной культуры.

Некоторые авторские заключения представляются спорными. Например, о том, что антипольские выступления на Украине объяснялись исключительно экономическими причинами и не имели признаков национального движения (с. 84). Современные исследования по истории польско-украинских отношений позволяют заключить, что они с достаточно давних времен приобрели все черты этнического конфликта, который лишь усугублялся социальной дифференциацией. Данная авторами оценка находится в некотором противоречии с общей концепцией книги, согласно которой межнациональным отношениям уделяется повышенное внимание. Непонятно также, на чем основано утверждение о «русской враждебности к исламу» (с. 89). На с. 117 пишется: «Польское восстание разделило русскую интеллигенцию». С таким заключением трудно согласиться, поскольку, наоборот, 1863-й год стал одним из редких моментов почти полного единодушия (как и 1830-й год), а исключение из общего правила составляли лишь несколько диссидентов и эмигрантов, но не сколько-нибудь заметная группировка в рядах собственно российской интеллигенции.

Болгария обрела независимость не в 1878 году (с. 137), а тридцать лет спустя. Дав «панславизму» 1870-х упрощенное определение как «имперской идеологии» и характеризуя теории Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева как «поистине расистские», что уж совершенно не соответствует действительности, авторы искренне удивляются потом, что к этому интеллектуальному движению примкнул и Ф.М. Достоевский (с. 134–135). Удивляться не пришлось бы, если бы они дали более адекватную характеристику «панславизма» и внимательнее проследили взаимосвязь идей трех величайших русских мыслителей.

История России в европейском контексте

В «четверку гигантов» – предшественников «серебряного века», наряду с В.С. Соловьевым, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, авторы включили Н.Ф. Федорова (с. 203), хотя эта фигура вряд ли сопоставима с тремя остальными. А сами творцы «серебряного века», отдавая должное Толстому и Федорову, считали своими предшественниками только двоих – Соловьева и Достоевского. По утверждению авторов, в этот период сложились «беспрецедентные» возможности для сближения между интеллигенцией и народом, хотя хорошо известно, что деятели русского ренессанса ощущали себя в изоляции не только от народа, но и от широких масс интеллигенции. Не очень убедительно обоснована идея датировать начало первой русской революции 1904-м годом (гл. 12). И почему, как пишется на с. 272, германское посольство в 1914 году громили одни только студенты?

Оценивая книгу Е. Евтуховой и Р. Стайтса в целом, следует подчеркнуть, что в ней дается многомерная, многоцветная, очень наглядная панорама российской истории на протяжении двух последних столетий. Работа имеет хорошо продуманную структуру, удачно сформулированы темы и названия разделов, к которым подобраны не менее удачные эпиграфы. Традиционный нарратив сочетается здесь с объяснением; каждой главе предшествует четкая постановка проблемы. Авторы стараются избегать простых объяснений и однозначных оценок. Книга написана хорошим литературным языком, ее отличает лаконичный стиль и глубокое проникновение в описываемую реальность. Очень тщательно подобраны иллюстрации, призванные, помимо своего прямого назначения, отразить все богатство русской изобразительной культуры. На страницах книги представлены произведения В.М. Васнецова, В.Г. Перова, И.Е. Репина, М.А. Врубеля, Л.С. Бакста, К.С. Малевича. А в числе нарративных источников, использованных авторами, – сочинения А.С. Пушкина, И.С. Тургене-

ва, Ф.М. Достоевского, А. Белого, Н.А. Бердяева. В приложении дается очень представительный перечень англоязычной литературы по русской истории, включая немногочисленные переводы трудов отечественных историков. Следует отметить, что не вся опубликованная на английском языке литература отличается высоким качеством (например, по истории Русско-японской войны) и далеко не все аспекты истории России получили освещение в англоязычной историографии, что сказалось на содержании книги.

Во всех отношениях рецензируемая книга представляет собой полезное пособие для англоязычных читателей, желающих познакомиться с русской историей. В ней нашли отражение все важнейшие аспекты и стороны прошлого России – от глубин повседневной народной жизни до широкого международного контекста. Авторы хорошо понимают суть событий и их сложность – и умеют показать это своему читателю. С опорой на «новый историзм», но не порывая с традиционным, им удалось осуществить довольно удачный синтез российской истории в век всесокрушающего анализа. Несомненный приоритет отдается культуре во всех ее многообразных проявлениях, четко обозначены основные вехи духовной и интеллектуальной истории России. Главный итог – Россия предстает со страниц книги как страна с трагической историей, но с богатейшей культурой, успешное развитие которой продолжалось во все времена и при всех режимах. Открытым остается только вопрос: что станет с этой культурой дальше?

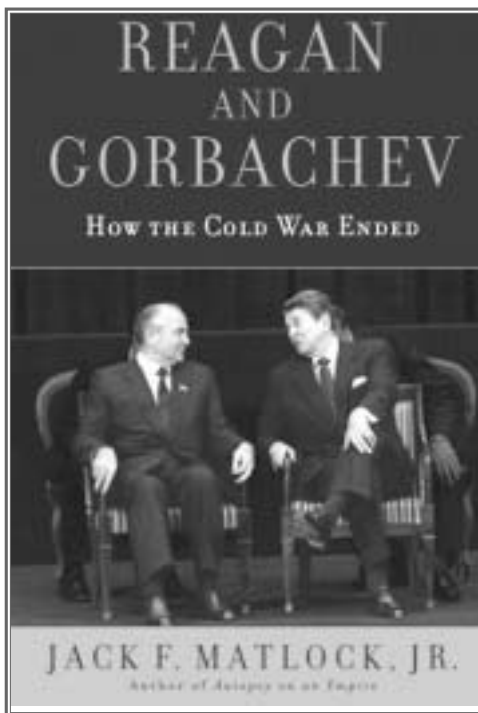
Владимир Носков,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
всеобщей истории
Российского государственного
педагогического
университета им. А.И. Герцена

Вышли из печати

Книга «Рейган и Горбачев» Джека Ф. Мэтлока-младшего – это свидетельство очевидца окончания «холодной войны», от которого выиграло все человечество. Главный советник Рональда Рейгана по делам Европы и Советского Союза, а позднее посол США в СССР, Дж. Мэтлок сам является «живой историей» – одним из ведущих разработчиков политики, направленной на примирение с Советским Союзом. Используя личные документы, недавние интервью с главными участниками тех событий, а также отечественные и зарубежные архивные материалы, автор предлагает читателям взглянуть изнутри на перипетии этой дипломатической кампании, во главе которой стояли два человека, обладавшие необыкновенной прозорливостью.

21 сентября 2004 года в Центре Вудро Вильсона состоялась презентация книги. Дж. Мэтлок рассказал многочисленной аудитории о том, что причиной, побудившей его взяться за перо, стало огромное количество неверных представлений о том, как и когда закончилась «холодная война». По его мнению, в слишком большом числе комментариев была искажена суть происходивших событий. Намеки на то, что Соединенные Штаты выиграли «холодную войну», или на то, что администрация Рейгана «покончила» с Советами, были прямо противоположны подходу последней к этому вопросу. «Холодная война», считает Дж. Мэтлок, закончилась не только задолго до развала Советского Союза, но и до краха коммунистического режима. Необходимо ясно представлять прошлое, чтобы объективно оценивать настоящее, утверждает автор.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов мир потрясли три грандиозных события. Завершение «холодной войны», по мнению Дж. Мэтлока, было лишь

Джек Ф. Мэтлок.
Рейган и Горбачев: как закончилась «холодная война».

Jack F. Matlock, Jr. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended.

New York: Random House, 2004. 384 p.

одним из них и явилось следствием сотрудничества лидеров западного альянса с руководителем Советского государства. Конец коммунистического правления в СССР и конец «холодной войны» – два разных события. Возможно, что первое было бы невозможно без второго, размышляет Дж. Мэтлок, но не оно его спровоцировало. Запад, утверждает он, вовсе не ставил перед собой такую цель. В конечном счете, Советский Союз распался благодаря внутренним факторам, а не политике Запада. Реформы М. Горбачева, поддержанные Западом, вкупе с окончанием «холодной

войны» помогли сдвинуть крышку с кипящего котла, которым являлся СССР. Р. Рейган, независимо от того, что думали по этому поводу некоторые члены его администрации, никогда не рассматривал это как игру в «победителей и побежденных». Скорее он верил в то, что демократия возьмет верх над тоталитаризмом и что Соединенные Штаты будут стремиться к осуществлению своих целей, не нанося чрезмерного вреда мирному Советскому Союзу.

В книге показано, как шел этот процесс, порой крайне стремительно, подстегиваемый, по мнению Дж. Мэтлока, в основном двумя людьми – Р. Рейганом и М. Горбачевым. Если бы не они, «холодная война» могла бы закончиться позже и отнюдь не так мирно. Автор приходит к выводу, что если бы М. Горбачев не ослабил железную хватку находившихся у власти коммунистов, то, несмотря на экономические трудности, советская система могла бы выжить и, возможно, существовала бы и по сей день. Политическое мастерство обоих президентов, а также то, что они смогли заставить представителей своих администраций придерживаться совместно принятых решений, позволили событиям развиваться именно так, как они развивались.

Книга помогает по-новому взглянуть на то, как Р. Рейган понимал «холодную войну», на его методы работы и взаимоотношения с М. Горбачевым, на то, какие цели преследовал американский президент на некоторых встречах с советским лидером. Дж. Мэтлок рассказал собравшимся, что перед Женевской встречей Р. Рейган, продиктовав сформулированные им цели предстоящей встречи секретарю, добавил в конце: «Чего бы мы ни достигли, не следует называть это победой, поскольку (Советы) должны

понимать, что они делают это в своих собственных интересах». По-новому предлагается взглянуть на встречу в Рейкьявике, некогда считавшуюся провалом и лишь позже оцененную по достоинству. Так, мнению М. Горбачева, эта встреча стала поворотным пунктом в отношениях с США в целом и в его отношениях с Р. Рейганом в частности. После визита американского президента в Москву контакты между двумя лидерами действительно стали стремительно развиваться.

Дж. Мэтлок считает, что конец «холодной войны» пришелся на 1988-й год; все последующие события можно назвать «дипломатией расчистки», крайне важной миссией, с которой умело справлялась администрация Дж. Буша-старшего, но уже не являвшейся дипломатией «холодной войны».

Оценивая книгу, Томас С. Блэнтон, директор Архива по национальной безопасности, заметил, что она еще раз доказывает, что завершение «холодной войны» само по себе было чудом. Дж. Мэтлок сочетает в себе два столь необходимых историкам качества – он располагает документами и является очевидцем событий. Автор успешно воссоздает интерактивную историю, вовлекая в повествование своих прежних собеседников. Однако, по мнению Т. Блэнтон, как истинный дипломат Дж. Мэтлок предпочитает не критиковать некоторых людей своего круга, и в итоге после прочтения книги читателю хочется больше узнать о подоплеке событий, о конфликтах и подковерных интригах в администрации президента.

Кристиан Остерман,
директор международного проекта
по изучению «холодной войны»
Центра Вудро Вильсона

Джек Ф. Мэтлок – посол США в СССР (1987–1991), специальный помощник президента США по вопросам национальной безопасности, глава отдела Европы и СССР Совета национальной безопасности США (1983–1986), посол США в Чехословакии (1981–1983). Член Консультативного совета Института Кеннана (1993–1997). Автор книги о распаде Советского Союза «Аутопсия империи», статей по международной политике, международным отношениям, русской литературе и истории.

Вышли из печати

В первом выпуске «Вестника» (весна 2002 года) была опубликована рецензия на книгу Блэра А. Рубла «Second Metropolis. Pragmatic Pluralism in Gilded Age Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka». Недавно она была переведена на русский язык и выпущена Московской школой политических исследований под названием «Стратегия большого города».

Книга Б. Рубла, директора Института Кеннана и содиректора проекта сравнительных урбанистических исследований при Международном научном центре имени Вудро Вильсона – это, в сущности, полувековой эпизод увлекательной, почти авантюрной истории Москвы, Чикаго и Осаки в реальном контексте «дикого капитализма» второй половины XIX – начала XX века. Исследуя причины и суть конкретных городских проблем, автор приходит к выводу о том, что городские лидеры были обречены выстраивать коалиции между несопоставимыми, на первый взгляд, общественными группами, извлекая «выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывали отвращение». Эффективность городской власти напрямую зависела от способности реализовать один из немногих действенных политических методов управления материальными и людскими ресурсами, которому автор дал определение прагматического плю-

Блэр А. Рубл.

Стратегия большого города.

Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи.

М.: Московская школа политических исследований, 2004. 456 с.

рализма. Уникальный опыт «вторых столиц» России, США и Японии в применении этого инструмента оптимального управления во многих его аспектах актуален и сегодня.

Вышли из печати

Книга, написанная американскими исследователями, отражает давний интерес американцев к Москве – центру и символу России. В ней рассказывается о Москве на рубеже XIX и XX веков, когда она играла ведущую роль в экономике, культуре и социальном развитии страны.

Среди авторов книги представители разных общественных наук: географии, политологии, урбанистики, истории градостроительства и архитектуры, литературоведения и искусствоведения. Они описывают облик города, его планировку и застройку, хозяйство, культуру, пространственную неоднородность городской среды. Впервые публикуется уникальная карта ценности земли в Москве в начале XX века. Особый интерес представляет сопоставление двух лидеров капиталистического развития в своих странах – Москвы и Нью-Йорка. Отдельные главы посвящены отражению Москвы в литературе и живописи. В конце книги приводится сравнение старой Москвы с Москвой послереволюционной и Москвой сегодняшней. Хотя авторы не претендуют на всеохватывающий анализ, их взгляд «издалека» на Москву столетней давности будет интересен всем, кто любит историю великого города.

Авторы:

Уильям К. Брумфильд, Роберт Виттaker, Роберт Гохстанд, Павел Ильин, Микаэлла Каган, Катя Короткина-Розенцвейг, Блэр А. Рубл.

Москва рубежа XIX и XX столетий:

Взгляд в прошлое издалека.

Ответственные редакторы

П. Ильин и Б.А. Рубл.

М.: РОССПЭН, 2004. 304 с.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Темы седьмого выпуска «Вестника» (весна 2005):

- **Политическая демократия и защита прав человека**
- **Этнополитические процессы и регулирование конфликтов**
- **Защита окружающей среды и права человека**

*Редакция будет признательна авторам,
которые пришлют статьи по этой проблематике
до 20 января 2005 года.*

Для рубрики «Тема номера» принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 6 / 2 0 0 4

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
ООО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (095) 232-34-96 Электронный адрес: kennan@kennan.ru